

Ю. П. ИВАСК

НА ЗАПАДЕ

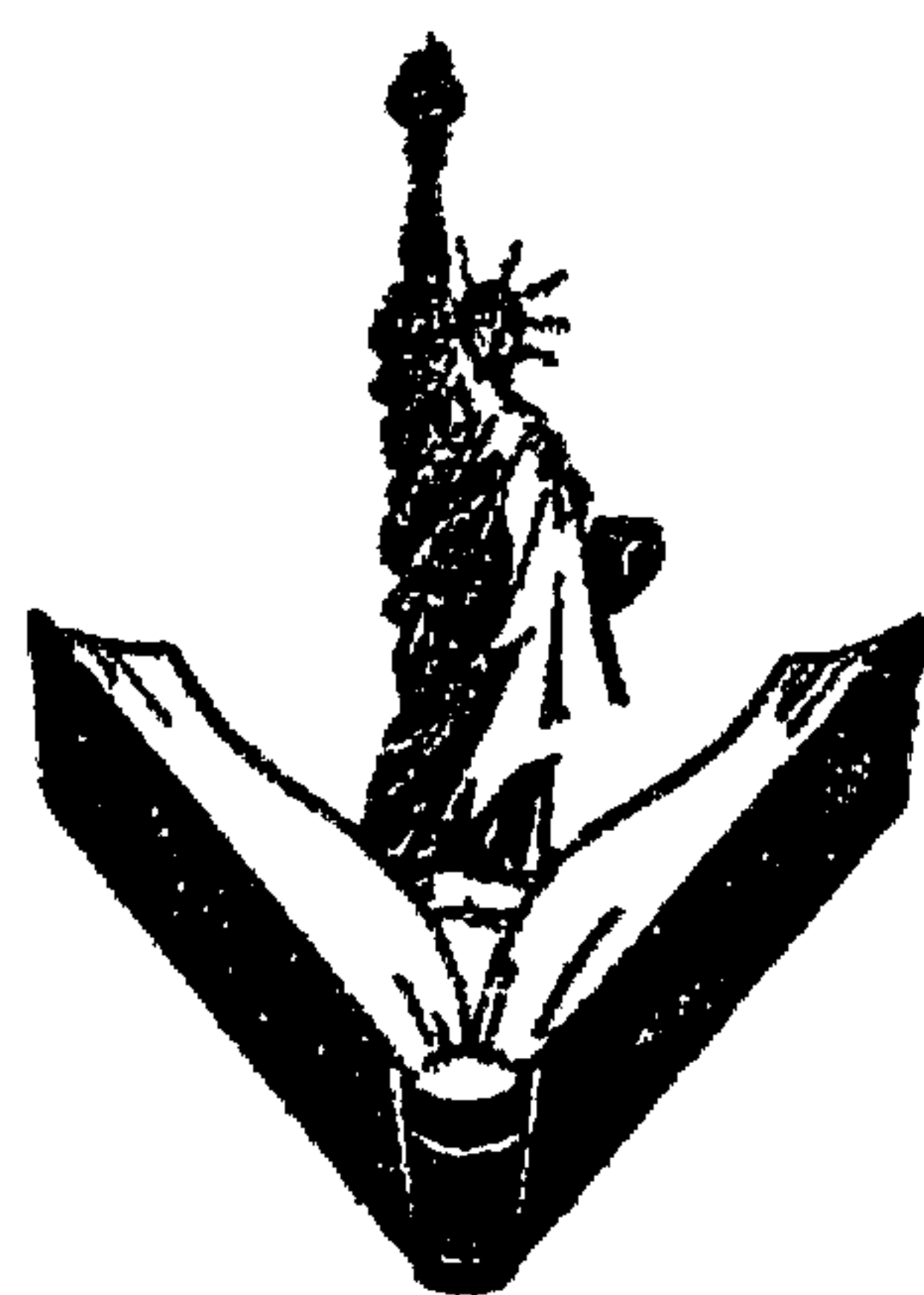

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

НА ЗАПАДЕ

АНТОЛОГИЯ РУССКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЭЗИИ

Составил Ю. П. ИВАСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Нью-Йорк

1953

AN ANTHOLOGY OF RUSSIAN EMIGRE POETRY
EDITED *by* GEORGE IVASK

Copyright, 1953, by

CHEKHOV PUBLISHING HOUSE
OF THE EAST EUROPEAN FUND, INC.

Printed in the United States of America

Эмиграция всегда несчастье. Ведь изгнанники обречены на тоску по родине и обычно на нищету.

Но эмиграция не всегда неудача. Творчество, творческие удачи возможны и на чужбине.

Вспомним, как расцвела за рубежом польская поэзия: и теперь эпоха Мицкевича, Словацкого, Красинского, Норвида именуется Великой Эмиграцией. Правда, тогда между Западом и Польшей не было железного занавеса, связь не прерывалась. Поэтому аналогий проводить не стоит. К тому же окончательная оценка зарубежной России — дело будущего. Это относится и к эмигрантской поэзии.

Задача сегодняшнего дня — просто ознакомить читателя с зарубежными поэтами. Ведь трудно достать многие сборники, а стихи в журналах — материал слишком отрывочный, разрозненный, часто крайне случайный и нехарактерный. Представления об эмигрантской поэзии в целом — журналы дать не могут. Отсюда — потребность в антологии. Одна уже была: «Якорь» Г. В. Адамовича и М. Л. Кантора. Но со времени выхода этой прекрасной книги прошло семнадцать лет*). Уже одно это оправдывает появление новой антологии.

О принципе составления сборника. — Более всего места уделяется лирике. Это не должно удивить читателя. Ведь вся современная поэзия как иностранная, так и наша, эмигрантская, есть, главным образом, поэзия лирическая. Включение же ряда публицистических

*) Отметим еще «Эстафету» — сборник стихов зарубежных поэтов, под редакцией И. Яссен, В. Андреева и Ю. Терапиано (1948 г.?).

стихотворений объясняется необходимостью отражения эмигрантской проблематики.

Содержание антологии обусловлено, прежде всего, наличием в зарубежной поэзии следующих трех тем, тесно связанных между собою.

Первая тема — это, конечно, Россия. Это старая тема нашей поэзии, она восходит к Пушкину, Тютчеву и даже к Слову о Полку Игореве. И посейчас, когда западные литературы национальны только по языку, русская поэзия (наряду с польской) остается самой национальной в Европе. Мало найдется русских поэтов, у которых эта тема отсутствует. Даже если нет имени России, то есть Россия, как скрытый мотив. Чем это объясняется? Славянской ли тягой к матери-земле? Или русской привязанностью к ней? Или, наконец, особой судьбой нашей родины? Эта обращенность к России подает повод к обвинениям (со стороны иностранцев) в провинциализме. Но мы, по традициям нашим и по совести, от русской темы отказаться не можем.

Вторая тема — чужбина. Здесь — всё очень сложно. Одних чужое отталкивает, других привлекает, третьих — одновременно отталкивает и привлекает. При этом все, так или иначе, обогащаются новым опытом. Многие переоцениваются: ведь даже не соглашаясь с иностранцами, мы кое на что все-таки смотрим с их точки зрения. Поэзия этот новый опыт, несомненно, отражает. Но при всем своеобразии эмигрантского опыта, тема остается традиционной. Она была и прежде и называлась «Россия и Запад».

Третья тема — одиночество. Кому же не быть одиноким, как не эмигрантам! Однако, и здесь есть традиция. Уже Боратынский обрек себя на уединение: но оно было добровольным, а одиночество — вынужденно... Все-таки и эта тема — не только эмигрантская.

Одиночество (как и уединение) характерно теперь не только для зарубежных поэтов. Бесспорно — это удел очень многих художников Запада. Эпоха — де-

мократическая, а искусство скорее аристократическое, изолированное, не «стандартное», чуждое «массам». Так Рильке, Валери или Элиот — поэты для немногих. Их культура по ту сторону нашей цивилизации. Впрочем, лучше избегать обобщений.

В заключение несколько итогов. Обреченные на эмиграцию, т. е. на несчастье, зарубежные поэты (как и художники, ученые) творили, творят. Полная оценка этого творчества — удел будущих, далеких и невообразимых для нас русских читателей. Какова она будет, об этом возможны только догадки. Но, думаю, справедливо было бы признать, что самый факт эмиграции обогатил русскую поэзию «новым трепетом» и — следовательно, наше несчастье было одновременно нашей удачей.

В сборнике четыре отдела.

1. Старшее поколение. Здесь поэты вполне определившиеся еще в России.

2. Парижские поэты. Некоторые из них писали еще в России, но полностью выразили себя за рубежом. За ними следует поколение, сложившееся уже в эмиграции. Формально между парижанами мало общего. Но была и есть общая для них парижская атмосфера. Когда-нибудь историк русской поэзии и культуры отдельную главу своей книги назовет именем Парижа.

3. Разных концов. Сюда входят поэты малых центров — Праги, Берлина, Белграда, Варшавы, Риги, Ревеля, Нью-Йорка и др. *)

4. Новые голоса. Здесь поэты, эмигрировавшие лет 10-12 тому назад. Сперва они были рассеяны по Германии, теперь живут преимущественно в Америке. Очень немногим из них удалось выпустить

*) Данные о харбинских поэтах — к сожалению, отсутствуют.

сборники и это, конечно, затрудняет работу редактора. Есть интерес к ним со стороны читателя и, несомненно, интерес этот заслужен. Всё же поэтам старой эмиграции уделяется больше места, хотя бы потому, что творчество их охватывает большие сроки. Целый ряд поэтов придется, за отсутствием места, не представлять вовсе или представить недостаточно полно.

Всё-таки число авторов может показаться чрезмерным. Возражающим замечу: о духе любого искусства нельзя судить по единицам. Искусство создается многими (хотя, конечно, и не «коллективом»). Отсюда необходимость включить в сборник, по возможности, многих.

В заключение несколько слов о наименовании сборника: «а Западе»^{*}). Это простое констатирование факта, истолкование которого предоставляется читателям.

Благодарю поэтов, участников антологии, за сотрудничество, а также всех — оказавших мне помощь и содействие при составлении этой книги. Мою жену, Т. Г. васк, благодарю за переписку и корректуру.

Ю. ИВАСК

^{*}) Так называется сборник стихов Г. Адамовича.

В тексте нашей антологии, по возможности, сохраняется орфография и пунктуация авторов.

I

ЦИЦЕРОН

Он с обреченными связал свою судьбу.
Он близких к гибели и слабых на борьбу
Звал за бессильные и дряхлые законы.
Но с триумвирами и рок, и легионы,
Но императорских победен взлет орлов,
А у сената что? Запас красивых слов!

Повсюду сеял смерть Антоний триумфатор.
И старый Цицерон, как бедный гладиатор,
Увидевший свой меч раздробленным в руках,
В огне отчаянья сжег месть и страсть, и страх,
И без надежд, и груз неся разуверений,
Бежал. Но беглеца убил солдат Геренний.

Антоний с Фульвией, справляя торжество,
Велели голову точеную его
С трибуны выставить, с которой он, оратор,
Как славный адвокат, как консул, как сенатор
К народу говорил и где звучала речь —
Щит беззащитного, попранной правды меч.

И, после, выпросив ее, взяв на колена,
Смотрела Фульвия в глаза, добычу тлена,
Бескровный медленно колола злой иглой
Язык, насмешкою ее коловший злой,
Когда в периодах, толпой бегущих тесной,
Он стыд блудницы жег и ранил честь бесчестной.

ПИСЬМО КАХОВСКОГО ИМПЕРАТОРУ

Не о себе хочу говорить я, но о моем отечестве.
Пока не остановится биение сердца, оно будет
 мне дороже всех благ мира и самого себя.
Я за первое благо считал не только жизнью —
 честью жертвовать пользе моего отечества.
Умереть на плахе, быть растерзану и умереть в
 самую минуту наслаждения — не все ли равно.
Но что может быть слаще, как умереть, принеся пользу?
Человек, исполненный чистотой, жертвует собой
 не с тем, чтобы заслужить славу, строчку в истории,
Но творить добро для добра без возмездия.
Так думал я, так и поступал.

Увлеченный пламенной любовью к родине, страстью к свободе,
Я не видал преступления для блага общего.
Согрет пламенной любовью к отечеству:
Одна мысль о пользе оного питает мою душу.
Я прихожу в раздражение, когда воображаю себе все беды,
Терзающие мое отечество.

Конституция — жена Константина... забавная выдумка!
О, мы очень бы знали заменить конституцию законом!
И имели слово, потрясающее сердца всех сословий: «Свобода».

Мы не можем жить, подобно предкам, ни варварами, ни рабами:
Ведь чувство свободы прирождено человеку.
Во имя чего звать к восстанию? Во имя свободы.
Свобода — вот лозунг, который подхватят все.
Свобода, сей светоч ума, теплотвор жизни.
Свобода обольстительна, и я, распаленный ею, увлек других.

Жить и умереть для меня — одно и то же.
Мы все на земле не вечны — на престоле и в цепях.
Человек с возвышенной душой живет не роскошью, а мыслями —
Их отнять никто не в силах.
Тот силен, кто познал в себе силу человечества.
Я и в цепях буду вечно свободен.
О, свобода, светоч ума, теплотвор жизни!..

**
*

Не все ли равно мне, где жить и томиться
Любовью земной и печалью земной,
Откуда к безвестному страстно стремиться?
Ах, все равно! Всюду я буду молиться,
Любить красоту и дышать тишиной.

Россия далекая, образ твой помню,
Но вижу в мечтах столь прекрасной тебя,
Что, может быть, дома я был бы бездомней!...
Не все ли равно мне, не все ли равно мне,
Где верить в тебя мне, где помнить, любя?

А если забвенье в душе уничтожит
Тоску по тебе, неразумную боль, —
Что-ж' Тем, кого совесть бессильно тревожит,
Кто биться не хочет, забыться не может,
Где жить и где быть им — не все им равно ль?!

О, что здесь есть, кроме усталости?
Смотрю на вас, друзья мои!
Немного мудрости и жалости,
Немного боли и любви;
Да тень прозрачная вечерняя —
Еще не близкой смерти час,
Да жизни будничные тернии,
Деля, соединяют вас!

1 9 1 7

Какой звезды сиял нам свет?
На утре дней, в истоках лет,
Больших дорог минуя стык,
Куда нас мчал лихой ямщик?..

Одним черед. Другим черед.
За взводом взвод. И — взвод, вперед!
Теплушек смрад. Махорки дым.
Черед одним. Черед другим.

Один курган. Другой курган.
А в мире ночь. Седой туман.
Протяжный вой. Курганов цепь.
Метель. Пурга. Татары. Степь.

УЕЗДНАЯ СИРЕНЬ

Как рассказать минувшую весну,
Забывшую, далекую, иную,
Твое лицо, прильнувшее к окну,
И жизнь свою, и молодость былую?

Была весна, которой не вернуть...
Коричневые, голые деревья.
И полых вод особенная муть,
И радость птиц, меняющих кочевья.

Апрельский холод. Серость. Облака.
И ком земли, из под копыт летящий.
И этот темный глаз коренника,
Испуганный, и влажный, и косящий.

О, помню, помню!.. Рывкнул паровоз.
Запахло мятой, копотью и дымом.
Тем запахом, волнующим до слез,
Единственным, родным, неповторимым,

Той свежестью набухшего зерна,
И пыльною, уездною сиренью,
Которой пахнет русская весна,
Приученная к позднему цветенью.

АВГУСТ

Тяжкие грозди глициний,
Утро, симфония света.
Воздух прозрачный и синий,
Воздух парижского лета.

Прелые запахи тлена,
Милая сладость земного.
Легкая, смертная пена,
Горечь бессильного слова.

Разве не чуют, что ветер
С русской бескрайной равнины
Вихрем взметет эти розы,
Стебли, газоны, куртины.

Станет в слепом сладострастии,
В страшном припадке удушья,
Рвать и топтать это счастье,
Мстить за предел равнодушья, —

Лишь бы, сломав, уничтожив,
Вольно гулять по пустыне,
Сыпля на смертное ложе,
Хрупкие грозди глициний.

Я помню, мне четыре было года,
Весна была цветиста и светла,
Когда старушка-няня умерла.
Я был один. И я стоял у входа.

Что значит смерть? Вся искрилась природа.
Но няня спит. И странно так бела.
Унылились вдали колокола.
В село от нас пошла толпа народа.

Я не пошел. На няню посмотрев,
Я в малом сердце ощутил стесненье.
И скрылся в сад. Там птичье было пенье.

И слушая дерев и птиц напев,
Я думал, что цветы и озаренье
Действительность, а смерть лишь заблужденье.

**
*

В селе заброшенном во глубине России
Люблю я увидеть поблекшего дьячка.
Завялый стебель он. На пламени цветка
Навеялась зола. Но есть лучи живые.

Когда дрожащий звон напевы вестовые
Шлет всем желающим придти издалека,
В золе седеющей мельканье огонька,
И в духе будничном воскресность литургии.

Чтец неразборчивый, вникая в письмена,
Нетвердым голосом блуждает он по чашам.
Как трогателен он в борении спешащем.
Бог слышит. Бог поймет. Здесь пышность не нужна.
И голос старческий исполнен юной силой,
Упорный свет лия в зов: «Господи помилуй!»

* *
*

Пролетел югозападный ветер сырой,
Вышел волк, осеннистый он зверь, матерой,
Уж не первую осень в яру осенюет,
В снегобелой глуши и ночует, и днюет.

Были яблоки первых у нас осенин,
И вторых загорелся огонь не один,
И уж третьи пришли и прошли осенины,
И капусткой отпраздновал год именины.

Обронился на землю холодный туман,
И содвинулся с шубою серый кафтан.
Вот зазимье. Покров. И бубенчики. Свадьбы.
В волке мысли не те: «зайцу глотку порвать бы!»

Да поймай его, зайца. Он с ветром знаком.
Промелькнет и прокатится прочь коlobком.
И завыл матерой. Лес откликнулся хмурый,
Приубравшись на миг волчьей пасмурной шкурой.

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

У райской запретной стены,
В час полуденный,
Адамий с женой Еввой скорбит:
Высока, бела стена райская,
Еще выше того черные купарисы за ней,
Густа, ярка синь небесная;
На той ли стене павлины сидят,
Хвосты цветут ярью-зеленью,
Головки на зубчатых венчиках;
На тех ли купарисах птицы вещие
С очами дивными и грозными,
С голосами ангельскими,
С красою женскою,
На головках свечи восковые теплятся
Золотом-пламенем;
За теми купарисами пахучими —
Белый собор Апостольский,
Белый храм в золоченых маковках,
Обитель отчая
Со духи праведных,
Убиенных Антихристом:
— Исусе Христе, Миленький!
Прости душу непотребную!
Вороти в обитель отчую!

СИРИУС

Где ты, звезда моя заветная,
Венец небесной красоты?
Очарованье безответное
Снегов и лунной высоты?

Где молодость простая, чистая,
В кругу любимом и родном,
И старый дом и ель смолистая
В сугробах белых под окном?

Пылай, играй стоцветной силою,
Неугасимая звезда,
Над дальнею моею могилою,
Забытой Богом навсегда.

**
*

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...

Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказав прости родному дому!

У зверя есть нора, у птицы есть гнездо...

Как бьется сердце, горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой, наемный дом
С своей уж ветхою котомкой!

Печаль ресниц, сияющих и черных,
Алмазы слез, обильных, непокорных,
И вновь огонь небесных глаз,
Счастливых, радостных, смиренных, —
Все помню я... Но нет уж в мире нас,
Когда-то юных и блаженных!

Откуда же являешься Ты мне?
Зачем же воскресаешь Ты во сне,
Несрочной прелестью сияя,
И дивно повторяется восторг,
Та встреча, краткая, земная,
Что Бог нам дал и тотчас вновь расторг?

ВЕНЕЦИЯ

Колоколов средневековый
Певучий зов, печаль времен,
И счастье жизни вечно новой,
И о былом счастливый сон,

И чья-то кротость, всепрощенье
И утешенье: все пройдет!
И золотые отраженья
Дворцов в лазурном глянце вод,

И дымка млечного опала,
И солнце, смешанное с ним,
И встречный взор, и опахало,
И ожерелье из коралла
Под катафалком водяным.

**
*

Уж как на́-море, на́-море,
На синем камени,
Нагая краса сидит,
Белые ноги в волне студит,
Зазывает с пути корабельщиков:
— «Корабельщики, корабельщики!
Что вы по свету ходите,
Понапрасну ищите
Самоцветного яхонта-жемчуга?
Есть одна жемчужина —
Моя нагая краса,
Уста жаркие,
Груды холодные,
Ноги легкие,
Лядвии тяжелые!
Есть одна утеха не постылая —
На руке моей спать-почивать,
Слушать песни мои унывные!»
Корабельщики плывут, не слушают,
А на сердце тоска-печаль,
На глазах слезы горячие.
Ту тоску не заспать, не забыть
Ни в пути, ни в пристани,
Не отдумать дб-веку.

*

Льет без конца. В лесу туман.
Качают елки головою:
«Ах, Боже мой!» — Лес точно пьян,
Пресыщен влагой дождевою.

В сторожке темной у окна
Сидит и ложкой бьет ребенок,
Мать на печи, — все спит она,
В сырых сенях мычит теленок.

В сторожке грусть, мушиный гуд...
— Зачем в лесу звенит овсянка,
Грибы растут, цветы цветут
И травы яркие, как медянка?

— Зачем, под мерный шум дождя,
Томясь всем миром и сторожкой,
Большеголовое дитя
Долбит о подоконник ложкой?

Мычит теленок, как немой,
И клонят горестные елки
Свои зеленые иголки:
«Ах, Боже мой! Ах, Боже мой!»

ДОЧЬ

Все снится: дочь есть у меня,
И вот я, с нежностью, с тоской,
Дождался радостного дня,
Когда ее к венцу убрали,
И сам, неловкою рукой,
Поправил газ ее вуали.

Глядеть на чистое чело,
На робкий блеск невинных глаз
Не по себе мне, тяжело,
Но все ж бледнею я от счастья,
Крестя ее в последний час
На это женское причастье.

Что снится мне потом? Потом
Она уж с ним, — как страшен он! —
Потом мой опустевший дом —
И чувством молодости странной,
Как будто после похорон,
Кончается мой сон туманный.

СИЯНИЯ

У каждого, кто встретится случайно
Хотя бы раз — и сгинет навсегда, —
Своя история, своя живая тайна,
Свои счастливые и скорбные года.

Какой бы ни был он, прошедший мимо,
Его наверно любит кто-нибудь...
И он не брошен: с высоты незримо,
За ним следят, пока не кончен путь.

Как Бог хотел бы знать я все о каждом,
Чужое сердце видеть, как свое,
Водой бессмертья утолять их жажду —
И возвращать иных в небытие.

ВТАЙНЕ

Сегодня имя твое я скрою,
И вслух — другим — не назову,
Но ты услышишь, что я с тобою,
Опять тобой — одной — живу.

На влажном небе Звезда огромней,
Дрожат — струясь — ее края,
И в ночь смотрю я, и сердце помнит,
Что эта ночь — твоя, твоя!

Дай вновь увидеть родные очи,
Взглянуть в их глубь — и ширь — и синь.
Земное сердце великой ночью
В его тоске — о, не покинь!

И всё жаднее, всё неуклонней
Оно зовет — одну — тебя.
Возьми же сердце мое в ладони,
Согрей — утишь, — утешь, любя.

8 НОЯБРЯ

Тихие сумерки и разноцветная,
Медленно меркнущая морская даль.
Розово-серая и безответная,
Тоже тихая, во мне печаль.

Пахнет розами и неизбежностью,
Кто поможет, и как помочь?
Вечные смены, вечные смежности,
Лето и осень — день и ночь.

.

Свечи кудрявятся за тихой всенощной,
К окнам высоким мрак приник,
Пахнет розами... Как мы немощны!
Радуйся, радуйся, Архистратиг!

МЕРА

Всегда чего-нибудь нет, —
Чего-нибудь слишком много...
На все как бы есть ответ,
Но без последнего слога.

Свершится ли что — не так,,
Некстати, непрочно, зыбко,
И каждый неверен знак,
В решении каждом — ошибка.

Змеится луна в воде, —
Но лжет, золотясь, дорога...
Ущерб — перехлест везде.
А мера... только у Бога.

**
*

Ты не любишь овец покорных,
Не пропадающих,
Ты любишь других, упорных
И вопрошающих.
Услышишь ли, за оградой
Блеют тревожные,
Идешь к ним, покинув стадо.
Где бездорожные?
И каждая овца такая,
Знает, что искони
Она тебе самая родная,
Самая близкая.

Зверенок на веревочке, с круглыми ушами,
С предлинным и претонким тельцем шерстяным,
Откуда и зачем ты явился между нами,
И как ты на веревочку попал — к чужим?

Не то, чтоб обезьяна он; нисколько не кошка:
Ухватки не кошачьи, и лапочки не те.
Свистит протяжно-робко, сидит, поджавши ножки,
На собственном, смешном, на узеньком хвосте.

За что тебя обидели чужие напрасно?
Заставили покинуть родину твою?
Ты всё это расскажешь мне, свистом ясным,
Когда мы повстречаемся с тобой — в Раю.

ЛЯГУШКА

Какая-то лягушка (всё равно!)
Заботливо, настойчиво, давно.
Свистит под небом черновлажным

А вдруг она — о самом важном?

И вдруг, поняв ее язык,
Я б изменился, всё бы изменилось,
Я мир бы иначе постиг,
И в мире бы мне новое открылось?

Но я с досадой хлопаю окном:
Всё это — мара ночи южной
С ее томительно-бессонным сном...

Какая-то лягушка! Очень нужно!

Неожиданность — душа другого,
Удивляющая вновь и вновь.
Неожиданность — всякое слово,
Всякая ненависть и любовь.

Неожиданностей ожидая,
Приготовься им быть слугой.
Неожиданность же самая большая —
Это, что женщина — твой другой.

ТHERESE DE L'ENFANT JESUS

Девочка маленькая, чужая;
Девочка с розами; мной невиденная.
Ты знаешь всё, ничего не зная,
Тебе знакомы пути неиденные,
Приди ко мне из горного края,
Сердцу дай ответ, беспокойному...
Милая девочка, чужая, родная,
Приди к неизвестному, недостойному.

Она не судит, она простая,
Желанья сердца она услышит.
Розы ее такую чистою,
Такую нежною радостью дышат...
О, будь со мною, чужая, родная,
Роза розовая, многолистая.

КАМЕННЫЙ ДУБ

Хмурый молчальник, опять бормочу втихомолку стихами:
Хочет и каменный дуб майской листвой прозвенеть.
Дремлет в чеканной броне под бореями бурными зиму:
Зеленью свежей весна в куцах упорных сквозит.
Черную ветвь разгляди: под металлом скорченных листьев
Ржавой смеется тюрьме нежный и детский побег.

РОДИНА

Родина, где ты?
В тайной пещере —
Видимо вере —
Светятся свету.

Кто не ослеп
В веке свирепом,
Людным и лепым
Видит вертеп.

Где невидимый
Зиждут соборне
Храм, — там и корни
Руси родимой.

СВЕРСТНИКУ

Евгению Анчкову

Старина! Еще мы дюжи мыкать
По свету скитальцев русских долю,
В рублище всечеловеков кликать
Духов День, финиста-птицу, Волю.

На Руси ты знал тюрьму, поместье,
Мысли жар и плещущую младость;
Бранником — отечества бесчестье;
Беженцем — келейничества сладость.

Всё в тебе, чем в недрах Русь богата,
Буйствовало: ты мотал богатство...
Как во мне, ином, узнал ты брата?
Осенила Муза наше братство.

Странствие разводит нас и сводит,
Встреча — длинной сказки продолженье,
Свидимся — в нас древний хмель забродит,
И кипит ключом воображенье.

**
*

Вновь арок древних верный пилигрим,
В мой поздний час вечерним AVE ROMA
Приветствую, как свод родного дома,
Тебя, скитаний пристань, вечный Рим.

Мы Трою предков пламени дарим:
Дробятся оси колесниц меж грома
И фурий мирового ипподрома:
Ты, царь путей, глядишь, как мы горим.

И ты пылал — и восставал из пепла,
И памятливая голубизна
Твоих небес глубоких не ослепла.

И помнит в ласке золотого сна
Твой вратарь, кипарис, как Троя крепла,
Когда лежала Троя сожжена.

МОГИЛА

Тот в праве говорить: «я жил»,
Кто знает милую могилу.
Он в землю верную вложил
Любви нерасточенной силу.

Не оскудеет в нем печаль,
Зато и жизнь не оскудеет;
И чем он доле сиротеет,
Тем видит явственнее даль.

Бессмертие ль? О том ни слова!
Но чувствует его тоска,
Что реет к родникам бывшего
Времен возвратная река.

СОБАКИ

Ни вор во двор не лезет, ни гостя у ворот:
Всё спит, один играет огнями небосвод.
А пес рычит и воет, и будит зимний сон;
Тоскливые загадки загадывает он.

Быть может, в недрах Ночи он видит прежде нас,
Что, став недвижно, очи в последний узрят час?
Иль слыша вой зазывный родных загробных свор,
С их станом заунывный заводит разговор?

Резва в полях пустынных, где путь лежит теней,
Их бешенная стая: летать бы, лая, с ней!..
Иль есть меж полчищ Ада и ратей Дня вражда,
И псу, как волчье стадо, его родня чужда?

И за кого на травле вступился б страж людской?
За странницу ли Душу, зовущую покой?
Иль гнал бы, ловчий сильный, ее чрез топь и гать
И пастию могильной рвался бы растерзать?..

Блажен, кто с провожатым сойдет в кромешный мрак,
Покрыт плащом крылатым: вождь укротит собак.
И скоро степью бледной на дальний огонек
Придет он в скит к обедне и станет в уголок.

И взора не подымет на лица вокруг себя:
Узнаёт сердце милых, и тая, и любя.
А вот и Сам выходит, пресветлый на амвон
И Хлеб им предлагает, и Чашу держит Он.

И те за Хлебом Жизни идут чредой одной;
И те, кто Чаши жаждут, другою стороной..
Молчанье света. Сладость. Не гость ли у ворот?..
Немее ночь. Играет огнями небосвод.

ВОСПОМИНАНИЕ О А. Н. СКРЯБИНЕ

Развертывалась дружбы нашей завязь
Из семени, давно живого в недрах,
Когда рукой Садовника внезапно
Был вынут нежный цвет и пересажен
(Так сердцем сокрушенным уповаю)
На лучшего иного мира пажить:
Двухлетний срок нам был судьбою дан.
Я заходил к нему — «на огонек»;
Он посещал мой дом. Ждала поэта
За новый гимн высокая награда, —
И помнит мой семейственный клавир
Его перстов волшебные касанья.
Он за руку водил по ступеням,
Как неопита жрец, меня в свой мир,
Разоблачая вечные святыни
Творимых им, животворящих слав.
Настойчиво, смиренно, терпеливо
Воспитывал пришельца посвятитель
В уставе тайнодейственных гармоний,
В согласьи стройном новозданных сфер.
А после, в долгой за-полночь беседе,
В своей рабочей храмине, под пальмой,
У верного стола, с китайцем кротким
Их мрамора восточного, — где новый
Свершался брак Поэзии с Музыкой, —

О таинствах вещал он с дерзновеньем,
Как въяве видящий, что́ я провидел
Издавна, как сквозь тусклое стекло.
И что́ мы оба видели, казалось
Свидетельством двоих утверждено;
И в чем мы прекословили друг другу,
О том при встрече, верю, согласимся.
Но мнилось, — все меж нас — едва начало
Того, что вскоре станет совершенством.
Иначе Бог судил, — и не свершилось
Мной чаемое чудо — в час, когда
Последняя его умолкла ласка,
И он забылся; я ж поцеловал
Священную хладеющую руку —
И вышел в ночь...

Горит полуденное лето,
от зноя дымно в синеве,
сухая серебристость света —
как пыль на выжженной траве.

Не шелохнется воздух чистый,
не дрогнет горная сосна.
Юг средиземный, день лучистый,
сияющая тишина!

Таинственна, первоначальна —
в ней тонут небо и земля,
и как-то радостно-печально
ей отвечает жизнь моя.

«О, этот юг!»
Т ю т ч е в.

Ах, эти горы! По утрам,
чуть свет, какие озаренья!
Молюсь нагорным алтарям —
и мира непорочен храм,
как в утро первое творенья.

Ах, улететь бы в эту высь
от тьмы, от ужаса земного —
туда, где горы вознеслись
и с бесконечностью слились
пучины неба голубого.

Ах, раствориться в этой мгле,
пронизанной его сияньем,
не помнить о добре и зле,
не быть собою на земле —
быть только светом и мерцаньем...

Зноен день, но с гор прохлада:
и жара, и не жара.
В этих старых липах сада
ветер шелестит с утра.

Небо, даль, просторы... Боже!
этакая благодать —
на качалке полулежа
и дремать, и не дремать,

слушать тишины безбрежной
голоса: цикады скрип,
гуд пчелы и шорох нежный,
шелковистый шелест лип.

И беззвучье и звучанье,
песня золотого дня...
Этой музыке молчанья
нет названья у меня.

**
**

Осиротел бассейн. Давно ли дружно
в нем отражались купы старых лип,
и блеск играл золотоперых рыб,
и шелестел фонтан струей жемчужной...

Теперь он пуст, теперь его не нужно.
В немых аллеях только ветра всхлип,
синицы писк, дуплистых вязов скрип,
да ты, печаль моя по дали южной!

Примолкла жизнь, далёко племена
болтливых птиц, кроты зарылись в норах.
Лишь воронье: кра-кра! И тишина:
Куда ни глянь — пожухлых листьев ворох...
Безлюдье, грусть, сухой предзимний шорох
и первых заморозков седина.

Затишье виллы... Мерным стоном
всё чьи-то гаммы. Солнце. Лень.
Из детской — сад, а над балконом
опущенной маркизы сень...
И ветер с моря, под маркизу
ныряя весело, хмельно,
слегка пощелкивает снизу
в напряженное полотно.

И это всё: одна минута,
Одна зарница волшебства.
Прошли года, но почему-то
во мне с тех пор она жива...
Уносят к югу, к счастью, к детству
тугие всплёски полотна —
и чьи-то гаммы по соседству
из незнакомого окна.

**
*

Спеши, душа! Уж близок перелет
в иную, призрачную землю.
О, птица вольная! За годом год
она слышней зовет, зовет —
а я всё тише внемлю.

О, птица певчая! Прилежней пой
о том, что было недопето.
Любовь и боль и смертный ужас твой
никто не допоеет другой,
а важно только это...

**
*

В четверг под мое окно
приходит женщина петь.
Пусть ей-то уж всё равно,
да жуть на нее смотреть.

Во взоре не то вопрос,
не то, как ножом, печаль,
и грязная прядь волос
бахромкой седой — на шаль.

А песню поет она
такую — хоть плачь навзрыд,
всю душу мою до дна
призывной тоской пронзит.

Любого греха страшней,
нельзя никому простить.
И хочется крикнуть ей:
неправда, не может быть!

МАТЬ МАРИЯ

Пусть отдам мою душу я каждому,
Тот, кто голоден, пусть будет есть,
Наг — одет, и напьется пусть жаждущий,
Пусть услышит неслышавший весть.

От небесного грома до шопота
Учит всё — до копейки отдай.
Грузом тяжким священного опыта
Переполнен мой дух через край.

И забыла я, — есть ли среди множества
То, что всем именуется — я.
Только крылья, любовь и убожество,
И биение всебытия.

* *
*

Я знаю, зажгутся костры
Спокойной рукою сестры,
А братья пойдут за дровами,
И даже добрейший из всех
Про путь мой, который лишь грех,
Недобрыми скажет словами.

И будет гореть мой костер
Под песнопенье сестер,
Под сладостный звон колокольный,
На месте на Лобном, в Кремле,
Иль здесь, на чужой мне земле,
Везде, где есть люд богомольный.

От хвоста тянет дымок,
Огонь показался у ног
И громче напев погребальный.
И мгла не мертва, не пуста,
И в ней начертанье креста —
Конец мой, конец огнепальный.

Парижские приму я Соловки,
Прообраз будущей полярной ночи.
Надменных укорителей кивки,
Гнушенье, сухость, мертвость и плевки, —
Здесь на свободе, о тюрьме пророчат.

При всякой власти отошлет канон
(Какой ни будь!) на этот мертвый остров.
Где в северном сияньи небосклон,
Где множество поруганных икон,
Где в кельях-тюрьмах хлеб дастся черствый.

Повелевающий мне крест поднять,
Сама, в борьбу свободу претворяя,
О, взявши плуг, не поверну я вспять,
В любой стране, в любой тюрьме опять
На дар Твой кинусь, плача и взывая.

В любые кандалы пусть закуют,
Лишь был бы лик Твой ясен и раскован.
И Соловки приму я, как приют,
В котором Ангелы всегда поют, —
Мне каждый край Тобою обетован.

Чтоб только в человеческих руках
Твоя любовь живая не черствела,
Чтоб Твой огонь не вызвал рабий страх,
Чтоб в наших нищих и слепых сердцах
Всегда пылающая кровь горела.

**
*

Вольно льется на рассвете ветер.
За стеклом плуги с сноповязалкой.
Сумрак. Римский дом. С ногою-палкой
Сторож бродит в бархатном берете.

На базар ослы везут капусту.
Солнце загорелось, в тучах рдея.
В сумрачных пролетах колизея
Одиноко, мертвенно и пусто.

Вольно льется на рассвете ветер.
Хорошо быть странником бездомным,
Странником на этом Божьем свете,
Многозвучном, мудром и огромном.

Земли Твоей убогое житье,
Твоих людей убогая работа..
Какое-то звериное чутье
Мне говорит: не жди у поворота.

Пославший в мир послал нас не за тем,
Чтоб только сравнивать, как непохожи
Земля изгнанья и былой Эдем,
Иль лоно праотцев и это ложе.

Был этот тварный мир добро зело,
Стал тварный мир границей преисподней.
Но чую я, — вот шелестит крыло
Всю тварь пронзающей любви Господней.

Всё, что привычно, что всегда вблизи, —
Борьба за жизнь, работа, скука, будни, —
Всего коснись и всё преобрази,
Ты, — Солнце незакатного полудня.

Вот голый куст, а вот голодный зверь,
Вот облако, вот человек бездомный.
Они стучатся. Ты открой теперь,
Открой им дверь в Твой Дом, как мир, огромный.

О, Господи, я не отдам врагу
Не только человека, даже камня.
О имени Твоем я всё могу,
О имени Твоем и смерть легка мне.

СОННОЕ

Что это — утро, вечер?
Где это было, не знаю.
Слишком ласковый ветер,
Слишком подобное раю,
Всё неземное-земное.
Только бывает во сне
Милое небо такое, —
Синее в звездном огне.
Тишь, глушь, бездорожье,
В алых маках межи.
Русское, русское — Божье
Поле зреющей ржи.
Господи, что это значит?
Жду, смотрю, не дыша...
И от радости плачет,
Богу поет душа.

Иногда бывает так скучно,
Что лучше бы на свет не смотреть.
Как в подземном склепе, душно,
И мысль одна: умереть!

Может быть, России не будет, —
Кто это понял до дна?
Разве душа забудет,
Разве забыть должна?

И вдруг всё меняется чудно,
Сердце решает: «пусть!»
И легко всё, что было так трудно,
И светла, как молитва, грусть.

**
*

Доброе, злое, ничтожное, славное, —
Может быть, это всё пустяки,
А самое главное, самое главное,
То, что страшней даже смертной тоски, —

Грубость духа, грубость материи,
Грубость жизни, любви — всего;
Грубость зверихи родной, Эсэсэрии, —
Грубость, дикость, — и в них торжество.

Может быть, всё разрешится, развяжется?
Господи, воли не знаю Твоей,
Где же судить мне? А всё-таки кажется,
Можно бы мир создать понежней.

Склоняется солнце, кончается путь,
Ночлег недалеко — пора отдохнуть.

Хвала Тебе, Господи! Всё, что Ты дал,
Я принял смиренно, — любил и страдал.

Страдать и любить я готов до конца,
И знать, что за подвиг не будет венца.

Но жизнь непонятна, а смерть так проста,
Закройтесь же, очи, сомкнитесь, уста!

Не слаще ли сладкой надежды земной —
Прости меня, Господи! — вечный покой?

Соловьи монастырского сада,
Как и все на земле соловьи,
Говорят, что одна есть отрада,
И что эта отрада — в любви...

И цветы монастырского луга
С лаской, свойственной только цветам,
Говорят, что одна есть заслуга:
Прикоснуться к любимым устам...

Монастырского леса озера,
Переполненные голубым,
Говорят, нет лазурнее взора,
Как у тех, кто влюблен и любим....

**
*

Как женщина пожившая, но всё же
Пленительная в устах своей,
Из алых листьев клена взбила ложе
Та, кто зовется Грустью у людей...

И прилегла — и грешно, и лукаво
Печалью страсти гаснущей влеча.
Необходим душе моей — как слава! —
Изгиб ее осеннего плеча...

Петь о весне смолкаем мы с годами:
Чем ближе к старости, тем всё ясней,
Что сердцу ближе весен с их садами
Несытая пустынность осеней...

* *
*

Осенью себя осенью — в дальний лес уйду.
В день туманный и серенький подойду к пруду.

Листья, точно кораблики, на пруде застыв,
Ветерка ждут попутного, но молчат кусты.

Листья мокрые, легкие и сухие столь,
Что возьмешь их — ломаются поперек и вдоль.

Не исчезнуть скоробленным никуда с пруда:
Ведь, она ограничена в том пруде вода.

Берега всюду топкие с четырех сторон.
И кусты низкорослые стерегут их сон.

Листья легкие-легкие, да тяжел удел:
У пруда они выросли и умрут в пруде...

Хочу, вечерняя аллея,
В твоих объятьях холодея,
Шаги последние пройти,
Но меж ветвей твоих сплетенных,
Нездешней силою согбенных
Нет ни возврата, ни пути.

Уже полнеба ночь объяла,
Но чрез сквозное покрывало
Твоей игольчатой хвои
Зловеще огонь заката пышет
И ветер не благостный колышет
Вершины черные твои.

ПЕРЕД КАРТОЙ РОССИИ

В чужой стране, в чужом старом доме
На стене повешен ее портрет,
Ее, умершей как нищенка на соломе,
В муках, которым имени нет.

Но здесь на портрете она вся как прежде,
Она богата, она молода,
Она в своей пышной зеленой одежде,
В какой рисовали ее всегда.

На лик твой смотрю я как на икону...
«Да святится имя твое, убиенная Русь».
Одежду твою рукой тихо трону
И этой рукою перекрещусь.

ПИСЬМО В АМЕРИКУ

Доплыла я до тихого берега
Через черный и злой океан,
И моя голубая Америка
Лучше ваших коммерческих стран.

Вот придут ко мне Ангелы гордые
И святых осуждающий клир
И найдут, что побила рекорды я
Всех грехов, оскверняющих мир.

Я заплачу: «Не вор я, не пьяница,
Я томиться в аду не хочу».
И мохнатая лапа протянется
И погладит меня по плечу.

«Ты не бойся засилья бесовского —
Тихо голос глухой прорычит —
Я медведь Серафима Саровского,
Я навечный и верный твой щит.

С нами зайчик Франциска Ассизского
И святого Губерта олень
И мы все как родного и близкого
Отстоим твою грешную тень.

Оттого, что ты душу звериную
На святую взнесла высоту,
Что последнюю ножку куриную
Отдавала чужому коту,

Позовет тебя Мурка покойная,
Твой любимый оплаканный зверь,
И войдешь ты, раба недостойная,
Как царица, в предрайскую дверь.»

Вот какие бывают истории.
Я теперь навсегда замолчу.
От друзей вот такой категории
Я вернуться назад не хочу.

БАЛЛАДА

Сижу, освещаемый сверху,
Я в комнате круглой моей.
Смотрю в штукатурное небо
На солнце в шестнадцать свечей.

Кругом — освещенные тоже,
И стулья, и стол, и кровать,
Сижу — и в смущеньи не знаю,
Куда бы мне руки девать.

Морозные белые пальмы,
На стеклах беззвучно цветут.
Часы с металлическим шумом
В жилетном кармане идут.

О, косная, нищая скудость
Безвыходной жизни моей!
Кому мне поведать, как жалко
Себя и всех этих вещей?

И я начинаю качаться,
Колени обнявши свои,
И вдруг начинаю стихами
С собой говорить в забытьи.

Бессвязные, страстные речи!
Нельзя в них понять ничего,
Но звуки правдивее смысла,
И слово сильнее всего.

И музыка, музыка, музыка
Вплетается в пенье мое,
И узкое, узкое, узкое
Пронзает меня лезвие.

Я сам над собой вырастаю,
Над мертвым встаю бытием,
Стопами в подземное пламя,
В текучие звезды челом.

И вижу большими глазами —
Глазами, быть может, змеи —
Как пению дикому внемлют
Несчастные вещи мои.

И в плавный, вращательный танец
Вся комната мерно идет,
И кто-то тяжелую лиру
Мне в руки сквозь ветер дает.

И нет штукатурного неба
И солнца в шестнадцать свечей:
На гладкие черные скалы
Стопы опирает — Орфей.

ЛАСТОЧКИ

Имей глаза — сквозь день увидишь ночь,
Не озаренную тем воспаленным диском.
Две ласточки напрасно рвутся прочь,
Перед окном шныряя с тонким писком.

Вон ту прозрачную, но прочную плеву
Не прободать крылом остроугольным,
Не выпорхнуть туда, за синеву,
Ни птичьим крылышком, ни сердцем подневольным.

Пока вся кровь не выступит из пор,
Пока не выплачешь земные очи —
Не станешь духом. Жди, смотря в упор,
Как брызжет свет, не застилая ночи.

ЭЛЕГИЯ

Деревья Кронверкского сада
Под ветром буйно шелестят.
Душа взыграла. Ей не надо
Ни утешений, ни усад.

Глядит бесстрашными очами
В тысячелетия свои,
Летит широкими крылами
В огнекрылатые рои.

Там всё огромно и певуче,
И арфа в каждой есть руке,
И с духом дух, как туча с тучей,
Гремят на чудном языке.

Моя изгнанница вступает
В родное, древнее жильё
И страшным братьям заявляет
Равенство гордое своё.

И навсегда уж ей не надо
Того, кто под косым дождем
В аллеях Кронверкского сада
Бредет в ничтожестве своём.

И не понять мне бедным слухом,
И косным не постичь умом,
Каким она там будет духом,
В каком раю, в аду каком.

ИЗ ДНЕВНИКА

Мне каждый звук терзает слух,
И каждый луч глазам несносен.
Прорезываться начал дух,
Как зуб из под припухших десен.

Прорежется — и сбросит прочь
Изношенную оболочку.
Тысячеокий — канет в ночь,
Не в эту sereneкую ночку.

А я останусь тут лежать —
Банкир, заколотый апашем —
Руками рану зажимать,
Кричать и биться в мире вашем.

ПРОБОЧКА

Пробочка над крепким nodом!
Как ты скоро перетдела!
Так вот и душа незримо
Жжет и разъедает тело.

Перешагни, перескачи,
Перелети, пере- что хочешь —
Но вырвись: камнем из пращи,
Звездой, сорвавшейся в ночи...
Сам затерял — теперь ищи...

Бог знает, что себе бормочешь,
Ища пенснэ или ключи.

ГОСТЮ

Входя ко мне, неси мечту,
Иль дьявольскую красоту,
Иль Бога, если сам ты Божий.
А маленькую доброту,
Как шляпу, оставляй в прихожей.

Здесь, на горошине земли,
Будь или ангел или демон.
А человек — иль не затем он,
Чтобы забыть его могли?

Странник прошел, опираясь на посох, —
Мне почему-то припомнилась ты.
Едет пролетка на красных колесах —
Мне почему-то припомнилась ты.
Вечером лампу зажгут в коридоре, —
Мне непременно припомнишься ты.
Что б ни случилось, на суше, на море,
Или на небе, — мне вспомнишься ты.

ПАМЯТНИК

Во мне конец, во мне начало.
Мной совершенное так мало!
Но все ж я прочное звено:
Мне это счастье дано.

В России новой, но великой,
Поставят идол мой двуликий
На перекрестке двух дорог,
Где время, ветер и песок.

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Nel mezzo del cammin di nostra vita.

Я, я, я. Что за дикое слово!
Неужели вон тот — это я?
Разве мама любила такого,
Желтосерого, полуседого
И всезнающего, как змея?

Разве мальчик, в Останкине летом
Танцовавший на дачных балах, —
Это я, тот, кто каждым ответом
Желторотым внушает поэтам
Отвращение, злобу и страх?

Разве тот, кто в полночные споры
Всю мальчишечью вкладывал прыть, —
Это я, тот же самый, который
На трагические разговоры
Научился молчать и шутить?

Впрочем — так и всегда на середине
Рокового земного пути:
От ничтожной причины — к причине,
А глядишь — заплутался в пустыне,
И своих же следов не найти.

Да, меня не пантера прыжками
На парижский чердак загнала.
И Virgiliya нет за плечами, —
Только есть одиночество — в раме
Говорящего правду стекла.

ВАКХ

Как волшебник, прихожу я
Сквозь весеннюю грозу.
Благосклонно приношу я
Вам азийскую лозу.

Ветку чудную привейте,
А когда настанет срок,
В чаши чистые налейте
Мой животворящий сок.

Лейте женам, пейте сами,
Лейте девам молодым,
Сам я буду между вами
С золотым жезлом моим.

Подскажу я песни хору,
В светлом буйстве закружу,
Отуманенному взору
Дивно всё преобразу.

И дана вам будет сила
Знать, что скрыто от очей,
И ни старость, ни могила
Не смутят моих детей.

Ни змея вас не ужалит,
Ни печаль — покуда хмель
Всех счастливцев не повалит
На зеленую постель.

Я же — прочь, походкой резвой,
В розовеющий туман,
Сколько бы ни выпил — трезвый,
Лишь самым собою пьян.

**
*

Жив Бог! Умен, а не заумен,
Хожу среди своих стихов,
Как непоблажливый игумен
Среди смиренных чернецов.
Пасу послушливое стадо
Я процветающим жезлом,
Ключи таинственного сада
Звенят на поясе моем.
Я — чающий и говорящий.
Заумно, может быть, поет
Лишь ангел, Богу предстоящий,
Да Бога не узревший скот
Мычит заумно и ревет.
А я — не ангел осиянный,
Не лютый змий, не глупый бык.
Люблю из рода в род мне данный
Мой человеческий язык:
Его суровую свободу,
Его извилистый закон...
О, если б мой предсмертный стон
Облечь в отчетливую оду!

**
*

Не матерью, но тульской крестьянкой
Еленой Кузиной я выкормлен. Она
Свивальники мне грела над лежанкой,
Крестила на ночь от дурного сна.

Она не знала сказок и не пела,
Зато всегда хранила для меня
В заветном сундуке, обитом жестью белой,
То пряник вяземский, то мятного коня.

Она меня молитвам не учила,
Но отдала мне безраздельно всё:
И материнство горькое свое,
И просто всё, что дорого ей было.

Лишь раз, когда упал я из окна,
Но встал живой, (как помню этот день я)
Грошевую свечу за чудное спасенье
У Иверской поставила она.

И вот, Россия, «громкая держава»,
Ее сосцы губами теребя,
Я высосал мучительное право
Тебя любить и проклинать тебя,

В том честном подвиге, в том счастье песнопений,
Которому служу я в каждый миг,
Учитель мой — твой чудотворный гений,
И поприще — волшебный твой язык.

И пред твоими слабыми сынами
Еще порой гордиться я могу,
Что сей язык, завещанный веками,
Любовней и ревнивей берегу...

Года бегут. Грядущего не надо,
Минувшее в душе пережжено,
Но тайная жива еще отрада,
Что есть и мне прибежище одно:

Там, где на сердце, съеденном червями,
Любовь ко мне нетленно затая,
Спит рядом с царскими, ходынскими гостями
Елена Кузина, кормилица моя.

УЧЕНИК

Быть мальчиком твоим светлоголовым,
— О, через все века! —
За пыльным пурпуром твоим брести в суровом
Плаще ученика.

Улавливать сквозь всю людскую гущу —
Твой вздох животворящ
Душой, дыханием твоим живущей,
Как дуновеньем — плащ.

Победоноснее царя Давида
Чернь раздвигать плечом,
От всех обид, от всей земной обиды
Служить тебе плащом.

Быть между спящими учениками
Тем, кто во сне — не спит,
При первом чернью занесенном камне
Уже не плащ — а щит!

(О, этот стих не самовольно прерван!
Нож чересчур остер!)
И — вдохновенно улыбнувшись — первым
Взойти на твой костер.

ЖИЗНИ

Не возьмешь моего румянца —
Сильного, — как разливы рек!
Ты охотник, но я не дамся,
Ты погоня, но я есмь бег.

Не возьмешь мою душу живу!
Тáк, на полном скаку погонь —
Пригибающийся — и жилу`
Перекусывающий конь

Аравийский.

Блаженны дочерей твоих, Земля,
Бросавшие для боя и для бега.
Блаженны в Елисейские Поля
Вступившие, не обольстившись негой.

Так лавр растет, — жестоколист и трезв,
Лавр — летописец, горячитель боя.
— Содружества заоблачный отвес
Не променяю на юдоль любви.

РОЛЛАНДОВ РОГ

Как бедный шут о злом своем уродстве,
Я повествую о своем сиротстве:
За князем — род, за серафимом — сонм,
За каждым — тысячи таких, как он,
Чтоб пошатнувшись — на живую стену
Упал и знал — что тысячи на смену!

Солдат — полком, бес — легионом горд,
За вором — сброд, а за шутом — всё горб.

Так, наконец, усталая держаться
Сознаньем: долг и назначеньем: драться
— Под свист глупца и мещанина смех —
Одна за всех — из всех — противу всех,
Стою и шлю, закаменев от взлету,
Сей громкий зов в небесные пустоты.

И сей пожар в груди — тому залог,
Что некий Карл тебя услышит, Рог!

**
*

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока.
Мне совершенно всё равно
Где — совершенно одинокой

Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной
В дом, и не знающий, что — мой,
Как госпиталь или казарма.

Мне всё равно, каких среди
Лиц, ощетиниваться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной — непременно —

В себя, в одиноличье чувств.
Камчатским медведём без льдины
Где не ужиться (и не тщусь!)
Где унижаться — мне едино.

Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично на каком
Непонимаемой быть встречным!

(Читателем, газетных тонн
Глотателем, доильцем сплетен...)
Двадцатого столетья — он,
А я — до всякого столетья!

Остолбеневши, как бревно
Оставшееся от аллен,
Мне все — равны, мне всё — равно,
И, может быть, всего равнее

Роднее бывшее всего.
Все признаки с меня, все меты,
Все даты — как рукой сняло!
Душа, родившаяся — где-то.

Так край меня не уберег
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей — поперек!
Родимого пятна не сыщет.

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И всё — равно, и всё — едино.
Но если по дороге куст
Встает, особенно: рябина...

СТИХИ О СОНЕЧКЕ

(отрывок)

В мое окошко дождь стучится,
Скрипит рабочий над станком.
Была я уличной певицей,
А ты был княжеским сынком.

Я пела про судьбу-злодейку,
И с раззолоченных перил
Ты мне не рупь и не копейку,
Ты мне улыбку подарил.

Но старый князь узнал затею:
Сорвал он с сына ордена
И повелел слуге-лакею
Прогнать девченку со двора.

И напилась же я в ту ночь!
Зато, в блаженном мире — том —
Была я — княжескою дочкой,
А ты — был уличным певцом!

БАБУШКА

Когда я буду бабушкой
— Годов через десяточек —
Причудницей — забавницей —
Вихрь с головы до пяточек!

И внук — кудряш — Егорушка
Взревет: — «Давай ружье!» —
Я брошу лист и перышко:
Сокровище мое! —

Мать плачет: «год три месяца,
А уж гляди как зол!»
А я скажу: «Пусть бесится!
Знать в бабушку пошел!»

Егор, моя утробушка!
Егор, ребро от ребрушка!
Егорушка, Егорушка,
Егорий — свет — храбрец!

Когда я буду бабушкой
— Седой каргою с трубкою —
И внучка в полночь крадучись
Шепнет, взметнувши юбками:

— «Кого, скажите, бабушка,
Мне взять из семерых?»
Я опрокину лавочку,
И закружусь как вихрь.

Мать: «Ни стыда, ни совести!
И в гроб пойдешь, пляша!»
А я-то: «На здоровьице!
Знать в бабушку пошла!»

В чьем доме ни сориночки,
Тот скушен на перинушке!
Маринушка, Маринушка,
Марина — синь моря!

— «А целовались, бабушка —
Голубушка, со сколькими!»
— «Я дань платила — песнями,
Я дань взимала кольцами!»

Ни ночки — даром — проспанной:
Все в райском во саду!»
— «А как ты, бабка Господу
Предстанешь на суду?»

— «Свистят скворцы в скворешнице,
Весна-то — глянь! — бела...
Скажу: родимый, — грешница...
Счастливая была!»

Вы ж, ребрушки от ребрушка,
Маринушка с Егорушкой,
Моей землицы горсточку
Возьмите в узелок.

ЧУЖОЙ*)

1

Твоя знамена — не моя!
Врозь наши головы.
Не изменить в тисках змеи
Мне духу-голубю.

Не ринусь в красный хоровод
Вкруг древа майского.
Превыше всех земных ворот
Врата мне — райские.

Твоя победы — не мои!
Иные грезилась.
Мы не на двух концах земли —
На двух созвездиях!

Ревнители двух разных звезд —
Так что же делаю —
Я, перекидывая мост
Рукою смелою?!

Есть у меня моих икон
Ценней — сокровище.
Послушай: есть другой закон,
Законы — кроющий.

Пред ним — все клонятся клинки,
Все меркнут — яхонты.
Закон протянутой руки,
Души распахнутой.

*) Цикл «Чужой» публикуется впервые — по рукописи М. И. Цветаевой (из моего архива. Ю. И.).

И будем мы судимы — знай —
Одною мерою.
И будет нам обоим — Рай,
В который — верую.

2

Я знаю эту бархатную брэнность
— Верней брони! — от зябких плеч сутулых
— От худобы пролегшие — две складки
Вдоль бархата груди,

К которой не прижмусь — хотя так нежно
Щеке! — к которой не прижмусь я, ибо
Такая в этом грусть: щека и бархат,
А не — душа и грудь!

И в праведнических ладонях лоб твой
Я знаю — в кипарисовых ладонях
Зажатый и склоненный — дабы легче
Переложить в мои —

В которые не будет переложен,
Которые в великом равнодушии
Раскрытые — как две страницы книги —
Застыли вдоль колен.

3

— Он тебе муж? — Нет.
— Веришь в воскресенье душ? — Нет.
— Так для чего ж поклоны бьешь?
— Отойдешь —
В сердце — как удар кулашный:
Вдруг ему, сыночку, страшно
Одному?

- Не пойму!
- Он тебе не муж? — Нет.
- Веришь в воскресенье душ? — Нет.
- Гниль и плесень?
- Гниль и плесень?
- Так наплюй!
- Мало ли живых на рынке?
- Без перинки
- Не простыл бы! Ровно ссыльно —
- Каторжный какой — на досках!
- Жёстко!
- Чорт!
- Он же мертв!
- Пальчиком в глазную щелку —
- Не сморгнет!
- Пес! Смердит!
- Не сердись!
- Видишь — пот
- На виске еще не высох.
- Может, кто еще поклоны в письмах
- Шлет, рубашки шьет...

- Он тебе не муж? — Нет.
- Веришь в воскрешенье душ? — Нет.
- Так айда! — ... нагрудник вяжет...
- Дай-кось я с ним рядом ляжу...
- Зако - ла - чи - вай!

СТАРИННАЯ ПЕСНЯ*)

Вчера еще в глаза глядел,
А нынче все косится в сторону!
Вчера еще до птиц сидел,
Все жаворонки нынче — вороны!

Я глупая, а ты умен,
Живой, а я остолбенелая.
О, вопли женщин всех времен:
— Мой милый, что тебе я сделала?!

И слезы ей вода, и кровь —
Вода, — в крови — в слезах умылася!
Не мать, а мачеха — Любовь!
Не ждите ни суда, ни милости.

Увозят милых корабли,
Уводит их дорога белая...
И стон стоит вдоль всей земли:
— Мой милый, что тебе я сделала?!

Вчера еще — в ногах лежал!
Равнял с китайскою державою!
В раз обе рученьки разжал, —
Жизнь выпала копейкой ржавою!

Детоубийцей на суду
Стою — немилая, несмелая.
Я и в аду тебе скажу:
— Мой милый, что тебе я сделала?..

*) Кажется, это единственное стихотворение М. И. Цветаевой — появившееся в советской печати (в журнале «30 дней», 1941 г.)

Спрошу я стул, спрошу кровать:
— За что, за что терплю и бедствую?
— Отцеловал — колесовать:
Другую целовать — отвечают.

Жить приучил в самом огне,
Сам бросил — в степь заледенелую!
Вот что ты, милый, сделал мне.
— Мой милый, что тебе я сделала?
.

Самó — что́ дерево трясти! —
В срок яблоко спадает спелое...
За всё, за всё меня прости,
— Мой милый, что тебе я сделала?..

СТИХИ О СИРОТЕ

(отрывок)

Наконец-то встретила
Надобного — мне:
У кого-то смертная
Надоба — во мне.

Что для ока — радуга,
Злаку — чернозем,
Человеку — надоба
Человека — в нем.

Мне дождя и радуги
И руки — нужней —
Человека надоба
Рук — в руке моей.

Это — шире Ладоги
И горы верней —
Человека надоба
Ран — в руке моей.

И за то, что с язвою
Мне принес ладонь —
Эту руку — сразу бы
За тебя в огонь!

ПЕТР И ПУШКИН

Не флотом, не потом, не задом
В заплатах, не Шведом у ног,
Не ростом — из всякого ряду,
Не сносом — всего, чему срок —

Не лотом, не ботом, не пивом
Немецким сквозь кнастеров дым,
И даже и не Петро-дивом
Своим (Петро-делом своим!)

И бóльшого было бы мало,
— Бог дал, человек не обузь! —
Когда бы привез Ганнибала —
Арапа на белую Русь.

Сего африченка в науку
Взяв, всем россиянам носы
Утер и наставил — от внука —
То негрского — свет на Руси!

Уж он бы вертлявого в струнку
Не стал бы. — «На волю? Изволь!
Такой же ты камерный юнкер —
Как я — машкерадный король!»

Поняв, что ни пеной, ни пемзой —
Той Африки — Царь-Грамотей
Решил бы: «Отныне я — цензор
Твоих африканских страстей».

И дав бы ему по загривку
Курчавому (стричь-не остричь!)
— Иди-ка, сынок, на побывку
В свою африканскую дичь!

Плыви — ни об чем не печалься!
Чай есть в паруса кому дуть!
Соскучишься — так ворочайся,
А нет — хошь и дверь позабуди!

Приказ: ледяные туманы
Покинув — за пядию пядь
Обследовать жаркие страны
И виршами нам описать.

И мимо наставленной свиты,
Отставленной — прямо на склад,
Гигант, отпустивший пииту,
Помчал — по земле или над?

Сей, не по снегам смуглолицый,
Российским — снегов Измаил!
Уж он бы заморскую птицу
Архивами не заморил!

Сей, не по кровям торопливый
Славянским, сей тоже — метис!
Уж ты б у него по архивам
Отечественным не закис!

Уж он бы с тобою — поладил!
За непринужденный поклон
Разжалованный — Николаем,
Пожалованный бы — Петром!

Уж он бы жандармского сыска
Не крыл бы «отечеством чувств»!
Уж он бы тебе — василиска
Взгляд! — не замораживал уст.

Уж он бы полтавских не комкал
Концов, не тупил бы пера.
За что недостойным потомком —
Подонком — опенком Петра

Был сослан в румынскую область —
Да ею б — пожалован был
Сим так ненавидевшим робость
Мужскую — что сына убил

Сробевшего. — «Эта мякина —
Я? Вот и роди! и расти!»
Был негр ему истинным сыном,
Так истинным правнуком — ты

Останешься. Заговор равных.
И вот не спросясь повитух,
Гигантова крестника правнук
Петров унаследовал дух,

И шаг, и светлейший из светлых
Взгляд — коим поныне светла...
Последний — посмертный — бессмертный
Подарок России — Петра.

II

ГЕОРГИЙ АДАМОВИЧ

Нет, ты не говори: поэзия — мечта,
Где мысль ленивая игрой перевита,

И где пленяет нас и дышит легкий гений
Быстротекущих снов и нежных утешений.

Нет, долго думай ты и долго ты живи,
Плачь, и земную грусть, и отблески любви,

Дни хмурые, утра, тяжелое похмелье —
Всё в сердце береги, как медленное зелье.

И может в старости тебе настанет срок
Пять-шесть произнести как бы случайных строк,

Чтоб их в полубреду потом твердил влюбленный,
Растерянно шептал на казнь приговоренный,

И чтобы музыкой глухой они прошли
По странам и морям тоскующей земли.

Ну, вот и кончено теперь. Конец.
Легко и просто, грубо и уныло.
А ведь из человеческих сердец
Таких, мне кажется, не много было.

Но что ему мерещилось! О чем
Он вспоминал, поверя сну пустому?
Как на большой дороге, под дождем,
Под ледящим ветром... к дому, к дому.

Ну, вот и дома. Узнаешь? Конец.
Вся ясно. Остановка. Окончанье.
А ведь из человеческих сердец...
И это обманувшее сиянье!

**
*

Один сказал: «Нам этой жизни мало»,
Другой сказал: «Недостижима цель».
А женщина привычно и устало,
Не слушая, качала колыбель.

И стертые веревки так скрипели,
Так умолкали — каждый раз нежней —
Как будто ангелы ей с неба пели
И о любви беседовали с ней.

Там где-нибудь, когда-нибудь,
У склона гор, на берегу реки,
Или за дребезжащею телегой,
Бредя привычно, под косым дождем,
Под низким, белым, бесконечным небом,
Иль много позже, много, много дальше,
Не знаю, что, не понимаю, как,
Но где-нибудь, когда-нибудь, наверно.

Без отдыха дни и недели,
Недели и дни без труда.
На синее небо глядели,
Влюблялись — и то не всегда.

И только. Но брезжил над нами
Какой-то божественный свет,
Какое-то легкое пламя,
Которому имени нет.

По широким мостам... Но, ведь, мы все равно не успеем,
Этот ветер мешает, ведь мы заблудились в пути,
По безлюдным мостам, по широким и черным аллеям
Добежать хоть к рассвету, и остановить, и спасти.

Просыпаясь, дымит и вздыхает тревожно столица.
Рестораны распахнуты. Стынет дыханье в груди.
Отчего нам так страшно? Иль, может быть, все это снится,
Ничего нет в прошедшем, и нет ничего впереди?

Море близко. Светает. Шаги уже меряют где-то.
Будто скошены ноги, я больше бежать не могу.
О, еще б хоть минуту! И щелкнул курок пистолета.
Все погибло, все кончено. Темная кровь на снегу.

Тишина, тишина. Поднимается солнце. Ни слова.
Тридцать градусов холода. Тускло сияет гранит.
И под черным вуалем у гроба стоит Гончарова,
Улыбается жалко и вдаль равнодушно глядит.

Из голубого океана,
Которого на свете нет,
Из-за глубокого тумана
Обманчиво-глубокий свет.

Из голубого океана,
Из голубого корабля,
Из голубого обещанья,
Из голубого la-la-la...

Голубизна, исчезновение,
И невозможный смысл вещей,
Которые приносят в пеню
Всю глубь бессмыслицы своей.

**
**

Ночь... и к чему говорить о любви?
Кончены розы и соловьи,

Звезды не светят, леса не шумят,
Непоправимое... пятьдесят.

С розами, значит, или без роз
Ночь, — и «о жизни покончен вопрос».

...И оттого еще более ночь,
Друг не способный любить и помочь,

Друг моих снов, моего забытья,
Счастье мое, безнадежность моя,

Розовый идол, персидский фазан,
Птица, зарница... ну, что же, я пьян,

Друг мой, ну что же, так сходят с ума,
И оттого еще более тьма,

И оттого еще глуше в ночи,
Что от немеркнувшей, вечной свечи,

Если сознание — то в глубине,
Если душа — то на самом дне,

Луч беспощадный врезается в тьму:
Жизнь или смерть — все равно одному

Ш Е К С П И Р У

О, гений Страдфордский, явись! Вернись
Туда, где Авон все влачит туманы,
Где прежнего величья мужи полны,
И строгости, и мудрости седой,
И где не ждут тебя, как и не ждали
В шестнадцатом столетьи. В мир шагни
В брабантских кружевах, в камзоле старом,
В ботфортах, стоптанных на всех подмостках.
Ты некогда был королей любимцем,
Шутом и богом дикарей вельможных.
Три ведьмы шепчут, шепчут и прядут.
Тобой рожденные, тебя вернуть
Пытаются в тот грозный час, когда
Бирнамский лес идет на Донзинан,
И зыблются Полесские болота,
И радуга над Волгою повисла,
И где-то, между Ильменем и Доном,
Владыка мира смотрит в очи року.

Они легли, милльоны, легионы,
С костями, еще татарскими, мешаясь,
С литовскими, с французскими костями,
Там, где когда-то — Куликово поле,
Полтавская, широкая равнина,
Там, где когда-то, над Невой, в Европу
Блеснул очами первый император.
Они легли, и более не встанут.
Им сладко спать в объятьях половецких,
Им хорошо с полками Гедимина,
Со старой гвардией Наполеона.
Над ними зашумит, о, скоро, скоро,
Российский хлеб...

Но тот, кто век потряс,

Тот без тебя окончить жизнь не может.
О, гений Страдфордский, сойди к нему,
Введи его в твой сонм судеб ужасных
И научи последнему призванью!
Три ведьмы шепчут, шепчут и прядут.
Нить так тонка, а шопот так невнятен:
То курский лес шумит вокруг тирана
И гнет дубы, а пряжа всё бежит.
Не спится ночью во дворце ампирном,
Построенном еще при Александре,
Здесь варвар жил, в усах и орденах,
Здесь в восемнадцатом году пытали,
А в тридцать первом — строили больницу.
Теперь паркеты мохом поросли,
Со стен штофных еще глядят портреты
Красавиц с азиатскими глазами,
А лес шумит.

И вот выходит он
В ненастье русское, послушать бурю:
Или старухи нож дадут ему?
Иль подведут его под нож другого?
Или умчат его отсель в изгнанье?
Иль в клетке повезут в Париж развратный,
Как зверя? Нить из темноты во тьму
Бежит, и век двадцатый нам не внятен:
Трагедия сердец не потрясает,
Поэзия, как мертвая орлица,
Лежит во прахе, музыка молчит,
Любовь не жжет, и мысль оскудевает.
Лишь кровь течет. Есть кровь. Мы все в крови.
Вода в крови, земля в крови, и воздух
В крови. И тот, убоины не евший
Всю жизнь, как мы, стоит по грудь в крови.
О, гений Страдфордский, о, дух могучий,
Ты кровь любил, приди же, помоги
Скорей закончить этот путь кровавый!

1942

NEVERMORE

Последний поэт России:
Голова седая — в крови.
Дайте рюмку! Прочтет стихи и
О прошлом поговорит.

Как в тринадцатом... Жизнь струилась
Между пальцами слабых рук
И кабацкая тень носилась
Меж влюбленных в него подруг.

Как в тринадцатом, в последнем,
Незабвенном, вольном году
Он сидел у Блока в передней,
У Волошина спал в саду.

(«Я виском ударился в жизни,
Что-то острое было в ней,
И на пьяную морду как брызнет,
И не сплю уже столько ночей!»)

Кладбище, тюрьма, лазарет ли —
Конец уже виден его.
Пока, полумертвый и светлый,
Он ходит себе, ничего.

Знакомится, шаркает ножкой:
— России последний поэт!
Познакомьтесь ближе немножко,
Он скажет: России нет.

Вы подайте ему, не стыдитесь,
Посмотрите ему в глаза,
Не чурайтесь и не креститесь!
Всё равно, приснится не раз!

Поцелуйте же те ступени,
Где ходила его нога,
Обнимите его колени —
Никогда... никогда... никогда...

**
*

Две девочки. Одна с косой тугой,
Другая стриженная после кори,
Идут аллеей за руки держась.
Кто эти девочки? Садится солнце
И нежно плачут жаворонки в небе,
В аллее тень, и камень бел и сух.
Кто эти девочки? То ты, быть может,
И я, и вместе нам идти легко.
Дом далеко, а рай почти что рядом.
Оттуда к нам идут навстречу двое:
Мой милый друг, мой старший брат, товарищ
Ушедших юных лет, и твой отец.
Они нас долго ждали. В этот вечер
Они ото всего нас оградят,
Мы никогда их больше не покинем.
А эта жизнь, и всё, что после было,
И что теперь, и то еще, что будет,
Давай всё это правдой не считать.
Мы так прошли с тобой по той аллее:
Рука с рукой. Ты стрижена, как мальчик,
А у меня коса. Нам десять лет.
И вечным миром приняло нас небо.

Памяти Э. Н. Г.

Я десять лет не открывала старой
Коробки с письмами ее. Сегодня
Я крышку подняла. Рукою тонкой
Вот эти бледные листы она
Когда-то исписала мне на радость.
Там бабочка случайная дремала
Среди стихов, среди волшебных слов,
Быть может, год, быть может, десять лет.
И вдруг, раскрыв оранжевые крылья,
(Напомнив рыжеватость тех волос)
Она из тьмы ушедших дней вспорхнула
И в солнце унеслась через окно
В лучистый день, в лазурное сегодня.

Как будто камень отвалила я
У входа в гроб давно глубоко спящей.

Я был в тот день исполнен всякой скверны,
Но отчего, когда я был убог,
Я слышал голос рифмы суеверной,
Твердившей мне — порог, дорог, строг, Бог.

Но здесь, когда я стал опять немного
Похож на звук божественных стихов,
Не нахожу я к небу рифмы Бога
Для сладостной гармонии стихов.

Да, червь, что точит наши силы,
Есть червь блаженства и любви...
Сей червь ползет из сердца милой
И ты его благослови...

И только те, что предаются
Терзанью дивному червя,
Одни достойно назовутся
Любовниками бытия...

Мне руки милые твои —
Как память светлая о рае.
Я так хотел бы, умирая,
В слабеющих руках моих
Собрав остаток сил — держать
Твои ласкающие руки
И, как перед простой разлукой,
Их на прощание пожать.

Был темен переулок, темен дом,
Светящийся единственным окном.

Квадратный свет ложится на гранит.
— Там человек над книгами сидит.

Ему спокойно, хорошо, светло,
Не постучи я с улицы в стекло.

Он на призыв объятого тоской
Ответит подозреньем и враждой,

И если не потушит там огня,
Здесь не увидит никогда меня.

**
*

Поздно ночью, даже слишком поздно...
За окном почти сплошные звезды.

Тишина высокая в просторе...
А внизу, в кафе арабы спорят.

Даже, может быть, дерутся... Странной
Кажется мне драка, крики пьяных.

Меряю глазами расстоянье
От кафе до звездного сиянья.

Там грусть, там скука, там ни то, ни се.
Там фокус-покус, там больное чувство.
Когда на карту нужно ставить всё, —
Ни грусти нет, ни скуки, ни искусства.

Всё пустота, всё холод — ничего,
И — никого, — пространство и стихия.
И мертвого там слуха моего
Коснутся, может быть, слова живые.

Всё меньше цветения в мире,
И солнечных меньше чудес.
Поляна становится шире,
Но уже становится лес.

Усталые птицы смолкают,
Холодные ночи темней.
И в холоде звезды сверкают
Огнем драгоценных камней.

Быть может, деревья жалеют
О листьях, лежащих в грязи,
Но лес, умирая, светлеет,
И небо всё больше сквозит.

Когда же последнею тенью
Последний листок опадет,
Таинственный вздох облегченья
По голому лесу пройдет.

**
*

Вдоль площадей многоголосых,
Почти захлестнутый толпой,
Проходит медленно слепой,
На белый опираясь посох.

Он окружен глухой стеной
Своих пожизненных потемок,
И этот город слишком громок
Для стука палки костяной.

Но шум смолкает за спиною,
Слепой проходит, огражден
Той путеводной белизною,
Которую не видит он.

В лесу мороз. А если я щекою
Прижмусь к тебе, замерзшая кора,
В дремотной глуби зимнего покоя,
Ты, может быть, подумаешь: «пора,

Пришла весна...» Потом задремлешь снова
И будешь спать, как должно в феврале,
Но, может быть, средь холода лесного
Ты сон увидишь о моем тепле.

ЖАЛОБА И ТОРЖЕСТВО

У каждого растет своя березка
и яблоня особая цветет.
Не следует чужого трогать воска
и медом пользоваться чуждых сот.

Я вас прошу настойчиво и прямо:
не приходите на мою траву.
Интересуемся другими зря мы,
тревожа их во сне и наяву.

Хотя бы в удивительном бездельи
бесповоротно уходили дни,
не нарушайте тихого веселья
потрескиваниями болтовни.

Бодают ли меня коровки божьи,
и вышиваю ли я по канвам,
питаюсь я пшеницей или рожью —
поведайте, что нужды в этом вам.

Мне нравится неумолимый ветер
и английский пресованный табак
и шоколад молочный Гала-Петер,
в особенности же люблю собак.

В мыслительных усилиях нешибкий,
сонливостью природной поражен,
я провожаем жалостной улыбкой,
презрением мужей и хладом жен.

Но всё же вы не более как пешки
заранее разученной игры,
в отчаянной и недостойной спешке
себя морочащие до поры.

И утверждая, что свободна воля,
и непроизводительность кляня,
вы говорите: он расслаблен, что ли? —
вы к мертвецам относите меня.

Послушайте, ведь вы совсем не правы!
Ввиду того, что я живее всех,
пускай проходит век мой нелукавый
под ваш бессмысленный и быстрый смех.

ФАКЕЛ

Эстафетный бег являет взорам
зрелище, которому найти
невозможно равного; с которым
муза, не тебе ли по пути?

Муза, ты бродячему сюжету
передачи факела верна.
Если ты о жизни скажешь свету —
об огне ты говорить должна.

Наши нам назначены стоянки,
точные намечены места.
Под пятой — зеленые полянки,
над челом — святая пустота.

На местах законно неизменных,
на песках дорожки круговой,
бегуны команд четверочленных
думают о славе групповой.

И когда по звуку пистолета
выпущена первая стрела —
в кулаке зажата эстафета,
плотный пламень, дружные дела.

Впереди же, руку приготовя,
поджидает вполуоборот
переемщик, полный свежей крови,
взгляд назад, а тело наперед.

У того, который в беге ныне,
гром в висках; в мутящемся мозгу
мысль одна, оазисом в пустыне:
я дойду, сойти я не могу.

Он бежит, совсем уже кончаясь,
припадая к матери сырой;
и молчит, почти совсем отчаясь,
зрителей сочувствующий рой.

Нет: другой, сосредоточь вниманье,
твердый светоч ловко получи,
таинство сверши перениманья.
Замолчи, о муза, замолчи!

Из груди до горла — сердце наше
радости решительным броском,
слез неупиваемая чаша —
из груди до горла, быстрый ком.

На траву он валится, распятым
руки он раскидывает; в гроб
он стремится к теплomu разъятью
земляных и гнилостных утроб.

Все мы гости праздника земного,
в землю мы воротимся домой.
Торжеству квадратная основа —
я, мой сын, мой внук и правнук мой.

Я хочу тебя увидеть, правнук,
не хочу я скоро умереть,
мне бы жить примерно, жить исправно,
чтобы очень медленно стареть.

Век хочу исполнить Тицианов,
девяносто девять здешних лет;
если ж надо мне покинуть рано
этот глупый но приятный свет —

не прошу я горя после жизни,
умоляю: траур упраздни;
легким смехом на обильной тризне,
шумом театральным помяни.

И когда я буду за барьером,
честь воздайте мне ядром, шестом,
и копьем, и диском, и барьером
даже в поколении шестом.

Я тебя люблю, благое лето;
хорошо, что не умрешь со мной.
Я сойду, отдавши эстафету
новым слугам прелести земной.

ВЕСТЬ

Ознобов и бессонниц тайных
нас утомляет череда
сцепленьем слов необычайных
не оставляющих следа.

Средь ночи добровольно-пленной
при поощреньи щедрой тьмы
мы пишем письма всей вселенной,
живым и мертвым пишем мы.

Мы пишем как жених невесте,
нам перебоев не унять,
чужим и дальним шлем мы вести
о том чего нельзя понять.

Мы прокричим, но не услышат,
не вспыхнут и не возгорят,
ответных писем не напишут
и с нами не заговорят.

Тогда о чем же ты хлопчешь,
тонический отживший звон,
зачем поешь, чего ты хочешь,
куда из сердца рвешься вон?

По какому же праву? Совсем без права.
Это право сама я себе дала.
Так кричали солдаты: «Варшава — слава!»
И Суворов любого хвалил орла.
Надо только дерзать. Чортов мост? Ну так что же?
Проходили и Альпы (чужая земля).
Будь всегда осторожен и к ближнему строже,
Чем к себе самому и, словцом веселя,
Прежде всех становись на покрытую снегом,
Ненадежную землю и — «с нами Бог!»,
Где ползком, где шажком, а, где нужно, и бегом,
Без маршрута, без карты и — без дорог.
Если только измена — двенадцать ружей
В лоб тебе прямо. Сам виноват.
Мне бывало и лучше, бывало и хуже,
Полной грудью дыши, принимая заряд.
Без суда. Я — судья. Ни могилы, ни вешки.
Прямо в пропасть слетишь. Барабаны зовут.
Здесь пехота пройдет, а за нею тележки,
И высокое знамя мое пронесут.

Душа моя — моя кариатида,
Поддерживай последние года
Земных страстей. Последняя обида
О грудь твою разбита, как всегда.

Вот так и в европейском захолустьи,
В каком-то переулке, в уголке,
Стоит фасад необветшалай грусти
И дверь крепка, и статуя — в венке.

И каменные голубые руки,
Что как кораблик, подняли балкон,
Хранят навеки тишину и муки
И двадцать чисто вымытых окон.

Еще какое-то тепло укрыла
Она и здесь, за каменным плечом,
Она глаза свои полузакрыла
И тщетно ждет хозяина с ключем.

Душа моя, в моем уединеньи,
Случайной тени этого жилья,
Я не гляжу на мокрые ступени,
Не жду гостей и не скучаю я.

Ты примешь за меня освобожденье,
Судьбу и смерть, когда они придут.
И листьев небывалое круженье.
И блеск в дверях на несколько минут.

«Маруся отравилась...»

Песня.

Зачем же без оглядки, слишком скоро,
Опять, опять, как много лет назад?..
Маруся из фабричного фольклора
Поет и плачет, выпивая яд.
Грошевым ожерельем на ключицах,
На ветках звезды, в небе — пустота.
Под осень птицы улетают, птицы,
И над тобою снова всплеск креста.
Мари, Маруся, разве райской Мери
Не райские стихи посвящены?
Щеколдою задвинутые двери,
И — далеко до будущей весны.
Гармоникой растянутые ночи,
Ладами слез — налаженные дни.
Туман из подворотни кажется клочья,
Но под веночком волосы твои.
И лишь в апреле, может быть, и ране,
Ведь в марте тоже тает и томит,
Опять тебя на землю тайно тянет,
И ты плывешь над теми же людьми.
И звонкий голос злого запевалы,
Перебирая песенную прядь,
Ведет тебя неотвратимым жалом
Смирненно жить и жадно умирать.

ДЕТСКАЯ КНИГА

От слов твоих, от памяти моей
И от почти такого же апреля,
Опять поет забытый соловей
И близится пасхальная неделя.

Но вот встает в какой-то полумгле
И призраками — праздничные лица,
Цветы сияют мутно на столе,
А соловей, как заводная птица.

Он так поет, что плачет богдыхан
В истрепанном собраньи Андерсена.
— Хочу того... — Но тяжелей туман,
И дальше север, и слышнее Сена.

И девочка, под заводную трель,
Бойтся так, как прежде не боялась,
Сказать тебе, что и сейчас апрель.
Что с нами память, кажется, осталась.

Что можно бы попробовать еще.
Но вот она уже сама не верит,
Хоть соловей садится на плечо
И щелкает, и нежно лицемерит...

И дождь идет без запаха дождя,
Без шелеста, стекая с переплета,
Где спят герои, руки разведя,
Как для объятья или для полета.

АВИАТОР

Возлюбил душою он отвесы,
Возносили крылья высоко,
Чуть пониже Бога в Поднебесной,
Чуть повыше ангелов Его.

Вот такой он был — крылатолобый
— Благородство кости, роста, ран.
Уж не ангелу ли брат крестовый,
Или друг Давида Ионафан.*)

Русокудрый — волосы на ветер,
Слова на ветер не бросит никогда.
Вот такой был — Господом отмечен.
Оборвись, моя струна.

*) Прим. автора: в слове Ионафан читать только три слога...
Енофан.

С Е В Е Р

1.

Север: — море изо льда,
Север: — слово «никогда».
За полями бесконечности,
Север, ты: — залогом вечности.

Север: — больше нет широт.
— не доходит пароход,
Растеряют сани парные
Экспедиции полярные.

За морями твоими коварными,
За полями твоими полярными
— Полюс.

Сердце леденит

Слово.

Полюс: — звездами горит,
Полюс: — кладбище молитв.
Всех железных и стальных
Тянет полюса магнит.

— Что там есть, — гора стоит?
— Мира ль ось там, — что еще? —
— Поле — полюс — ничего.

2.

Голубые очи, — дерзость,
Голубые жилки, — нежность
Отошедших поколений.
Рыцарь севера последний!

Рот надменный, — не целован,
Сталью воротник окован,
Белокур и голос детский...

Карл XII-ый, король швецкий.

Помню Россию так мало.
Помню Россию всегда.
Вокзалы, вокзалы, вокзалы,
Куда-то идут поезда.

Помню другую — вагоны
(Под головой пулемет).
Патроны, патроны, патроны...
Который был тогда год?

Какими верстами, мостами,
Местами наш поезд идет
— Мы едем крестами, крестами —
Который? — последний поход.

Помню другую. — Не верный
Отблеск свечей, образа.
Последнее слово вечерни:
«Ваш дом? — приходите сюда».

Жребий конца и начала,
Детские годы, года.
Помню Россию так мало.
Помню Россию всегда.

Я вижу дом, и Волги ток широкий,
И мальчика, ладони приложу
К глазам, следящего высокий,
Пронзительный полет стрижа.

БЕЛЛАДОННА

(эпилог альпийской поэмы)

Я беден: слово у поэта
И снесь и сущность естества.
Да будет стих скалой завета
В долинах братства и родства.

Да будет между нами:
— Единый слог, единый звук,
— Безмолвный всплеск рукоплесканий,
— Полет ладоней правых рук.

Под козырек. Мильон значений.
— Единый смысл (лгут словари)
Из всевозможных разночтений
Я выбираю только три:

Приемлетя стократно чисто,
Как молот по хрустали сфер,
— Как горный гром, — у альпиниста,
В глубинах слуховых пещер.

У летчика светло и сухо,
Как ветра свист, как крыльев хруст.
Не в органы — в органы слуха,
Воздушные органы чувств.

И так великолепно глухо,
Как выстрел с дальних берегов,
— Как моря всплеск, — в отрогах слуха
Двух раковин у моряков.

Пока суда под вымпелами,
И самолеты о крылах,
И сталь рогами-лезвиями
Блестит в альпийских топорах.

— Хвала, — доколе плещет море,
Доколе ветры в небесах
И громы в каменных просторах,
— Сей голос Господа в горах.

Покуда мир стоит под Богом,
Покуда слава в трубах есть,
Одним стальным и строгим словом,
Сухим и светлым словом: честь.

В ночи, из стран моих бессонных,
В странах иных услышь мой стих,
Внемли, Владычица Мадонна,
Глаголам уст моих живых.

И мне в мой час в гробу бездонном
Лежать, дымясь в моей крови.
Альпийских скал, о, Белладонна,
Мой смуглый труп благослови.

Один в снегах страны вечерней,
Овеян тайной тишины,
Я, — с каждым годом — суеверней, —
Встречаю ласточку весны.

Зима, как ангел, смотрит в очи
Сквозь синь окна, пустырь окрест,
Где в синеве студеной ночи
Чернеет нашей церкви крест.

Да будет памятно сегодня,
И в книгу жизни — внесено,
Как нынче ласточка Господня
Крылом ударила в окно.

Святая Троица давно
яснейшее нам шлет известье,
тишайшее — звучит оно:
Бессмертье, Бог и благочестье.

И есть другая как она
кричит та темная триада:
«Здоровье», «деньги», «жизнь одна», —
Три обольстителя, три яда.

Какую хочешь, выбирай,
там труд и боль, тут блеск и сладость,
Но — «предрассудок — вечный рай»
но — «мракобесье — муки ада»...

Ты была как звезда.
Ты была как сестра.
Ты сестрою была среди звезд.
Ты была в вышине.
В глубине.
В тишине.
Зажигала не гаснущий крест,
Ты звездой пронеслась.
Ты мечтою сбылась,
что с рожденья горела во мне.
Да, тебя полюбить —
Свет Христа не забыть,
до конца сохранить в глубине.
Это — темному: «Нет»,
Это — светлому: «Да»,
светом, свету в ответ,
как звезде отвечает звезда.

**
*

Хочется сказать светлейшие слова,
до земли душою поклониться,
светлый след твой долго целовать...
сердце билось не желая биться —
на моменты останавливалось, — дрожь
лишь была да мыслей вереницы,
небо тусклое, да дождь
медленно готовился пролиться.
Мы любить тебя умели, — нет,
враждовать случалось чаще...
Колокольчики сегодня на окне,
белоснежные склонили чаши,
а казалось долго процветут —
дни, — неделю, — месяц даже...
Как они склонились низко, — тут
больше ничего уже не скажешь,
но идут слова небесные, они, —
обжигая исцеляют душу,
там рождаясь в солнечном огне,
делают стихи возвышенной и суше.
Нераскрытым прожила цветком,
в смерти лишь сумела приоткрыться
белым, нам невидимым огнем,
венчик твой на небе загорится.

ПУТЬ

Серый и не побелеет
и не потемнеет наш туман.

Только песни будто бы светлее,
только песни все обман,

Ночью выйдет ясный месяц, —
что ему...

Серебро кругом развесит —
ни к чему.

А потом нагрянут тучи
тоже, просто так;

Мысль вползет: «а может лучше
если — мрак».

Что-то тайное твой тонкий
вдруг встревожит слух.

В это время очень громко
закричит петух.

А потом тебе приснится
вещий сон,

Жизнь как будто прояснится,
но обманет он.

Так и будет всю дорогу
стон и мрак,

Много туч и солнца много,
в поле вспыхнет мак.

А на утро алый друг твой
венчик опустил

Так спокойно, солнцу будто
смерть свою простил.

Средь тумана, тьмы и стонов
плакать погоди,

Света темные законы
— погляди...

А потом оставь законы
и «пути»,

Попытайся, если можешь
все-таки идти.

Там в конце Его дороги
на вершине круч

Упадет тебе под ноги
самый светлый луч.

Под лучем земные слезы
дивно прорастут,

А из них на небе розы
пышно расцветут,

Но из сонма совершенных
снежно-нежных роз

Ты уйдешь тогда на землю,
как ушел Христос.

Зима, зима... Рождественские дни.
Уж скоро мы сподобимся, надеюсь,
Отпраздновать с друзьями или одни,
Под восковыми звездами, рассеясь,
И, позабыв о скучном, о дневном,
Мы в эту ночь о чем то (о родном,
Но издавна потерянном) услышим.
В потрескивании елочных огней,
В молчании снега, спящего на крышах,
В словах гитары...

Но в который раз
Мы слышим этот елочный рассказ?

Весною хочется поговорить
О чем-то голубом и отдаленном,
Уехать за город и позабыть,
Что скучно жить, что холодно влюбленным.

И что по разному о небесах
Все эти вежливые разговоры.
Пустой душе ведь холодно впотьмах,
Душе пустой от расставаний скорых.

От этой вечной тайны голубой...
Но так и быть: Господь с тобой.

Дождь идет над Сеной,
Значит в жизни бральной
Главное — следы
Дождевой воды.

Главное — рассказы
Городского газа
Или же кровать,
Где спокойно спать.

Длинный берег Сены,
Как стихи Верлена.

Счастье далеко,
Все прозрачно брально
Над водою Сены
И совсем легко.

СВИДАНИЕ

Памяти Д. М. и З. Г.

Они ничего не имели,
Понять ничего не могли.
На звездное небо глядели
И медленно под-руку шли.

Они ничего не просили,
Но все соглашались отдать,
Чтоб вместе и в тесной могиле,
Не зная разлуки, лежать.

Чтоб вместе... Но жизнь не простила,
Как смерть им простить не могла.
Завистливо их разлучила
И снегом следы замела.

Меж ними не горы, не стены, —
Пространств мировых пустота.
Но сердце не знает измены,
Душа первоначально чиста.

Смирена, к свиданию готова,
Как белый, нетленный цветок,
Прекрасна. И встретились снова
Они в преуказанный срок.

Развеялись тихо туманы,
И вновь они вместе — навек.
Над ними все те же каштаны
Роняют свой розовый снег.

И те же им звезды являют
Свою неземную красу.
И так же они отдыхают,
Но в райском Булонском лесу.

**
*

В окне всё так же небо хмурится,
Всё тот же кашель за стеной.
А ты оденься и — на улицу,
Да погуляй хотя б весной.

Весна в Париже незаметная,
Как девочка — хрупка, робка.
Тоска в Париже беспредметная,
Как будто даже не тоска.

Когда над Сеною смеркается,
Но не зажгли еще огней,
И лодка легкая качается
В сияньи ровном без теней,

Пустынный остров — как виденье.
Ты к берегам его причаль,
И на единое мгновение
Сольются радость и печаль.

**
*

Почти не касаясь земли,
Ко гробу пустому спешили.
«... Зачем вы Его унесли,
Куда вы Его положили?»

Неясный колеблется свет,
И страшно от этого света.
И в мир не доходит ответ.
Но сердце не хочет ответа.

Доверчиво бьется оно,
Полно ожидания, как прежде.
Узнает Его, все равно,
И в светлой, и в темной одежде.

Я такой хотел бы дом,
Одинокую квартиру,
Чтобы можно было в нем
Хоть в углу поставить лиру.

Боком стол — в другом углу.
Тишина. Звезда сияет...
Спать я буду на полу,
Как бродяге подобает.

Буду в сумерки бряцать
Я на лире — очень скверно.
Жрать картошку, счастья ждать.
И дождусь его — наверно.

**
*

Воскресенье, нет, суббота.
Год не помню, месяц — май.
Полночь. Настеж вдруг ворота.
Гость нежданный. Принимай.
Гость? А ну его в болото,
Ну его ко всем чертям!
Буду на ночь я ворота
Запирать отныне сам...
Так и быть, ведите в зало.
Ничего не подавать.
Голубое одеяло
Положите на кровать.
И как в облаке пушистом,
В одеяле голубом
В свете звездном, в свете чистом,
Гость заснул последним сном.
Голубое одеяло,
Голубые чудеса!
Смерть ловила, не поймала.
Страсть скрутила в пол часа.

**
*

Подбирать объедки — это
Не такой еще позор.
Для влюбленного поэта
Эти вещи — сущий вздор.
Есть беда куда позорней,
Настоящая беда:
С каждым годом все упорней
Не стремиться никуда.
И сидеть на том же месте;
Ту же кашу вечно есть.
И о мести и о чести
Лишь болтать, позоря честь.
Нет, уж лучше псом голодным
В городском бродить саду.
С видом злым и благородным
Добывать себе еду.
А когда она добыта,
Съеден краденный кусок,
Все случайное — забыто
И поэт у милых ног.

Страсть? А если нет и страсти?
Власть? А если нет и власти
Даже над самим собой?

Что же делать мне с тобой.

Только не гляди на звезды,
Не грусти и не влюбляйся,
Не читай стихов певучих
И за счастье не цепляйся —

Счастья нет, мой бедный друг.
Счастье выпало из рук,
Камнем в море утонуло,
Рыбкой золотой плеснуло,
Льдинкой уплыло на юг.

Счастья нет и мы не дети.
Вот и надо выбирать —
Или жить как все на свете
Или умирать.

**
*

Был замысел странно-порочен
И все-таки жизнь подняла
В тумане — туманные очи
И два лебединых крыла.

И все-таки тени качнулись —
Пока догорала свеча.
И все-таки струны рванулись,
Бессмысленным счастьем звуча...

Это месяц плывет по эфиру,
Это лодка скользит по волнам,
Это жизнь приближается к миру,
Это смерть улыбается нам.
Обрывается лодка с причала
И уносит, уносит ее...
Это детство и счастье сначала,
Это детство и счастье твое.

Да, — и то что зовется любовью,
Да, — и то что надеждой звалось,
Да, — и то что дымящейся кровью
На сияющий снег пролилось.
... Ветки сосен — они шелестели:
«Милый друг, погоди, погоди»...
Это призрак стоит у постели
И цветы прижимает к груди.

Приближается звездная вечность,
Рассыпается пылью гранит,
Бесконечность, одна бесконечность
В леденеющем мире звенит.
Это музыка миру прощает,
То что жизнь никогда не простит.
Это музыка путь освещает,
Где погибшее счастье летит.

Ни светлым именем богов,
Ни темным именем природы!
... Еще у этих берегов
Шумят деревья, плещут воды...

Мир оплывает, как свеча,
И пламя пальцы обжигает.
Бессмертной музыкой звуча,
Он ширится и погибает.
И тьма — уже не тьма, а свет.
И да — уже не да, а нет.

... И не восстанут из гробов
И не вернут былой свободы —
Ни светлым именем богов,
Ни темным именем природы!

На грани таянья и льда
Зеленоватая звезда.

На грани музыки и сна
Полу-зима, полу-весна,

К невесте тянется жених
И звезды падают на них,

Летят сквозь нежную фату,
В сияющую пустоту.

Ты — это я. Я — это ты.
Слова нежны. Сердца пусты.

Я — это ты, Ты — это я
На хрупком льду небытия.

Он спал и Офелия снилась ему
В болотных огнях, в подвенечном дыму.

Она музыкальной спиралью плыла,
Как сон, отражали ее зеркала,

Как нимб окружали ее светляки,
Как лес вырастали за ней васильки...

... Как просто страдать! Можно душу отдать
И все-таки сна не уметь передать.
И зная, что гибель стоит за плечом,
Грустить ни о ком, мечтать ни о чем.

Как в Грецию Байрон, о, без сожаленья,
Сквозь звезды, и розы, и тьму,
На голос бессмысленно-сладкого пенья...
— И ты не поможешь ему.

Сквозь звезды, которые снятся влюбленным,
И небо, где нет ничего,
В холодную полночь — платком надушенным...
— И ты не удержишь его.

На голос бессмысленно-сладкого пенья,
Как Байрон за бледным огнем,
Сквозь полночь и розы, о, без сожаленья...
— И ты позабудешь о нем.

Мелодия становится цветком,
Он распускается и осыпается,
Он делается ветром и песком,
Летящим на огонь весенним мотыльком,
Ветвями ивы в воду опускается...

Проходит тысяча мгновенных лет
И перевоплощается мелодия
В тяжелый взгляд, в сиянье эполет,
В рейтузы, в ментик, в «ваше благородие»,
В корнета гвардии — о, почему бы нет?

Туман... Тамань... Пустыня внемлет Богу.
Как далеко до завтрашнего дня...
И Лермонтов один выходит на дорогу,
Серебряными шпорами звеня.

А люди? Ну на что мне люди?
Идет мужик, ведет быка.
Сидит торговка: ноги, груди,
Платочек, круглые бока.

Природа? Вот она природа —
То дождь и холод, то жара.
Тоска в любое время года,
Как дребезжанье комара.

Конечно, есть и развлечения:
Страх бедности, любви мученья,
Искусства сладкий леденец,
Самоубийство, наконец.

Перед тем как умереть
Надо же глаза закрыть.
Перед тем, как замолчать,
Надо же поговорить.

Звезды разбивают лед,
Призраки встают со дна —
Слишком быстро настает
Слишком нежная весна.

И касаясь торжества,
Превращаясь в торжество,
Рассыпаются слова
И не значат ничего.

Замело тебя, счастье, снегами
Унесло на столетья назад,
Затоптало тебя сапогами
Отступающих в вечность солдат.

Только в сумраке Нового Года
Белой музыки бьется крыло:
— Я надежда, я жизнь, я свобода
Но снегами меня замело.

Эмалевый крестик в петлице
И серой тужурки сукно...
Какие печальные лица
И как это было давно.
Какие прекрасные лица
И как безнадежно бледны —
Наследник, императрица,
Четыре великих княжны.

Каждой ночью грозы
Не дают мне спать.
Отцветают розы
И цветут опять.
Точно в мир спустилась
Вечная весна,
Точно распустилась
Розами война.

Тишины всемирной
Голубая тьма.
Никогда так мирны
Не были дома.
И такую древней
Не была земля...
... Тишина деревни,
Тополя, поля.

Вслушиваясь в слабый,
Нежный шум ветвей
Поджидают бабы
Мертвых сыновей:
В старости опора
Каждому пужна,
А теперь уж скоро
Кончится война!

Что-то сбудется, что-то не сбудется...
Перемелется всё, позабудется...

Но останется эта вот, рыжая,
У заборной калитки трава!

... Если плещется где-то Нева,
Если к ней долетают слова —
Это вам говорю из Парижа я
То, что сам понимаю едва.

Всё неизменно и всё изменилось
В утреннем холоде странной свободы.
Долгие годы мне многое снилось,
Вот я проснулся — и где эти годы!

Вот я иду по осеннему полю,
Все, как всегда, и другое, чем прежде:
Точно меня отпустили на волю
И отказали в последней надежде.

А. КЕЛЬБЕРИН

Два ангела слепых его влекут,
К немислимому благу принуждая, —
Их — Логикой и Музыкой зовут.
Он вынужден идти, не рассуждая.

Ведь, их к нему приставил с детства Бог,
Чтоб, зная правду, лгать о ней он мог.

В недостойных руках эти теплые детские руки,
Беспокойный костер вокруг высокого, ясного лба...
Да, теперь навсегда. И не будет разлуки в разлуке,
Даже странно подумать, что это не та же судьба.

Вдруг судьба непохожа на долгие зимние ночи,
Вдруг судьба непохожа на вздох у немого окна...
— Неужели бывает, что жизни любовь не короче? —

Посмотри, кем над морем июльским луна зажжена?
Кем — любовь? посмотри, это данное Богом вначале
Для обмена на жизненный опыт, на опыт печали.

**
*

Зеленою луной освещена
Кладбищенская старая стена.
И в белых почках юная весна
Задумчива, темна и холодна.

Без головы, бездумной тишиною
Сияет крест, свидетель вечных мук,
И что-то есть в обрубках белых рук
Думсмысленно-смирненное, родное.

И странно мне, что я готовлюсь жить.

— Но жить не так, как жили мы с тобою.
В предчувствии неверного покоя
Мне бы хотелось так тебя любить,

Чтобы на многих падал отблеск тайный
Моей любви к тебе такой случайной.

Мой жаворонок, как ты звонко пел!
Как ты сверкал и в небе кувыркался,
Как будто небо радости предел!

Но тот закон, чтоб дух всегда карался:
Мощь притяжения и жизни плоть,
Ты не был в силах, бедный, побороть.

Мой жаворонок, песнь твоя была
Нужна земле на малое мгновенье,
Чтоб человек познал самозабвенье,

Чтобы в безгласной мгле добра и зла,
Влюбленный в эту радость без исхода,
Он боль познал, в которой есть свобода.

Я уж не так молода, чтобы ехать в Россию.
«Новую жизнь» все равно уже мне не начать.
Годы прошли — беспощадно-бесцельно-пустые,
И наложили на все неживую печать.

Жизнь прошаталась в тумане — обманчиво сером,
Где даже отблеск огня не сверкал вдалеке.
Нет у меня ни отчизны, ни дружбы, ни веры, —
Зыбкое счастье на зыбком и мертвом песке.

А впереди — беспощадная мысль о расплате:
Боль, отречение, позор примиренья с судьбой.
Белая койка в высокой и душной палате.
Крест деревянный, сколоченный верной рукой.

Будет больно. Не страшно, а странно.
Слишком просто и слишком легко.
Вот расплата за годы обмана,
Вот обещанный «вечный покой»!

Ни печали, ни слез, ни тревоги, —
Равнодушие во всем и везде.
Будет трудно подумать о Боге,
И неловко смотреть на людей.

А потом — (но не все ли равно?)
Очень холодно, сыро, темно.

Живи не так, как я, как твой отец,
Как все мы здесь, — вне времени и жизни.
Придет такое время, наконец, —
Ты помянешь нас горькой укоризной.

Что дали мы бессильному тебе?
Ни твердых прав, ни родины, ни дома.
Пойдешь один дорогой незнакомой
Навстречу странной и слепой судьбе.

Пойдешь один. И будет жизнь твоя
Полна жестоких испытаний тоже.
Пойми: никто на свете (даже — я!)
Тебе найти дорогу не поможет.

Ищи везде, ищи в стране любой,
Будь каждому попутчиком желанным.
(Не так, как я. Моя судьба — чужой
Всю жизнь блуждать по обреченным странам).

Будь тверд и терпелив. Неси смелей,
Уверенней свои живые силы.
И не забудь о матери твоей,
Которую отчаянье сломило.

* *
*

Я люблю заводные игрушки,
И протяжное пенье волчка.
Пряди русых волос на подушке
И спокойный огонь камелька.

Я люблю в этом тихом покое,
После бешеной сутолки дня,
Свое сердце, совсем ледяное,
Хоть немножко согреть у огня.

Я люблю, когда лоб мой горячий
Тронет ласково чья-то ладонь.
А в углу — закатившийся мячик
И бесхвостый, облупленный конь.

Позабыв и тоску и усталость,
Так легко обо всем говорить...
Это всё, что мне в жизни осталось,
Всё, что я научилась любить.

ДОВИД КНУТ

Я помню тусклый кишиневский вечер:
Мы огибали Инзовскую горку,
Где жил когда-то Пушкин. Жалкий холм,
Где жил курчавый низенький чиновник —
Прославленный кутила и повеса —
С горячими арапскими глазами
На некрасивом и живом лице.

За пыльной, хмурой, мертвой Азиатской,
Вдоль жестких стен Родильного Приюта,
Несли на палках мертвого еврея.
Под траурным несвежим покрывалом
Костлявые виднелись очертанья
Обглоданного жизнью человека.
Обглоданного, видимо, настолько,
Что после нечем было поживиться
Худым червям еврейского кладбища.

За стариками, несшими носилки,
Шли кучкою глазастые евреи.
От их заплесневелых лапсердаков
Шел сложный запах святости и рока,
Еврейский запах — нищеты и пота,
Селедки, моли, жареного лука,
Священных книг, селедки, синагоги.

Большая скорбь им веселила сердце —
И шли они неслышною походкой,
Покорной, легкой, мерной и неспешной,
Как будто шли они за трупом годы,
Как будто нет их шествию начала,
Как будто нет ему конца... Походкой
Сионских — кишиневских — мудрецов.

Пред ними — за печальным черным грузом
Шла женщина, и в пыльном полумраке
Невидно было нам ее лицо.

Но как прекрасен был высокий голос!

Под стук шагов, под слабое шуршанье
Опавших листьев, мусора, под кашель
Лилась еще неслыханная песнь.
В ней были слезы сладкого смиренья,
И преданность предвечной воле Божьей,
В ней был восторг покорности и страха...

О, как прекрасен был высокий голос!

Не о худом еврее, на носилках
Подпрыгивавшем, пел он — обо мне,
О нас, о всех, о суете, о прахе,
О старости, о горести, о страхе,
О жалости, тщете, недоуменьи,
О глазках умирающих детей...

Еврейка шла, почти не спотыкаясь,
И каждый раз, когда жестокий камень
Подбрасывал на палках труп, она
Бросалась с криком на него — и голос
Вдруг ширился, крепчал, звучал металлом,
Торжественно гудел угрозой Богу,
И веселел от яростных проклятий.

И женщина грозила кулаками
Тому, Кто плыл в зеленоватом небе,
Над пыльными деревьями, над трупом,
Над крышею Родильного Приюта,
Над жесткою, корявою землей.
Но вот — пугалась женщина себя,
И била в грудь себя, и леденела,

И каялась надрывно и протяжно,
Испуганно хвалила Божью волю,
Кричала исступленно о прощеньи,
О вере, о смирении, о вере,
Шарахалась и ежилась к земле
Под тяжестью невыносимых глаз,
Глядевших с неба скорбно и сурово.

Что было? Вечер, тишь, забор, звезда,
Большая пыль... Мои стихи в «Курьере»,
Доверчивая гимназистка Оля,
Простой обряд еврейских похорон
И женщина из Книги Бытия.

Но никогда не передам словами
Того, что реяло над Азиатской,
Над фонарями городских окраин,
Над смехом, затаенным в подворотнях,
Над удалью неведомой гитары,
Бог знает где рокочущей, над лаем
Тоскующих рышкановских собак.

... Особенный, еврейско-русский воздух...
Блажен, кто им когда-либо дышал.

**
*

Я шел по берегу Тивериады
И в радости, божественно угрюмой
(Как будто сердце радо и не радо),
Бродил между камней Капернаума,
Где некогда... Послушай и подумай
В тени, в пыли оливкового сада.

Все тот же голос во вселенском баре,
Бессонный, мировой неотвратимый,
О половом неуголимом жаре,
И те же (Всем! За грош!! Неутомимо!!!)
Кинематографические хари
На стенах града-Иерусалима.

Что рассказать тебе про Палестину?
Что помню я? Безлюдную Седжеру,
Оранжевое облако хамсина,
Степенный голос астраханца — гера,
И узкую обиженную спину
Подстреленного мальчика-шомера.

Надменного верблюда над корытом,
Немых пейсатых цадиков из Цфата,
Сухое небо вечности несытой
Над детством мира, гибелью объятым.
И стертые бесчисленные плиты
Безумных мертвецов Иосафата.

И девушку, по имени Юдифь,
Что долго вслед рукой махала смуглой.

ВОЗДУШНЫЙ ЗМЕЙ

Змей уходил под облака
(Так в высоте душа летала),
Нить гнулась, дергала слегка
(Как бы звала издалека),
Воздушной жизнью трепетала.

Я небо осязал рукой,
Его упругое течение, —
Постиг лазури назначенье,
Ее двусмысленный покой.

Вдруг что-то лопнуло. Беда
Открылась разуму не сразу, —
Еще бумажная звезда,
Катясь, взлетала иногда, —
Лгала неопытному глазу.

Змей падал, падал — — меж домов,
Меж разных вычурных строений, —
Нравоучение без слов
Для праздных городских умов,
Для внеслужебных настроений.

Я горестно смотрел туда,
Привычно строил наблюденья,
И вся воздушная среда
Как бы ждала его паденья.

Не закрепленный бичевой,
Он странным телом инородным
(Каким-то пьяницей свободным)
Скитался в синеве живой, —
Быть может, ангелом безродным
Летел по ломаной кривой.

ОПРОКИНУЛ ЧЕРНИЛЬНИЦУ

Писец, бумаги разбирая,
Задел чернильницу, и вот —
Река без берега и края
Вдоль по столу его течет.

На папиросную коробку,
На пепельницу из стекла,
На завалявшуюся пробку,
На исходящие дела,

На всё, что жизнь его заело,
Что душу выжгло и сожгло,
На всё, что быть еще могло,
Что попросту быть не успело — —

Огромный парус раздувая,
Как грозный призрак корабля,
В ночь обрывается земля,
Ночь наступает гробовая.

И в этой совершенной мгле,
В аду крошечном и чернильном,
Он видит — солнце на столе
Качается в дыму кадильном.

И сам он, легкий как стрела,
Одетый по последней моде,
Плывет в большие зеркала,
Где зреют розы без числа,
В органнй гром, в колокола, —
В такую высь, к такой свободе — —

РОЗЫ НА СНЕГУ

Дымятся розы на снегу,
Их вьюга заметает пылью, —
Проворный попик набегу
Трет белый нос епитрахилью.

Трескучий холод кости ест, —
Все разошлись мороза ради, —
И только — розы, снег и крест,
Приваленный к чужой ограде.

И двое пьяниц, — землю бьют,
Тяжелым заступом ломают,
Продрогнув, крепко водку пьют
И что-то грешное поют,
Отроковицу поминают.

И во хмелю своем, гордясь
Ее невинной красотой,
Уж не робея, не стыдясь,
От ветра лишь отворотясь,
Нечистой тешатся мечтою — —

Железная земля тяжка, —
Гроб гулко ахает и стонет,
Под грудой мерзлого песка
Никто не смеет и не тронет.

Она лежит, снегов бледней,
На смертном иль на брачном ложе,
И небо низкое над ней
На вечность мутную похоже.

Дымится куст, дымится твердь,
Земля во власти мглы летучей,
Безлюдье в темноте скрипучей, —
Лишь ночь и ночь. Лишь смерть и смерть.

На склоне городского дня,
Шаги и глуше и небрежней, —
Вновь осень трогает меня
Очарованьем грусти прежней.

Я почерневшую скамью
В саду пустынном занимаю,
Я шляпу влажную мою
Движеньем медленным снимаю, —

И слушаю, как шелестят
Верхушки легкие над садом,
Как листья желтые летят
И падают со мною рядом.

Я тонкой тростью обвожу
Их по краям и протыкаю,
Я молча в прошлое гляжу,
В нем слабой тенью возникаю.

И возвращаюсь не спеша
В мою привычную заботу, —
В тумане сучьями шурша,
Весь город (или вся душа)
Уже готовится к отлету.

**
*

Дождь, дождь и дождь. И ночь. В окно
Летит клоками пена с мола,
Все скрытое — обнажено
И неустойчиво, и голо.

Все в мире ищет пустоты,
Стремится в мрак первоначальный,
На берег плоский и печальный,
В такую ночь выходишь ты.

Глядишь сквозь струи дождевые
На черный горизонт, туда,
Где словно тени огневые
Проходят дальние суда.

Высокомерный от страданья,
Под бурным ветром ледяным
Ты ждешь прощанья иль свиданья
С забытым призраком ночным.

Ты счастья просишь иль измены,
Равно не веря ничему,
И ловишь клочья белой пены,
Летящей в северную тьму.

Такое небо бывает над снегом
Необозримой пустыни русской:
Над хатой тополь чернеет узкий,
Сквозь тучи пламень сияет тусклый.

Такое небо было над снегом,
Когда мы в тесных санях летели,
И в небе главы церквей блестели
И, отставая, кружились ели...

С тяжелым шумом волн мешался голос твой,
Вставали облака из темного залива,
И ветер веял солью и травой,
И вечностью, пустынной и счастливой.
И снова вся в слезах, для подвига любви,
Душа вставала, в муках вырастая,
И вдоль залива темные огни
Беззвучно раздувала тьма пустая...

*
*
*

Всё течет, проходит, блекнет, вянет,
День сменяет день, зима — зиму.
Час пробьет — и дальним светом станет
Всё, что мило сердцу моему.

Всё, что мы с тобою так любили:
Нить огней, соборную иглу,
За сырым окном автомобиля
Город, убегающий во мглу.

Южный блеск и пальмы всеер темный,
В пустоте раскрытый голубой —
Всё смягченно, с нежностью спокойной,
В день, уже предвидимый судьбой,
Буду видеть я перед собой.

ПОХИЩЕНИЕ ЕВРОПЫ

Европа, ты зябким и сырým
Летишь голубком, но — куда?
С непрочным и призрачным миром
Прощаешься ты навсегда.

На фоне большого заката
Уходит корабль в океан.
Вот за воркованье расплата,
За музыку и за туман!

Ты руки ломаешь от горя,
Но бык увлекает тебя
В пределы печального моря,
О легкой победе трубя...

СТИХИ О ЕВРОПЕ

(отрывок третий)

Ты строила водопроводы,
Дороги, арки мостов
Под клики свободных народов,
Под шум благородных дубов.

Кто же средь римской скуки
Знал, что, вот, побегут
Легионы! Что виадуки,
Как легкий сон, упадут!

Не кафры, не страшный шопот
Пальм и дубов, не страх,
Не ночь, не варварский топот
На Елисейских Полях.

Страшнее: душа, сомненья,
Жажда смерти, тоска.
Муз заглушенное пенье,
Уставшая править рука.

(отрывок четвертый)

Там-тамы бубнят от гнева
Вращая белками глаз,
Шоколадная нежная дева
В джунглях целует нас.

Но воздух рая недвижим —
В райской черной стране,
В тиши тростниковых хижин
Мы плачем, как дети, во сне

О голубоглазой Европе,
О мраморе стройных колонн,
С глухой негритянской синкопой
Мешая арийский пэон.

Неужели затравленной лани
Никак не избежать пик?
Неужели среди завываний
Умолкнет тот сладкий язык,

На коем, сквозь вздохи и слезы,
Даже с грубою буквою «ы»
Мы такие стихи о розах
Писали во время чумы!..

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЗИМА

Зима с умилением
Безмолвных холмов.
С последним паденьем
Дубовых листков.

Над сельскою прозой
Сияла зима,
Над райскою розой
Чья гибель — чума.

Над Римом, над бурной
Струей ручейка,
Над хижинной курной —
Жильем бедняка.

Средь мраморной стужи
Музейных колонн
О шерсти верблюжьей
Вздыхал Аполлон.

Шел путник. Мечтаньем
Себя утешал
И пальцы дыханьем
В пути согревал.

КРЕСТОНОСЦЫ

Мы облаком соленой пыли
Дышали на заре, впотьмах,
Пролетая морские мили
На вздыбленных кораблях;

И воспаленными глазами
Из-под ладони глядели вдаль:
Где же, наконец, за морями —
Грааль! Грааль!

И ветер — огромный ворох —
Шевелил прядь волос,
А на знаменах — лилейный шорох
И пригоршни роз.

От бедной земли за туманом
Воздушный мачтовый лес
Летит, летит по океанам
На голубые холмы небес.

И вот — посреди вселенной,
Клубящийся, как дым,
Встает розовостенный
Небесный Иерусалим.

О, слышать нельзя без волненья
В лазури среди облаков
Хлопанье крыльев и пенье
Городских петухов.

Как блудный сын, как нищий,
Мы смотрим на райский град,
На ангельские жилища,
На пальмы и виноград.

Но ради небес умирая
На охапке железных пик,
Мы думаем не о рае, —
О земле наш последний крик:

Только замля, земное,
Черная, дорогая мать,
Научила любить голубое
И за небесное умирать.

*
*
*

О чем ты плакала, душа моя,
Вдыхая за решеткой бытия,

В какие небеса взлетала ты
Из этой неприглядной темноты,

И музыке какой внимала там,
Где ангелы и звезды по ночам,

Зачем ты возвратилась к нам опять,
Чтоб на земле томиться и страдать?

И отвечает горестно она:
— Еще я к райской жизни не годна,

Еще я не сгорела на огне,
Еще не выплакалась в тишине,

Еще не научилась я любить,
Еще мне надо у людей пожить.

АРГОНАВТЫ

За ледяным окном, в глухие зимы,
Лучиной озаря темный день,
Мечтали мы о море и о Риме
В сугробах непролазных деревень.

Мы строили большой корабль, и щепы
Под топором вскипали, как вода,
Мы порохом грузили сруб нелепый —
Мы отлетали в вечность навсегда.

Ревели девки, бабы голосили:
— Ну, дуры, ничего! — Отдай концы!
— Салют! — И в пушечном дыму поплыли
Глаза, как голубые леденцы.

Сначала шли по рекам, а навстречу
Ползут ладьи. Народ кричит с ладей:
— Куда плывете? — Мы в слезах: — Далече!
Прощайте! Отлетаем в эмпирей!

И видим, крестятся они со страху,
Скребут в затылках, смотрят в облака,
А ветер кумачевую рубаху
Раздул у рулевого мужика.

Глядим — и море! В сырости колючей
В тулупах зябнут плечи северян.
Корабль шумит. Высокий лес дремучий —
Искусство корабельное селян.

Ах, нас манили песенкой сирены
И подбирали нежные слова.
Нырля дельфин. Над розоватой пеной
Кружилась с непривычки голова.

И вдруг — труба запела. Черным валом
Метнулся океан в ночную высь.
И побледнев, мы стали к самопалам:
Ну, начинается, теперь держись!

Как ахнем из двенадцатидюймовых —
Все дыбом! На ногах стоять невмочь!
Ревели топки. И в дождях свинцовых
Мы погибали в эту злую ночь.

Но таяли армады, как виденья —
Вот, думаем, отбились кое-как!
Свернем-закурим! В сладком упоеньи
Кружился розовый архипелаг.

О, солнце, суждено нам плыть! В пучину
Лететь! И вот уже дубы растут,
И на дубах сусальную овчину
Драконы огненные стерегут.

А капитан смеется: — Мореходы!
Эх, вы, «овчина», мужичье! Руно!
Не корабли вам строить, а колоды,
Сивуху вам тянуть а не вино...

БЕГСТВО

Пропели хриплым хором петухи —
Взволнованные вестники разлуки,
И мы, прервав беседу и стихи,
Седлали лошадей, грузили вьюки.

Мы тронулись, Флоренция спала —
У темных городских ворот солдатам:
«Нас задержали поздние дела,
Теперь мы возвращаемся к пенатам»...

И на горбатый мост в галоп, а там —
Оливковыми рощами, холмами.
Шумел в ушах печальный воздух драм,
И ветер путевой играл плащами.

Так мы летели мимо деревень,
В харчевнях прятались на сеновале —
Внизу сержанты пили целый день,
Хорошеньких служанок целовали,

А к вечеру — над крышей стаи птиц
И розовело северное небо,
И, побледнев от скрипа половиц,
Трактирщик приносил вина и хлеба.

И ты заплакал, как дитя, навзрыд,
Ты вспомнил дом суконщика, ночную
Погоню вспомнил, цоканье копыт,
И родину, прекрасную, слепую...

ЛЮБИМИЦА

Не оглядываясь на подруг,
Панику в рядах пернатых сея,
Ты взлетаешь, вырвавшись из рук,
Ты ли это, милая Психея?

Ты взлетаешь, горячо дыша,
Разве нам лугов зеленых мало?
Помнишь ли, как в полдень, не спеша,
Ты пшеничные поля пахала?

Ну куда тебе такой летать?
Ну куда такой нерасторопной
И привыкшей почивать —
Да по рытвинам четырехстопным?

Но по берегу житейских вод,
На речной песок роняя пену,
Увеличивая мерный ход,
Вылетаешь на арену.

Закусив до боли удила,
На ветру огромных расстояний,
Разгораясь до бела
В грохоте рукоплесканий,

Первою приходишь ты к столбу,
Падаешь, храпишь, бока вздымая,
Загнанная лошадь молодая
С белою отметиной на лбу.

ОХОТА

В парнасских чашах голубых
Затравленный, как зверь опасный,
Взлетев, изнемогает стих,
Слабеет в рощах голос ясный,

В переполохе жарких свор
Твой одинокий голос тонет,
Когда летит во весь опор
Неумолимая погоня.

И в этом роковом кругу,
Под градом стрел и в трубном хоре
Рычит звереныш! На бегу
Клыком собаке брюхо порет!

А Муза в синеве дубов
Ломает руки в иступлены:
Все чудится ей медь рогов,
Пернатых стрел густое пенье —

Шлют братский взор издалика
Ее глазам огромным синим
Два мутных маленьких глазка
В колючей яростной щетине.

Желтеют листья тополей.
И это — осень. Бог тебе порукой —
Слепое сердца не жалея,
Будь осияннее, светлей
С твоею темною подругой.

И будут снежные глаза
На зимней чистой и пустой дороге,
И поседеют волоса
И ближе станут небеса,
И ты остынешь в добром Боге.

Осенний свет вокруг. Душе светло.
Печаль и свет — от края и до края.
И смерть легка, как птица голубая,
Летящая в небесное село.

Она вся в золоте. Она тревожно
Обходит день, по западу скользя...
Не плачь, дитя, нельзя не быть, нельзя, —
Благословенно все и все возможно.

Настигли сумерки холодною тропой,
И зимний лес во тьме без шороха, пустыней.
Итак, беспечное, мне пой или не пой,
Но тело снов моих когда-нибудь остынет,
Когда-нибудь, ведь, пой или не пой.

Не легче мне, что звездное здесь вижу,
Не легче мне, что не своей рукой
В глазах моих все эти звезды выжгу —
Рукою вечности, чудовищно слепой.

И что припала ты, горячая, ко мне, —
Тебя, посредницу, жалеть я не умею,
Такие же, как ты, средь стиснутых камней
На кладбище теперь наверно леденеют,
А ты со мной, и радуйся в огне!...

И знаю я, что ты одна не в силах
Своим сияньем сметь, своими снами знать —
Какая музыка земли тебя носила,
С какою силою ты будешь отлетать.

Зеленый свет, весна и ты в лесу.
Тиха в руках воздушная прохлада.
Не в первый раз я этот дар несу
Так бережно, как будто навесу
Вся жизнь моя, ушедшая из ада.

Ненужная в законе диких лет,
Я знаю, здесь — ты больше всех законов,
О, нежность детская, тебе во след
Стремится все — и тьма, и свет,
И тишина среди распевных звонов.

Пройдите, годы, мимо, стороной, —
Вас много было ни живых, ни мертвых, —
Ведь день взошел сияющей страной,
Он весь всему подобен и иной,
На небесах землю распростертых.

ЖИЗНЬ

Где нет надежд, любви, призваний,
Где сердце холодно молчит,
Где, в час весны высокий, ранний,
В окно никто не постучит, —
Ее я вижу затаенной,
Униженной, и все ж влюбленной.

С каким неведомым названьем
Из дальних лет она летит,
Каким еще очарованьем —
Или слезами — отзвенит, —
Всегда мучительно знакома
От роста ввысь и до излома.

И под какими небесами
Зажжет она свой огонь,
Мерцая темными глазами
На догорающие дни,
И не уклонится от взгляда,
Когда измучена и смята.

Но если в ком-нибудь она,
Как бы к самой себе влекома,
Самовлюбленна и одна,
Без родины, людей и дома, —
Она уйдет, и навсегда,
Без памяти и без следа.

СОН О ЧЕЛОВЕКЕ

Синий свет на ратном поле.
Ночь, луна и снег везде.
И, в необычайной воле,
Тело тянется к звезде.

Понимаю — будто ранен,
Не смертельно, боли нет,
Только — сам себе я странен, —
Будто вечностью согрет.

И не страшно замиранье,
Длится чувство: если встать —
Снова будет снег по ране
Черным пламенем хлестать.

И не знаю, как подняться,
Как идти, куда идти,
И в дыхании двоятся
Жизне-смертные пути.

Но я вижу: полем снежным —
Не в броне, не на коне, —
Человек стремленьем быстрым
Приближается ко мне.

Полон простоты нетленной,
Проще радости земной,
Как хозяин всей вселенной —
Просто так — пришел за мной.

И уносит по сугробам...
А над нами свет такой —
Будто по таким дорогам
Ходит огненный герой.

Сколько нежности грустной
В безмятежной Савойе!
Реет вздох неискусный
В тишине и покое.

Над полями, в сияньи
Тишины беспредельной,
Реет вздох неподдельный,
Как мечта о свиданьи.

Этой грусти без края
Я значенья не знаю,
Забываю названье
В тишине и сияньи.

Реет легкая птица,
Синий воздух тревожит.
Если что-то свершится...
Но свершиться не может.

Что же, будем мириться
С тишиною и светом
Этой грусти бесцельной,
С этим летом и счастьем
Тишины беспредельной.

Тебя здесь нет, а я еще живу.
Но тишину твою и безмятежность
Каким угодно словом назову,
Но лишь не тем, в котором безнадежность.

Уходят ненужные годы, и памяти нет.
Ты смерти боялась и музыки ты не любила.
Но в робких объятьях какой-то случайный ответ,
Но в грубых объятьях какой-то ответ находила.

Ты в грубых и робких объятьях спасала от бед
И тело, и душу, дыханье свое и движенье.
Уходят напрасные годы, и памяти нет.
К чему мне мое напряженье, мое вдохновенье?

Оно не изменит, оно не спасет ничего.
Уж если любовь не спасла и не преобразила
Твой голос далекий и отблеск лица твоего...

**
*

Ну, что мне в том, что ветряная мельница
Там, на пригорке, нас манит во сне?
Ведь все равно ничто не переменится
Здесь, на чужбине, и в моей стране.

И оттого, что у чужого домика,
Который, может быть, похож на мой,
Рыдая надрывается гармоника —
Я все равно не возвращусь домой.

О, я не меньше чувствую изгнание,
Бездействием не меньше тягочусь,
Храню надежды и воспоминания,
Коплю в душе раскаянье и грусть.

Но отчего неизъяснимо-русское,
Мучительно родное бытие
Мне иногда напоминает узкое,
Смертельно ранящее лезвие?

Электрический запах озона,
Вдалеке нарастающий гром,
И огромные, в полнебосклона,
Черно-синие тучи кругом.

Ты, я знаю, грозы не боялась,
И теперь, со слезами в глазах,
Не в испуге ко мне прижималась,
Не защиты просила в слезах.

Никому не расскажешь словами
Про молчание, нежность и стыд,
И тогда разорвался над нами
Ослепительный метеорит.

Я проснулся от ливня и грома.
Сон счастливый был все-таки сном.
В одиночестве сонного дома
Отзывался насмешливый гром.

ЕВКЛИД

Я — пишуший. Земля. Добро и зло.
Сознание. Память. Граммы, метры, литры.
Душа и тело. Долг и ремесло.
Тревога. Уголь, сера и селитра.

История (итог кровавых пьянств).
Религия (костры, экстаз, акриды).
Добро, строитель нежилых пространств!
Ужо тебе, квадратный мозг Евклида!

Усталость. Жалость. Деньги. Служба. Дом.
Болезни. Дети. Рождество. Аптека...
Прекрасен мир классического грека,
Велик и чист, но мы не в нем живем.

**
*

К высокому кресту зовет старинный звон.
Смятенная толпа спешит к его подножью.
Здесь на души с намоленных икон
Нисходит милость, тронутая ложью.

Здесь ладан — облако блаженных снов.
Нагая быль оделась ризой черной.
И разостлав над бездной свой покров,
Врачует души образ чудотворный.

Заботливо покрыл иконостас
Немую твердь сияющею тенью.
И милосердно скрыл от слабых глаз
Невыносимый лик Преображенья.

Сведенные под купол небеса
Сулят спасенье преклоненным людям,
Желанные, благие чудеса
И доброе неведение о Чуде.

Моля о милости, соленая слеза
Умильно капает на восковую руку.
И теплые клубятся голоса,
Елейной лаской умаляя муку.

Любезна ложь волнующему звуку!
Но и святейшим вымыслом греша,
Высокой правды трудную науку
Не вымолит лукавая душа.

ЮРИЙ ОДАРЧЕНКО

Печаль, печаль, которой нет названья:
Печаль сознанья красоты —
Безмолвное очарованье
Земной несбыточной мечты.

Есть в той печали смысл глубокий
И в нем потусторонний миг,
Когда ты слышишь зов далекий,
Летящий из миров иных.

Божественное обещанье
Бессмертия в нем слышишь ты.
И нет тоске твоей названья
Перед сознаньем красоты.

Все звезды созданы для маленькой земли,
Сплетаются в созвездия они,
И с неба падают — для маленькой земли.
Лишь для того, чтоб малое дитя,
С душою чистой, на небо глядя,
Могло сказать: как это хорошо!
Уже во сне: как это хорошо!

А ты, Ванюша,
Поди зарежь черного петушка.
— Да с какой же стати?
Петушок по утрам поет.
— Петь-то он поет,
Да чтоб его слушать,
Надо живым быть,
А чтоб живым быть,
Надо кушать.
Зарезал Ваня петушка.
Вот все живы, сидят и слушают.
Как курочка кудахчет,
О петушке своем плачет.

На красной площади, на плахе,
Сидит веселый воробей,
И видит, как прохожий в страхе,
Снимает шапку перед ней.

Как дико крестится старуха,
Глазами в сторону кося,
Как почесал за левым ухом
Злодей, добычу унося.

И с высоты своей взирая
На этих суетных людей,
Щебечет, солнце прославляя,
На плахе сидя, воробей.

* *
*

Дьявол, дьявол, сколько дашь
За мою душонку?
А душонка не проста,
И стыдлива и чиста —
Русская душонка!
«А зачем мне покупать
Русскую душонку?
На одном конце червяк,
На другом конце дурак —
Пробочка — душонка.
Мне забавней наблюдать
За твоей душонкой:
На мгновенье в вышине,
На мгновенье в глубине,
Самый маленький грешок
Тянет книзу поплавок —
Вот твоя душонка!»

* *
*

Что такое — денег нет? —
Отыщу знакомых,
А знакомых дома нет —
Это будет промах.

Промахнулся — не беда,
Съем в кредит и сытно,
Не поверят, вот тогда
Это будет стыдно.

Если ж вовсе не дадут
Мне без денег блюда,
Я с ума ведь не сойду
На пустой желудок.

Будет легче рассуждать
О судьбе народа...
Вот попробую догнать
Вон того уroda.

Подает он мелочь мне
Жестом очень важным...
«Я убил его во сне» —
Говорю присяжным.

... «и перья страуса склоненные
в моем качаются мозгу».

Страус вовсе не глупая птица.
Он все тайны в пустыне познал —
Птице истину Бог подсказал...
Он бежать от людей не стремится,
Он бежит головою зарыться
В раскаленный на солнце песок —
Так бы сделал мудрейший пророк.

То, что ищут у птицы доныне,
Не в головке ее, не в груди —
Ищут перья — они позади.
Вот, пришпорив коней, бедуины
Вскачь летят по безбрежной пустыне.
А у страуса задран задок,
И головка зарыта в песок.

Бедуин в одеянии белом,
За пером на коне подскакал,
Он перо за пером вырывал,
Точно овощ какой-нибудь спелый,
Бросив прочь ядовитые стрелы.
А потом для забавы своей —
Человек, это значит злодей —

Пресмешную задумав затею,
Разрубил напряженную шею.

СТИХИ В АЛЬБОМ

Бом, бом, бом...
Вам стихи в альбом
Пишут Бим и Бом,
Оба сразу вместе,
Женихи невесте.
Бим, бим, бим...
Бим написал:
«Нам этой жизни мало»...
А Бом сказал:
Достаточно трех дней.
«А женщина привычно и устало»
Копировала белых лебедей.
И муж ее в блаженстве цепенея
Был в совести своей ничем не уязвим,
Мерещилась развратная Помпея...
«Пиши-ка ты», сказал стыдливый Бим.
И видит Бим: пылающая лава
(Под ней скрывается покорная земля)
Кипя течет, как сладкая отравка,
От стен упрямого, безумного Кремля.
В набат колокола трезвонят:
И бим и бом, и бим и бом...
Что это, старый мир хоронят? —
Нет, это вам стихи в альбом.

Вам надо уехать в Египет —
Париж вам вреден весной,
Вам это совсем не по силам,
Ах, доктор, старик смешной!..
За окнами дождик сыплет
С упрямой косизной,
Как скучно лежать одной!

... А ласточки в теплом Египте
В шуршанье стотысячекрылом
С мечтою на каждом крыле
На север готовы лететь
И Нил плодородным илом
Разлился на целую треть...

— О, любите меня, любите,
Удержите меня на земле!
О, любите меня, любите,
Помешайте мне умереть!..

- В этом мире любила ли что-нибудь ты?..
— Ты должно быть смеешься! Конечно, любила.
— Что? — Постой. Дай подумать! Духи, и цветы,
И еще зеркала... Остальное забыла.
-

В этот вечер парижский, взволнованно-синий,
Чтобы встречи дожидаться и время убить,
От витрины к витрине, в большом магазине
Помодней, подешевле, получше купить.

С неудачной любовью... Другой не бывает —
У красивых, жестоких и праздных, как ты.
В зеркалах электрический свет расцветает
Фантастически-нежно, как ночью цветы.

И зачем покупаешь ты шарфы и шляпки
Кружева и перчатки? Конечно, тебе
Не помогут ничем эти модные тряпки
В гениально-бессмысленной женской судьбе.

**
*

Под лампой электрической,
С улыбкой истерической,
В подушку головой.

По полю, под луной,
Летит стрелой лисица...
Нет, это только снится.
Нет, это скверный сон —
И казино, и Ницца,
И лунный Пантеон.

И все ж она гордится
Богатством и собой
И горькою судьбой.

Она такая странная,
Прелестная и пьяная,
И — вдребезги стакан...

— Вы из далеких стран?
Вам хочется любить?
Вам хочется пожить
На маленькой земле
В печали и тепле?...

**
*

Вот палач отрубил мне голову,
И она лежит на земле.
И ни золоту, и ни олову...
Кончен спор о добре и зле.

И теперь уже плачь, не плачь —
Не пришьет головы палач.

Посмотри, какая красивая,
Косы черные, как смоль,
А была гордячка спесивая,
Презирала бедность и боль.

Только как же?... Позволь, позволь...
Если это моя голова,
Отчего я тогда жива?
И откуда черные косы
И глаза лукаво-раскосые,
И какая же я гордячка?

... Вьются вихри, несется конница,
Пол вздымает морская качка,
В грудь стучится, в сознание ломится
Балаболка ведьма — бессонница.
— Надоела! которую ночь!..
Убирайся отсюда прочь!
Убирайся! Все это бред!
Уголек, залетевший из ада,
Лепесток из райского сада —
Никакой головы здесь нет!..

Вообще здесь нет ничего —
Беспощадно метет метелка,
Полнолунным светом звеня,
Выметая в пространство меня...

... Дверь распахнута в пышный зал:
Сколько там позолоты и шелка,
И цветов, и гостей, и зеркал.
В зеркалах отражается елка
Оттого, что всегда Рождество —
Вечный праздник на Божьем свете...

В хороводе кружатся дети,
Кто же я? Одна из детей?
Снова детство. — Как скучно!.. А если
Я одна из старушек — гостей,
Пра-прабабушка в шелковом кресле?..

— Замолчи, замолчи балаболка,
Замолчи, не трещи без умолка!
Ты же видишь прекрасно — я елка.
Осторожней, меня не тронь!
Я вот эта елка зеленая,
Блеском свечек своих ослепленная,
Как волшебно!.. Как больно!..

... Огонь!..

Над зеленой высокой осокой скамья,
Как в усадьбе, как в детстве, с колоннами дом.
Возвращается ветер на круги своя,
В суету суеты, осторожно, с трудом...

Возвращается ветер кругами назад
На пустыню библейских акрид и цикад,
На гору Арарат, где шумит виноград,
Возвращается ветер, пространством звеня,
На крещенский парад, на родной Петроград,
Возвращается вихрем, кругами огня...

— Ветер, ветер, куда ты уносишь меня!..

*

Сияет дорога райская,
Сияет прозрачный сад,
Гуляют святые угодники,
На пышные розы глядят.

Идет Иван Иванович
В люстриновом пиджаке,
С ним рядом Марья Филипповна
С французской книгой в руке.

Прищурясь на солнце райское
С улыбкой она говорит:
— Ты помнишь, у нас в Кургановке
Такой же прелестный вид,

И пахнет совсем по-нашему
Черемухой и травой...
Сорвав золотое яблоко,
Кивает он головой:

Совсем как у нас на хуторе,
И яблок какой урожай.
Подумай — мы в Бога не верили,
А вот и попали в рай!

БАЛЛАДА О ГУМИЛЕВЕ

На пустынной Преображенской
Снег кружился и ветер выл...
К Гумилеву я постучала,
Гумилев мне дверь отворил.

В кабинете топилась печка,
За окном становилось темней.
Он сказал: «Напишите балладу
Обо мне и жизни моей!

Это, право, прекрасная тема», —
Но я ему ответила: «Нет.
Как о Вас напишешь балладу?
Ведь вы не герой, а поэт».

Разноглазое отсветом печки
Осветилось лицо его.
Это было в вечер туманный,
В Петербурге на Рождество...

Я о нем вспоминаю всё чаще,
Всё печальнее с каждым днем.
И теперь я пишу балладу
Для него и о нем.

Плыл Гумилев по Босфору
В Африку, страну чудес,
Думал о древних героях
Под широким шатром небес.

Обрываясь падали звезды
Тонкой нитью огня.
И каждой звезде говорил он:
— «Сделай героем меня!»

Словно в аду полгода
В Африке жил Гумилев,
Сражался он с дикарями,
Охотился на львов.

Встречался не раз он со смертью,
В пустыне под «небом чужим».
Когда он домой вернулся,
Друзья потешались над ним:

— «Ах, Африка! Как экзотично!
Костры, негритянки, там-там,
Изысканные жирафы,
Огромный гиппопотам».

Во фраке, немного смущенный
Вошел он в сияющий зал
И даме в парижском платье
Руку поцеловал.

«Я вам посвящу поэму,
Я вам расскажу про Нил,
Я вам подарю леопарда,
Которого сам убил».

Колыхался розовый веер,
Гумилев не нравился ей.
— «Я стихов не люблю. На что мне
Шкуры диких зверей»...

Когда войну объявили,
Гумилев ушел воевать.
Ушел и оставил в Царском
Сына, жену и мать.

Средь храбрых он был храбрый,
И, может быть, оттого
Вражеские снаряды
И пули щадили его.

Но приятели косо смотрели
На георгиевские кресты:
— «Гумилеву их дать? Умора!»
И усмешка кривила рты.

Раз, незадолго до смерти,
Сказал он уверенно: «Да.
В любви, на войне и в картах
Я буду счастлив всегда!..

Ни на море, ни на суше
Для меня опасности нет...»
И был он очень несчастен,
Как несчастен каждый поэт.

Потом поставили к стенке
И расстреляли его.
И нет на его могиле
Ни креста, ни холма — ничего.

Но любимые им херувимы
За его прилетели душой.
И звезды в небе пели: —
«Слава тебе, герой!»

ИЗ ДНЕВНИКА В СТИХАХ

1

Ты не то что не хотела славы —
Тень еехватила бы другой,
Но за нею даже шаг лукавый
Никогда не сделан был тобой.
Ты ее спокойно принимала
Без надменности и слепоты,
Даже без иронии сначала,
И какая же загадка ты
Посейчас для многих, слишком многих
Благодушных и к себе не строгих.

Слава между прочим, просто так,
Да и что же может быть другого,
Если есть избранничества знак.
Строго, чтобы не сказать сурово,
Судишь ты себя и жизнью всей
Что-то необыденное, что-то
Независящее от людей
Выражаешь, вся твоя забота:
Не обидеть, не кривить душой
Ни с другими, ни с самим собой.

2

Ты еще прекрасно молода,
На веку твоём еще коротком
Лучше не бывали никогда
Четкий угол шеи с подбородком,
Юных глаз привычка не мигать,
Их невыразимая огромность
И, как будто птицей можешь стать,
Легкие движения и скромность,
Выпадающая тем на часть,
Кто не взял, а лишь приемлет власть.

Но когда и для тебя настанет
Время с зеркалом наедине
Испытать, что и такую ранит
Старость — отчего открыто мне
В том, что ждет тебя: в перемещенье
Линий совершенного лица
Как бы полное освобожденье
Затаенного, не до конца
В молодости видимого, света,
Им ты греешь и сама согрета!

... Что же делать с красотой твоей?
 Почему она как совесть судит?
 Скоро, ведь погибнет и она.
 Ты молчишь, но музыка слышна.

Это — Царскосельского парада
 Трубы отдаленные слышны,
 Это — тянет розами из сада,
 Это — шорох моря и сосны.
 Это — все, что чувства волновало,
 Но как будто видно изнутри,
 Все, что для меня впервые стало
 До чего прекрасным. Посмотри.
 Это — праздничное отчего-то
 Все что было с птичьего полета.

Это — дальше, следующий век,
 Тот, в котором нас уже не будет.
 Это — умирает человек,
 Но пока земля не обезлюдит,
 Это будет чем-то вот о чем:
 Если б разжигать не удавалось
 Духу Истины в очередном,
 Смертном, сердце и любовь и жалость, —
 Мало, что не стоило бы жить,
 Всей земли могло бы и не быть.

ИЗ ПОЭМЫ БАЛТИЙСКИЙ ПЕСОК

Море учит беспредельности,
Волн неторопливый ход
В упоении бесцельности
Длиться не перестает.

И кого обманет линия
Между небом и водой,
Ни простора, ни уныния,
Не замкнувшая собой.

Хочется в грехах покаяться,
Словно смерть уже близка.
Лодка легкая качается
И качает рыбака.

Он бледнеет от волнения,
Что-то происходит в нем,
Бродят тени вдохновения
На лице его рябом.

Парус свернут, весла сложены,
Руки скрещены, в глазах
Отблеск мысли потревоженной,
Соль и горечь — на губах.

Все обманет, все изменится.
Элла?.. Мимо и скорей!
Нет, конечно, он не женится,
Крик залетных журавлей

Жизни ищет над просторами
И сливается в одно
С теми звуками, которыми
Одиночество полно.

Спрашивали красоту:

— Что ты делала? — Цвела.

— Что ты делаешь? — Цвету.

Вот и все мои дела.

Но прошло немного лет,

И она уже не та,

И глаза ее в ответ:

— Я — страдание и свет,

Истинная красота.

Должно быть тесно под землей,

Когда лежишь, зарыт,

Но жить не легче: над тобой

Зияет и кружит

Простор, огромный до того,

Что лучше не глядеть в него.

И не глядишь. Но разве здесь,

Без неба, взаперти,

Всю боль и стыд и холод весь

Легко перенести?

За конторкой бюро,
У прилавка бистро,
В камере Г.П.У.
И на светском балу,

И свободные и несвободные
Все мы сердцем и жребием сходные.

Отдается в наем,
Продается на слом,

Разрушаются стены кирпичные,
Повторяются сцены обычные...

Эти ночи в звездах,
Эти сны о деньгах,

Эти граждане, эти правительства,
Эти подвиги, эти мучительства

И о счастья своем
Разговоры вдвоем.

БОРИС ПОПЛАВСКИЙ

МОРЕЛЛА

Фонари отцветали и ночь на рояле играла,
Привиденье рассвета уже появилось в кустах.
С неподвижной улыбкой Ты молча зарю озирала
И она, отражаясь, синела на сжатых устах.

Утро маской медузы уже появлялось над миром,
Где со светом боролись мечты соловьев в камыше.
Твой таинственный взгляд, провожая созвездие Лиры,
Соколиный, спокойный, не видел меня на земле.

Ты орлиною лапой разорванный жемчуг катала,
Ты как будто считала мои краткосрочные годы.
Почему я Тебя потерял? Ты как ночь мирозданьем играла,
Почему я упал и орла отпустил на свободу?

Ты, как черный орел, развевалась на желтых закатах,
Ты, как гордый, немой ореол, осеняла судьбу.
Ты вошла не спросясь и отдернула с зеркала скатерть
И увидела нежную девочку — вечность в гробу.

Ты, как нежная вечность, расправила черные перья,
Ты на желтых закатах влюбилась в сиянье отчизны.
О, Морелла, усни, как ужасны орлиные жизни,
Будь, как черные дети, забудь свою родину, — Пэри!

Ты, как маска медузы, на белое время смотрела,
Соловьи догорали и фабрики выли вдали,
Только утренний поезд пронесся, грустя, за пределы,
Там, где мертвая вечность покинула чары земли.

О, Морелла, вернись, все когда-нибудь будет иначе,
Свет смеется над нами, закрой снеговые глаза.
Твой орленок страдает, Морелла, он плачет, он плачет,
И как краска ресниц, мироздание тает в слезах.

Розовый час проплывал над светающим миром.
Души из рая назад возвращались в тела.
Ты отходила в твоём сверхестественном мире.
Солнце вставало, и гасла свеча у стола.

Розовый свет опадал в высоте безмятежной.
Вдруг Ты проснулась еще раз, но Ты никого не узнала,
Странный Твой взгляд проскользил удивленный и нежный
И утонул в полумраке высокого зала.

А за окном, незабвенно блистая росой,
Лето цвело и сады опускались к реке.
А по дороге, на солнце блистая косою,
Смерть уходила и чорт убежал налегке.

Мир незабвенно снял, очарованный летом,
Белыми клубами в небо всходили пары,
И, поднимая античные руки, атлеты
Камень ломали и спали в объятьях жары.

Солнце сияло в бессмертном своем обаяньи.
Флаги всходили, толпа начинала кричать.
Что-то ужасное пряталось в этом сияньи.
Броситься наземь хотелось, забыть, замолчать.

РОЗА СМЕРТИ

В черном парке мы весну встречали,
Тихо врал копеечный смычок,
Смерть спускалась на воздушном шаре,
Трогала влюбленных за плечо.

Розов вечер, розы носит ветер.
На полях поэт рисунок чертит.
Розов вечер, розы пахнут смертью
И зеленый снег идет на ветви.

Темный воздух осыпает звезды,
Соловьи поют, моторам вторя,
И в киоске над зеленым морем
Полыхает газ туберкулезный.

Корабли отходят в небе звездном,
На мосту платками машут духи,
И сверкая через темный воздух
Паровоз поет на виадуке.

Темный город убегает в горы,
Ночь шумит у танцевальной залы
И солдаты, покидая город,
Пьют густое пиво у вокзала.

Низко, низко, задевая души,
Лунный шар плывет над балаганом,
А с бульвара под орган тщедушный
Машет карусель руками дамам.

И весна, бездонно розовея,
Улыбаясь, отступая в твердь,
Раскрывает темно-синий веер
С надписью отчетливою: смерть.

Восхитительный вечер был полон улыбок и звуков,
Голубая луна проплывала высоко звуча,
В полутьме Ты ко мне протянула бессмертную руку,
Незабвенную руку, что сонно спадала с плеча.

Этот вечер был чудно тяжел и таинственно душен,
Отступая заря оставляла огни в вышине,
И большие цветы, разлагаясь на грядках, как души,
Умирая, светились и тяжело дышали во сне.

Ты меня обвела восхитительно медленным взглядом,
И заснула, откинувшись навзничь, вернулась во сны.
Видал я, как в таинственной позе любитесь адом
Путешественник-ангел в измятом костюме весны.

И весна умерла и луна возвратилась на солнце,
Солнце встало, и темный румянец взошел.
Над загаженным парком святое виденье пропало,
Мир воскрес и заплакал и розовым снегом отцвел.

ГАМЛЕТ

Гамлет, Ты уезжаешь, останься со мной,
Мы прикоснемся к земле и, рыдая, заснем от печали.
Мы насладимся до слез униженьем печали земной,
Мы закричим от печали, как раньше до нас не кричали.

Гамлет, Ты знаешь, любовь согревает снега,
Ты прикоснешься к земле и прошепчешь: «забудь обо всем»!
Высунет месяц свои золотые рога,
Порозовеет денница над домом, где мы заснем».

Гамлет ей отвечает: — забудь обо мне,
Там надо мной отплывают огромные птицы,
Тихо большие цветы расцветают, в огне
Их улыбаются незабвенные лица.

Синие души вращаются в снах голубых,
Розовый мост проплывает над морем лиловым.
Ангелы тихо с него окликают живых
К жизни прекрасной, необъяснимой и новой.

Там на большой высоте, расцветает мороз,
Юноша спиг на вершине горы розовой,
Сад проплывает в малиновом зареве роз,
Воздух светает, и полюс блестит синеватый.

Молча снежинка спускается бабочкой алой,
Тихо стекают на здания струйки огня,
Но растворяясь в сиреневом небе Валгалы,
Гамлет пропал до наступления дня.

«Гамлет, Ты уезжаешь, останься со мной!»
Цела безумная девушка под луной.

* *
*

Мир был темен, холоден, прозрачен,
Исподволь давно к зиме готов.
Близок к тем, кто одинок и мрачен,
Прям, суров, и пробужден от снов.

Думал он: Смиряться, будь суровым,
Все несчастны, все молчат, все ждут,
Все смеясь работают и снова
Дремлют, книгу уронив на грудь.

Скоро будут ночи бесконечны,
Низко лампы склонятся к столу.
На крутой скамье библиотечной
Будет нищий прятаться в углу.

Станет ясно, что шутя, скрывая,
Все ж умеем Богу боль прощать.
Жить. Молиться, двери закрывая.
В бездне книги черные читать.

На пустых бульварах замерзая,
Говорить о правде до рассвета,
Умирать, живых благословляя
И писать до смерти без ответа.

Солнце нисходит, еще так жарко,
Но в воздухе осень и парк поредел.
Там ярко горят лимонады в хибарке
И желтые листья газет на воде.

Еще мы так молоды. Дождь лил все лето,
Но лодки качались за мокрым стеклом.
Трещали в зеленом саду пистолеты.
Как быстро, как неожиданно время прошло.

Так поздно в стекле синева отражалась,
И месяц вставал над фабричной трубой.
Душа мирозданья — Надежда на жалость,
Быть может мы летом простились с Тобой.

Так тише и чище. Молчит в амбразуре
Высокой тюрьмы арестант на закате,
И в ярком сияньи осенней лазури
Свистит паровоз на кривой эстокаде.

Вагоны качаясь уходят на запад.
С бульвара доносится шум карусели.
Он смотрит в сияньи, не хочется плакать.
Как пыльно и кротко отъездов веселье.

Над башней проносятся поздние птицы.
Как быстро о солнце листва забывает.
Рука открывает святые страницы.
Глаза закрываются. Боль убывает.

**
*

Снег идет над голой эспланадой;
Как деревьям холодно нагим,
Им должно быть ничего не надо,
Только бы заснуть хотелось им.

Скоро вечер. День прошел бесследно.
Говорил; измучился; замолк.
Женщина в окне рукою бледной
Лампу ставит желтую на стол.

Что же Ты, на улице, не дома,
Не за книгой, слабый человек?
Полон странной снежною истомой
Смотришь без конца на первый снег.

Все вокруг Тебе давно знакомо.
Ты простил, но Ты не в силах жить.
Скоро ли Ты будешь дома?
Скоро ли Ты перестанешь быть?

*
*
*

Как страшно уставать.
Вся жизнь течет навстречу,
А ты не в силах жить
Вернись в закуток свой.

Таись, учись скрывать,
И слушай там весь вечер,
Как мелкий лист дрожит
Под каплей дождевой.

В окне спокойный свет,
Едва трепещут листья,
Темнеет длинный день,
Слабеет улиц шум,

Чего-то в мире нет,
Ни в блеске гордых истин,
Всё это тени тень,
И ты устал от дум.

Сквозь сумрак голубой
Спешат больные люди,
За тьмой насущных дел
Не видя лучших лет.

Молчи и слушай дождь.
Не в истине, не в чуде
А в жалости Твой Бог,
Всё остальное ложь.

Ты им не нравишься,
Ты одинок и беден,
Зато она с Тобой
Что счастье без неё.

А с ней, к чему покой
И даже сон о небе,
Дождливым вечером
Закатные края.

Рождество расцветает. Река наводняет предместья.
Там, где падает снег, паровозы идут по воде.
Крыши ярко лоснятся. Высокий декабрьский месяц
Ровной, синею нотой звучит на замерзшем пруде.

Четко слышится шаг, вдалеке без конца повторяясь,
Приближается кто-то и долго стоит у стены,
А за низкой стеной задыхаются псы, надрываясь,
Скала белые зубы в холодный огонь вышины.

Рождество, Рождество! Отчего же такое молчанье,
Отчего всё темно и очерчено четко везде?
За стеной Новый Год. Запоздалых трамваев звучанье
Затихает вдали, поднимаясь к Полярной звезде.

Как всё чисто и пусто. Как всё безучастно на свете.
Всё застыло, как лед. Всё к луне обратилось давно.
Тихо колокол звякнул. На брошенной кем-то газете
Нарисована елка. Как страшно смотреть на нее.

Тихо в черном саду. Диск луны отражается в лейке.
Есть ли елка в аду? Как встречают в тюрьме Рождество?
Далеко за луной и высоко над жестокой скамейкой
Безмятежно нездешне млечное звезд торжество.

Всё как будто ждало, и что спугнута птица шагами
Лишь затем, чтоб напомнить, что призраки жизни страшны,
Осыпая сиянья, как долго мы были врагами
Тишины и природы, и всё ж мы теперь прощены.

Отречения счастье высшее,
С Богом набожный договор.
Пальцы скорбные, брови нависшие,
В красных жилках старческий взор.

Столько боли на плечи навьючено,
Ветром горя грудь сожжена.
О страдающих и умученных
Говорит ему тишина

И сиянье первоначальное,
И молитвы божественный гнев,
И размерное пенье печальное.

Под рыданье синагогальное
Он качается, руки воздев.

Узор обоев вылинял слегка
И потолок висел крутой и голый.
Текла болезни сонная река.
Чернели важно обшлага и полы
Застегнутого наспех сюртука,

Слоился дым в опущенных усах,
За стеклами глаза мерцали мелко,
Секундами пощелкивала стрелка
На выпуклых серебряных часах.

Шаги домашних были так легки,
Скрипела дверь расстроенною скрипкой,
А он стучал одной рукой негибкой
О старческий сустав другой руки.

Тогда казалось: ныне и навеки
В окне деревьев мерзлые штыки,
Горячий лоб, расплавленные веки...
В те времена лекарства из аптеки
Бумажные носили колпаки.

* *
*

Стало в улицах дымно и пусто,
Не зажгли еще свет за окном.
Продавала торговка капусту
В потемневшем ведре жестяном.

Талый лед под перилами булькал,
На мостах вростали горбы.
На ходу обломала сосульку
У кривой водосточной трубы.

Тонкий лед не мгновенно растаял,
Но на жаркой ладони размяк.
Был закат, голубиная стая,
На извозчике в складку армяк,

Старый пудель на лапах ученых,
Запах дыма, что так домовит,
И скрипенье ворот огорченных
И такое желанье в крови
Всё иметь: от великой любви
До желтеющих яблок моченых.

СЕСТРЫ

1.

Когда, скрипя, стирается белье,
иль с хрустом происходит чистка меди,
вы все, конечно, видели ее —
не у себя, так у своих соседей.

В пальтишке узком, с кончиком лисы,
в крылатом фартуке, обычно в клетку,
она в дома приходит на часы,
как птица, что сама влетает в клетку.

С глубокими солонками ключиц,
с глазами, как две чашки с синевою,
с работою горчее всех горчиц,
она живет почти что неживою...

Слова ее бесцветны, как вода,
сама она порой худее кошки.
В чулках ее — зиянья иногда,
как слуховые круглые окошки.

С лицом сухим и серым, как ковыль,
вооружившись выскобленным стулом,
она с больших шкапов стирает пыль,
поднявши руки вверх, как перед дулом.

Не основавши собственной семьи,
покорная обычному заводу,
стараясь, от семи и до семи,
для всех, кто ей давал огонь и воду —

как друг, она трудилась для других.
И с серой тряпкой, с сором, без привала,
среди вещей — чужих, но дорогих —
сама, как тряпка серая, сновала.

Без отдыха, без облика, без лет,
скользила тень, равно для всех чужая,
за несколько безжалостных монет
любой очаг усердьем окружая.

Усталый мозг, засушенный в борьбе,
лишенный духа, как цветок осенний,
лишь раз в неделю думал о себе —
и это было в утро воскресенья.

Она была умыта и чиста,
и шкаф не до конца ее обидел:
на ней была сорочка из холста...
Но в эти дни — никто ее не видел.

Однажды утром, вставши после сна,
прочтя в газете: «отравилась газом...»
я вам скажу: то может быть она
ушла из жизни, не моргнувши глазом.

Она погрязла в прахе бытия.
Быть может, Марфой в прошлом воплощеньи
была она... Возьмут ли «Жития»
ее к себе — за силу всепрощенья?

2.

Когда счастливой матерью семьи
становится ленивая Мария,
лишь к вечеру, не ранее семи,
плита ее бушует, как стихия,
и дети, сев вдоль кухонной скамьи,
кладут на доски рученьки сухие.

Мария варит суп из топора
и моет пол в лазоревом уборе.
Весной она уходит со двора
с высокими зарницами во взоре...
Ее запущенная детвора
сидит в худых штанишках на заборе.

В ее квартире зарево и гам,
дожди и снег идут в ее квартире...
На страх соседям (и на страх врагам)
она ложится в три или в четыре.
Шлет зайчиков луна к ее ногам:
она играет, при луне, на лире.

И к ней (сидящей с зайцами у ног
и в то же время — с музыкой у чрева)
приходит муза северных дорог
с большим крылом направо и налево.
Так — некогда — к Марии на порог
могла являться Пресвятая Дева...

Гнездо, Мария, со стараньем вей:
ты от хулы должна оборониться.
Рассветный воздух сделался живей
и месяц начал к западу клониться,
а ты... ты всё не спишь. Ты — ночи птица:
сова? едва ль! скорее соловей...

Увы, родная Марфина сестра —
непрочная опора для семейства:
она не носит дойного ведра
и в полдень сонные свершает действия...
Пусть днем она не делает добра,
но ночь ее — во власти чародейства.

Днем спит она, сжимая в кулаке
свой первый палец. Странную картину
являет ночь: совместно в котелке
Мария варит и грибы и тину.
Четыре паука на потолке
плетут одну и ту же паутину.

Пока пчелоподобная жена
часы полезным отдает работам,
Мария застывает у окна,
подняв лицо к божественным высотам.
Она сродни лунатикам — она
тревожит лиру по нездешним нотам...

Но упрекнуть придется мне ее
за то, что люлька у детей сырая,
что у нее не глажено белье,
что грабли зацветают средь сарая,
что стало мхом вязание ее,
и что игре ее — не видно края,

еще — за обвалившийся плетень,
за всё в саду погибшее богатство,
за каждый без труда убитый день,
за вечное с мечтою панибратство,
за праздность, за лирическую лень,
короче — за земное тунеядство.

Мария в узах брачного кольца
кой-как свое свершает бабье дело.
Она готовит душу для конца.
Но будет ли душа сильнее тела,
и свет ее посмертного лица
таким живым, каким она б хотела?...

СИРЕНА

Старались мы сказать на сей земле
о жажде и ее неутоленьи,
о крике скорби, рвущем нас во мгле,
и остановленном в своем стремленьи.

Но нам навстречу тянется в тиши
влекущий нас, призывный и прощальный,
крик парохода, крик его души,
уже плывущей в сумрак изначальный.

Вбираемый нутром и головой,
просачивающийся даже в ноги,
сей выпранный и допотопный вой —
слияние покоя и тревоги.

Во мглу и в ночь уходит пароход.
Но стон сирены как бы замер в оном.
Так рыцари в крестовый шли поход,
напутствуемые церковным звоном.

И мы, душа моя, вот так, точь в точь
(утратив до конца остаток спеси),
уйдем — двигаясь неотступно в ночь,
не много взяв и ничего не взвесив.

Сирена ждет нас на конце земли,
и знаю я — томленье в ней какое:
ей хочется и чтоб за нею шли,
и чтоб ее оставили в покое...

Я пас чужих свиней. Я насмехался
С левитом вместе над лежащим братом.
Как раб, я в винограднике работал.
Светильник мой погас. Одежды брачной
Нет у меня. И вот уж в третий раз
Кричит петух, и с плачем закрывая
Лицо руками, я бегу — и вижу
Широкую и белую от пыли
Дорогу: двое под руки ведут
Слепого Савла, он идет и плачет.
Куда мне броситься? На берег моря?
Там чудных рыб трепещущий улов,
Там синяя волна Тивериады.
В поля? — Там те же самые колосья,
Которые срывая, растирали
Ученики, и высоко над ними
Звенели жаворонки в чистом небе.
— И я бегу вдоль тесных узких улиц,
Среди движенья, суеты и шума
Мелькающей толпы, — и вдруг свернув
В какой-то переулок, попадаю
В убогую и маленькую церковь.
Темно и тихо. Лишь неподалеку
Чуть видный в полумраке человек,
К груди прижавший руки (где я видел
Его лицо?) стоит и что-то шепчет.
Я подхожу к нему, и вдруг с тревогой,
Со страхом, с трепетом, с восторгом слышу
Те самые слова, которых мне
О, как давно недоставало: «Боже,
Будь милостив мне грешному!»

НИКОДИМ

Простых людей бесхитростные тяжбы
И грубый быт. «Он первый!» — «Он ударил...»
— «Мой дом» — «Мои волы» — «Моя пшеница».
Придя домой, он с наслаждением сбросил
С себя весь этот груз обид и жалоб,
Как плащ, отяжелевший от дождя,
И сел на лавку.

Теплый пар над миской,
Слова молитвы, трапеза и отдых,
Заботливый уклад неторопливой
И крепкой жизни. Молча за работу
Жена уселась, медленно клубок
Разматываться начал мягкой шерсти.
Совсем стемнело. Свежестью вечерней
Из сада потянуло. Сиротливый
Звонящий звук донесся с вышины
И замер. «Журавли летят на север,»
Жена сказала: «Никодим, ты спишь?»
Он слышал, как она тихонько вышла
И притворила дверь. Тогда широко
Раскрыв глаза, он посмотрел во мглу,
Прихлынувшую к дому, — и опять
В который раз за эти дни — такая
Внезапная и страшная тревога
Сдавила сердце, что почти со стоном
Он встал. И несколько минут стоял
Без всякого движенья, напряженно
Прислушиваясь к тишине. И вдруг,
Как будто бы его толкнуло что-то,
Он вышел из дому и побежал,
Всё ускоряя шаг, и мрак и ветер
Ему навстречу бросились, и листья,

Шершаво задевая лоб и руки,
Незримо зашумели вокруг него.
Он выбежал из рощи на дорогу,
Свернул направо, и почти невольно
Замедлил шаг: там, из под щели двери
Виднелась узкая полоска света.
Он сам не помнил, сколько он стоял,
Не отрывая глаз от этой узкой
И тоненькой полоски, прижимая
Невольно руки к сердцу, чтоб унять
Его биенье. Наконец он постучался.
И сразу всё: растерянность, тревога,
И нарастающее напряженье, —
Всё рухнуло, когда тот самый голос
Сказал ему: Войди. И он вошел.
До самой смерти он ее запомнил,
Ту комнату. Налево в полумраке
Спал юноша; прядь золотых волос
Лежала на щеке, ее порою
Чуть колебало спящего дыханье.
Еще запомнил он ночной светильник,
И на столе свои большие руки,
И глиняный кувшин чуть-чуть поодаль,
И тишину: такую тишину,
Что мотылек, влетев, не закружился
Вокруг огня, но сел, расправил крылья,
И осторожно вылетел во мрак.

* *
*

Стол, свежий хлеб на нем пшеничный,
Кувшин, в нем красное вино.
Так в жизни трезвой и обычной
Простому смертному дано

Начала радости и силы
Вкушать, не ведая о том;
Вот хлеб спокойно надломил он,
Вот потянулся за вином.

Друг мой ласковый, друг мой любимый,
По пустым, по осенним полям
С сердцем сжатым задумчиво шли мы,
И на платье, на волосы нам

Наносило порой паутины,
В синем холоде запад тонул,
И далекий, печальный, равнинный
Ветер бедную песню тянул:

Как прощаются, как расстаются,
Как уходят; как долго потом
Паутины прозрачные вьются
Ясным вечером, в поле пустом.

**
*

Не хрустальный бокал, не хиосская гроздь,
Но стакан и простое вино;
Не в пурпурной одежде торжественный гость:
В тесной комнате полутемно,

И усталый напротив тебя человек
Молчаливо сидит, свой же брат,
И глаза из-под полуопущенных век
Одиноко и грустно глядят.

Ты наверное знаешь, зачем он пришел:
Не для выпрених слов и речей.
Так поставь же ему угощенье на стол
И вина неприметно подлей.

Может быть, от беседы, вина и тепла
Отойдет, улыбнется он вдруг, —
И увидишь: вся комната стала светла,
И сияние льется вокруг.

СТАНСЫ

Закрой глаза — в виденьи сонном
Восстанет твой погибший дом,
Четыре белые колонны
Над розами и над прудом.

И ласточек крыла косые,
В небесный ударяют щит,
А за балконом вся Россия
Как ямб торжественный звучит.

Давно был этот дом построен,
Давно уже разрушен он,
Но, как всегда высок и строен,
Отец выходит на балкон.

И зоркие глаза прищуря,
Без страха смотрит с высоты,
Как проступают там, в лазури,
Судьбы ужасные черты.

И чтоб ему прибавить силы,
И чтоб его поцеловать,
Из залы или из могилы,
Выходит, улыбаясь, мать.

И вот стоят навеки вместе
Они, среди своих полей,
И, как жених своей невесте,
Отец целует руку ей.

А рядом мальчик черноглазый
Прислушивается, к чему
Не знает сам, и роза в вазе
Бессмертной кажется ему.

**
*

Твой взор равнодушный и узкий
И зоркий в своем полусне,
И счастье калмыцкое в русской
Несчастной и дикой стране.

Соленые ветры, ненастье,
Степная, безмолвная тишь...
Любовь, что ты помнишь о счастье?
Звезда, для кого ты горишь?

Лунного неба тоска и величье
Девочки дикие очи...
Что-то есть легкое, синее, птичье
В этой пленительной ночи.

Что-то есть райское и угловатое
В детских плечах, и над ними
Медленно облако голубоватое
Тает в серебряном дыме.

Иногда мне кажется — ошибка
Столько раз солгавшая мечта —
Я совсем не тот и ты не та,
Лишь кривая на губах улыбка.

Боже мой! — от века каждый знает,
Чем кончается земная страсть,
Человек лишь для того взлетает,
Чтоб вздохнуть и крикнуть и упасть.

Но в ответ, не говоря ни слова,
Может быть, не слыша ничего,
Ты глядишь и нежно и сурово
В глубину безумья моего

И украдкой крестишь неземною
Легкой и горячею рукою.

Взгляни на небо — ни одна звезда
С другою равенства не знает,
Одна сияет как осколок льда,
Другая углем огненным пылает.

И каждая свой излучает свет,
Таинственный, зловещий или ясный,
Имеет каждая свой смысл и цвет,
И каждая по-своему прекрасна.

Но человек в безумии рожден —
Он редко к звездам взоры поднимает,
О равенстве людей хлопочет он,
И равенство убийством утверждает.

**
*

Какое дело мне, что ты живешь,
Какое дело мне, что ты умрешь?
И мне тебя совсем не жаль, — совсем.
Ты для меня невидим, глух и нем,
И как тебя зовут, и как ты жил,
Не знал я никогда или забыл,
И если мимо провезут твой гроб,
Моя рука не перекрестит лоб.

Но страшно мне подумать, что и я
Вот так же безразличен для тебя,
Что жизнь моя и смерть моя, и сны
Тебе совсем ненужны и скучны,
Что я везде — о, это видит Бог! —
Так навсегда, так страшно одинок.

ОСЕНЬ

Поменьше слов, поменьше суеты...
В лучах заката дни неслышно тают,
За окнами осенние цветы
Безмолвно и бесстрашно умирают.

И мертвый лист слетает, чуть шурша,
На золотом покрытую дорогу —
Как осень несказанно хороша!
Как смерть близка к бессмертию и Богу!

И жизнь твоя цвела, как жизнь цветов,
И вот теперь она клонится долу,
К сырой земле, к Господнему престолу,
Окованному золотом листов.

Я был плохим отцом, плохим супругом,
Плохим товарищем, плохим бойцом,
Обманывал испытанного друга,
Лгал за глаза и льстил в лицо.

И девушек доверчивых напрасной
Влюбленностью я мучил вновь и вновь.
Но вместо страсти сильной и прекрасной,
Унылой похотью мутилась кровь.

Но, Боже мой, с какой последней жаждой
Хотел я верности и чистоты,
Предельной дружбы, братской теплоты,
С надеждою встречался с каждым, с каждой.

**
**

Это было в сентябре на хуторе.
(Боже мой, какие были дни!)
Ты возилась с глиняною утварью,
Были мы на хуторе одни.

В теплый полдень шли тропинкой узкою,
Огородами мы шли к пруду.
И стояла осень южнорусская,
Это было — в девятнадцатом году.

Были мы тогда еще беспечные —
Даже улыбался ты во сне.
Близкое, родное, человеческое
В осени. Звериное — в весне.

И я помню: в странном просветлении
Обернулась и сказала ты:
«Господи! Как я люблю осенние
Грубые деревенские цветы».

**
*

Свод потолка и холоден и крут,
Холсты картин давным-давно поблеклых,
Но той же райской радостью цветут
Средневековые цветные стекла.

Заснул Адам под деревом в саду
Склонился змей и искушает Еву.
И вот уже Архангел, полный гнева,
На землю гонит к бедам и труду.

А грешников поджаривают бесы.
Склонясь над яслями мычат скоты..
И с башенной огромной высоты
Поплыл удар густой и полновесный.

Перекрестились женщина, солдат..
Века, века о том же — о пощаде.
С такою же надеждою во взгляде..
И так же исчезают без следа.

Как грустно, что не существуют черти.
Как грустно, что не крестится рука.
Какая эта мутная тоска
Так унизительно искать бессмертья.

Все на местах. И ничего не надо.
Дождя недавнего прохлада,
Немного стен, немного сада...

Но дрогнет сонная струна
В затишьи обморочно-сонном,
Но дрогнет, поплывет — в огромном,
Неутолимом и бездонном...

И хоть бы раз в минуту ту
Раскрыв глаза, хватая пустоту,
Не позабыть, не растеряться,
Остановить,
И говорить, и задыхаться...

**
*

Четыре улицы — раскинутые руки,
Скорей беда настала бы
Под ветром, как на палубе.
И этот непрекращающийся шопот
Осенней сырости конца.

Что ныне эти жалобы?
Какие песни прокляты,
Какие руки отняты
От мокрого лица?

Затертые и смытые,
Мы знаем все — и считаны
Все капли по стеклу.
Четыре улицы

омытые

И капли тычутся

забытые

Слепые, по стеклу.

И вот — осенние стенания
По холоду воспоминаний.

* *
* *
* *

Скука выдуманного вокзала.
За оградой скупю вянут розы,
В этой сказке будет для начала
Грохотающий, убегающий поезд.

Уходящим призраком печали
Лица, тени пролетали мимо,
Наплывая, снова повторяли,
Повторяли о неповторимом...

Ускользала пыльная дорога,
Но колеса истоиво стучали
Позади оставленной тревогой,
Той, что оставалась на вокзале.

И в последний раз (в чаду, в дремоте)
На высокой, чистой, строгой ноте
Свист о несмолкающей заботе.....

Как дымок, расплывается прочь
Синекрылая, легкая ночь,
 Если звезды мерцают светлей,
 Если ветер сорвется с полей
И вздувается синью река
 И прозрачней, чем звезды, тоска...

Но смешней декорации нет, —
В скучноватый, печальный рассвет
Суматошный врывается свист
 И кружится отчетливей лист.

Семенит, просыпаясь врасплох,
Пароходик, смешной скоморох,

И мотор на реке

та-та-та..

та-та-та..

Пустота, пустота... .

ЕКАТЕРИНА ТАУБЕР

Сквозная южная сосна
Над полем вянущей лаванды.
А рядом — низкая стена,
Времен Приама и Кассандры.
С нее сползает купина
И горько зноен ветер жадный.

Не видно моря. Облака
На небе выцветшем застыли.
Кустарник пощипать слегка
Пришла коза из древней были,
Шерсть цвета темного песка,
Библейской драгоценной пыли.

Здесь остаюсь на целый день,
Пьяна сладчайшим тонким хмелем.
О эта глушь и эта лень,
Июля белые недели,
Скуднейшая оливы тень
И золотой загар на теле.

Мальчик шел лениво. Упирался.
За руку вела его сестра.
Ножкой топал, плакал и ласкался,
Как большой вздыхал. — «Домой пора!»

Как большой вздыхал... Неумолимо,
Мимо сада городского прочь,
Уводила улицей любимой,
Уводила в сумерки и в ночь.

Так и смерть, прервав восторг и муку,
— Старшая суровая сестра, —
Стиснет нашу стынущую руку,
Поведет... — Домой, домой пора!

Все мы как-то доживаем
Неизжитый век.
В «дурачки» еще играем,
Суетясь, движенья чаем
Пересохших рек.

Каждый словно занят делом
В уголке своем,
Только «дело»-то — не дело
И «углы» взамен удела,
Богадельня — дом!

Хорошо б теперь на паперть
Храмов вековых.
Но и храм-то нынче заперт
И дорог свернулась скатерть,
Что вела до них.

Играют дети на дворе, —
В колодце каменном, глубоком,
Где только утром на заре
Скользит луч солнца одиноко;

А в окнах — восковой старик,
Ленивой смертью здесь забытый,
Полубезумный клонит лик
В колодец вечности раскрытый.

Следит, тоскующий с утра,
Как тени в глубине мелькают,
Как озорная детвора
Опять в солдатики играет;

Как стынет брошенный уют;
Как стынет сердце год за годом...
И вот — пророческий испуг
Уже ползет над мрачным сводом,

Над щелью узкой и сырой,
Над гибелью неотвратимой!
Но дети заняты игрой,
Игрой бессмысленной, любимой.

ЮРИЙ ТЕРАПИАНО

Утром, в ослепительном сияньи,
Ночью, при мерцающей луне,
Дальний отблеск, смутное сознанье
Вдруг становится доступным мне.

«Господи, — твержу я, — как случайны
Те слова, в которых благодать,
Господи, прошу, нездешней тайны
Никогда не дай мне разгадать.

Не хочу последнего ответа,
Страшно мне принять твои лучи.
Бабочка, ослепшая от света,
Погибает в пламени свечи.

Ласточка нежная носится, носится
В воздухе светлом вечером летним,
Кружится в небе, стрелою проносится
Над колокольной тысячелетней.

Колокол медный, колокол древний
Дня окончанье нам возвещает.
Тихо над Сеной. Пахнет деревней,
Свежей травой, сеном и маем.

Черная ласточка с белою шейкой,
Как хороша ты сейчас такая:
Падаешь низко, скользишь над скамейкой,
В небо опять беззаботно взлетая.

Вестница счастья, вестница лета,
Вестница вечера, друг созерцателя,
Стань мне подругой вечернего света,
Нежной сестрой в небесах у Создателя.

По утрам читаю Гомера —
И взлетает мяч Навзикая,
И синеют верхушки деревьев
Над скалистым берегом моря,
Над кремнистой узкой дорогой,
Над движеньями смуглых рук.

А потом выхожу я в город,
Где, звеня, пролетают трамваи,
И вдоль клумб Люксембургского сада
Не спеша и бесцельно иду.
Есть в такие минуты чувство
Одиночества и покоя,
Созерцания и тишины.
Солнце, зелень, высокое небо,
От жары колеблется воздух,
И как будто бы все совершилось
На земле, и лишь по привычке
Люди движутся, любят, верят,
Ждут чего-то, хотят утешенья,
И не знают, что главное было,
Что давно уж Архангел Божий
Над часами каменной башни
Опустился — и вылилась чаша
Прошлых, будущих и небывших
Слез, вражды, обид и страстей,
Дел жестоких и милосердных,
И таких же, на полуслове,
Словно плеск в глубоком колодце,
Обрывающихся стихов...

Полдень. Время остановилось.
Солнце жжет, волны бьются о берег.
Где теперь ты живешь, Навзикая?
Мяч твой катится по траве.

В ДЕНЬ ПОКРОВА

I

Как звезда над снежными полями,
В августе — над золотом садов,
В ночь весеннюю — над тополями
Русских сел и русских городов

Ты восходишь, наш покров незримый,
Мать Божия. Любви Твоей
Над землею, некогда любимой,
Милость драгоценную пролей.

Дни проходят, тишиной томимы,
Гибели и смерти нет конца,
Ты, Которой служат серафимы,
Ты, Которой служат все сердца,

Милость ниспошли свою святую,
Молнией к стране моей прийди,
Подними и оправдай такую,
Падшую, спаси и пощади!

II

Только гибель и воспоминанье...
Ясны сумерки. Гроза прошла.
За рекой на дальнем расстоянии
В городе звонят колокола.

Гулкий, смутный звон средневековый.
И, как в детстве, в церкви на стене
Пальцем мне грозит старик суровый
И святой Георгий на коне

Топчет разъяренного дракона.
И звучат в душе, звучат слова —
Строфы покаянного канона
О тщете земного естества,

О бесстрастии, об одоленьи
Духа злобы, о грехе моем —
Темном, тайном, данном от рожденья —
Страшно быть с душой своей вдвоем.

.

Раненый, в Ростове, в час бессонный,
На больничной койке, в смертный час,
Тихий, лучший, светлый, примиренный,
До рассвета не смыкая глаз,

Я лежал. Звезда в окно светила.
И, сквозь бред, постель оправить мне,
Женщина чужая подходила,
Ложечкой звенела в тишине.

III

Мать Божья, сердце всякой твари,
Вечная, святая красота!
Я молюсь лишь о небесном даре,
О любви, которая чиста,

О любви, которая безгрешна,
О любви ко всем и ко всему,
Я молюсь и снова мрак кромешный
К сердцу приступает моему.

Милость ниспошли свою святую,
Молнией к душе моей прижди,
Подними и оправдай такую,
Падшую, спаси и пощади!

Учился у Гумилева
На всё смотреть свысока,
Не бояться честного слова
И не знать, что такое тоска,
Но жизнь оказалась сильнее,
Но жизнь оказалась нежней,
Чем глупые эти затеи,
Чем все разговоры о ней.

Снова приступ желтой лихорадки,
Снова паруса моей палатки,
Белые, как лебедь, паруса
Уплывают прямо в небеса.
И опять в неизъяснимом счастье
Я держусь за парусные снасти
И плыву под парусом туда,
Где горит Полярная звезда.
Там шумят прохладные дубравы,
Там росой обрызганные травы
И по озеру студеных вод
Ковшик, колыхаяся, плывет.
Наконец-то, я смогу напиться!
Стоит лишь немного наклониться
И схватить дрожащею рукой
Этот самый ковшик расписной.
Но веселый ковшик не дается...
Снова парус надо мною рвется...
Африканский песок на зубах,
Строевое седло в головах.

Жить в трезвости и созерцаньи
В закате праздничного дня,
В холодном отблеске огня.

Зачаровать свои желанья,
Серьезно думать, слушать чутко.
Печальной музыкой рассудка
Заполнить годы пустоты —

— Забыть, но не предать мечты.

А память о возможном друге
Как солнце осени на юге,
Как нежность желтую мимозы
Воображеньем создавать...

И сохраняя в сердце слезы,
Их никогда не проливать.

**
*

Для большинства, уже давно
Россия — одноцветное пятно
На пестрой карте двух материков.
Язык, который можно изучать
В числе второстепенных языков
И песни (милые, их пела мать).

Для некоторых в слове этом
Мечта нетленная, как первая любовь,
(На даче, тем последним летом
До первой мировой войны
и революции). Своя, чужая кровь
и, может быть, сознание вины.

Для нас Россия — сумрак детства,
Как сказки жуткого, печального, как звон
Невидимых колоколов...
Растраченное дедами наследство,
Необъяснимый, вещий сон.

И все-таки, тональностью стихов
Нам так близка судьба ее поэта,
Трагическая, как она сама,
Как смысл молитвы, как слова завета
Или проклятия...

Как не сойти с ума?

Когда-то были: мы — и бедняки
(О них писали скучные поэты)
Мы — и больные. Мы — и старики,
Любившие давать советы.

Когда-то были: воля и тюрьма.
Мы, жившие по праву на свободе,
Преступники, сидевшие в тюрьме...
Когда-то были: лето и зима...

Смешалось все давным давно в природе.
Сместилось в жизни, спуталось в уме.
Не разобрать — кто беден, кто богат,
Кто перед кем, и кто в чем виноват,
И вообще, что значит преступленье?

Когда-то были: родина, семья,
Враги (или союзники), друзья...

Теперь остались только ты и я.
Но у тебя и в этом есть сомненье.

**
*

Жизнь не похожа на мечты,
Жизнь не похожа на желанное —
Всегда на грани пустоты,
От слез и от дождей туманная...

Она похожа иногда
В после-любовные года,
На обещание, ей данное.

Все помню — без воспоминаний.
И в этом счастье пустоты
Март осторожный, грустный, ранний
Меня поддерживаешь ты.

Я не люблю. Но отчего же
Так бьется сердце, не любя?
Читаю тихо, про себя:
«Онегин, я тогда моложе,
Я лучше кажется....»

Едва ли,
Едва ли лучше, до — печали,
До — гордости, до — униженья,
До — нелюбви к своим слезам...
До — пониманья, до — прощенья,
До — верности, Онегин, Вам.

То, что около слез. То, что около слов.
То, что между любовью и страхом конца.
То, что всеми с таким равнодушьем гонимо,
И что прячется в смутной правдивости снов,
Исчезает в знакомом овале лица,
И мелькает во взгляде — намеренно-мимо.

Вот об этом... Конечно, нам много дано.
Справедливо, что многое спросится с нас.
Что же делать, когда умирает оно
В предрассветный, мучительный, медленный час?

Что же делать, когда на усталой земле,
Даже с счастья своем человек одинок
И доверчиво-страстный его монолог
Растворяется в сонном и ровном тепле?

Хочется Блоковской, щедрой напевности
(Тоже рожденной тоской),
Да, и любви, и разлуки, и ревности,
Слез, от которых покой.

Хочется верности, денег, величия,
Попросту — жизни самой.
От бесприютности, от безразличия
Тянет в чужую Россию — домой...

Лучше? Не знаю. Но будет иначе —
Многим беднее, многим богаче,

И холоднее зимой.

**
**

Мы больше ни о чем не говорим.
Нам безразлично всё, и жалко всех...
От жалости мы часто лжем другим
(Утешить этих, не обидеть тех,
Какой же грех?)

От безразличия мы лжем самим себе:
Нет правды в мире, смысла нет в борьбе...
О чем же спор?

Спор о любви. Той, что для всех одна,
Той, что боролась с нами за свободу...
Как можно жить, когда идет она,
В слезах, в лохмотьях, ночью, в непогоду
На горе и позор...

Луч солнца из тюремного окна,
Твой поднятый к тому же солнцу взор.
Чуть дрогнувшая на плече рука...
Совсем не бред...

И далеко не вздор

Страх одиночества и смертная тоска
О том, что прекратился разговор.

Так гасят елочные свечи,
Так укорачивают встречи,
Перестают любить.

Так видят: листья все опали
И солнца больше нет.
Так расстаются без печали
И продолжают жить.

Так покоряют сердце скуке.
Так в жизни исчезают звуки
И проникает свет.

ИГОРЬ ЧИННОВ

Порой, читая вслух парижским крышам
Его стихи таинственно-простые,
В печали, ночью, в дождь — мы видим, слышим
(В деревне, ночью, осенью, в России):

Живой, знакомый нам, при свечке сальной
Свои стихи негромко он читает,
И каждый стих, веселый и печальный,
Нас так печалит, словно утешает.

И полной грудью мы грустим — но счастьем,
Как вдохновеньем, безотчетно мудрым
Наполнен мир, и стоит жить и, настежь
Открыв окно, дышать парижским утром.

Вот, опять вдали кряхтенье
Жабы. Жабе не до сна.
Верно, в прежнем воплощеньи
Соловьем была она.

Вот, кряхтит в ночном просторе.
Непонятна речь ее.
Иль выплакивает горе,
Горе личное свое?

Иль про горе мировое
Наше общее твердит?
Иль о счастье быть живою,
Как умеет, говорит?

Иль, быть может, словно лебедь,
Плачет, покидая свет?
Или бредит (как не бредить?)
Тем, чего на свете нет?

Немного рыбы и немного соли
На медленном огне — какая скука!
Живая рыба корчилась от боли,
Старуха злилась, плакала от лука,

Над луком, над стручком засохшим перца,
Багровым, как запекшаяся рана,
Морщинистым, как маленькое сердце,
Увядавшее у газового крана

От жа́ра, холода и равноду́шья:
Сухое сердце той, худой, убогой,
Открывшей, словно рыба, от удушья
Бескровный рот и поминавшей Бога...

А дальше что? Что Бог — благой и кроткий,
Что грешников поджаривают черти,
Что в тишине чадит на сковородке
Немного жизни и немного смерти.

В снежный вечер Млечный Путь походит
На дорогу нежную в раю.
Ты забыла все, что происходит
В вышине, во сне, в раю?

Погляди: прозрачна мостовая,
Мы идем, в эфире, в легкий путь.
Светится луна, не затмевая
Нежный, бледный Млечный Путь.

Вот лунатик в синеве проходит,
Встал на тучу, дремлет на краю.
Он пришелец, но слегка походит
На живущих в том краю.

Под ногами улица ночная,
Снежный свет, полужнакомый путь.
Чуть предчувствуя, чуть вспоминая,
Ты глядишь на Млечный Путь.

Петух возвещает, чуть свет,
Что ночь позади;
Кукушка — что столько-то лет
Еще впереди.

Куку или кукареку —
Значенье одно:
Что сыплется (будь начеку!)
Струею зерно.

Ты знаешь, есть птица одна,
Она не поет:
Лишь время, как семя, она
Неслышно клюет.

Так посмотришь небрежно,
И не вспомнится позже
Этот снег неизбежный,
Этот светленький дождик.

Незаметно задремлешь,
И не видеть во сне бы
Оснеженную землю,
Светловатое небо.

Это радостный признак,
Это — счастье, поверьте:
Равнодушие к жизни
И предчувствие смерти.

**
*

Острый угол подушки —
Как больное крыло.
Ты — как птица в ловушке,
Как на суше весло.

Небо в пене, как море,
Дым, как волны, бурлит.
Крест на лунном соборе —
Словно чайка летит.

Ты уже не в постели,
Ты в широком окне:
Легкость лунная в теле,
Тень крыла на волне.

Ты летишь над аллеей,
Прямо в лунный прибой.
Всё смутнее белея
В глубине голубой.

Неужели не стоило
Нам рождаться на свет,
Где судьба нам устроила
Этот смутный рассвет,

Где в синеющем инее
Эта сетка ветвей —
Словно тонкие линии
На ладони твоей,

Где дорожка прибрежная,
Описав полукруг,
Словно линия нежная
Жизни — кончилась вдруг,

И полоска попутная —
Слабый след на реке —
Словно линия смутная
Счастья — там, вдалеке...

АНАТОЛИЙ ШТЕЙГЕР

До того как в зеленый дым
Солнце канет и сумрак ляжет,
Мы о лете еще твердим.

Только скоро нам правду скажет
Осень голосом ледяным...

Мы верим книгам, музыке, стихам,
Мы верим снам, которые нам снятся,
Мы верим слову... (Даже тем словам,
Что говорятся в утешенье нам,
Что из окна вагона говорятся)...

Слабый треск опускаемых штор,
Чтобы дача казалась незрячей,
И потом, точно выстрел в упор, —
Рев мотора в саду перед дачей.

...И еще провожающих взор
Безнадежный, тоскливый, собачий.

Так это от века уже повелось,
Чтоб одни притворялись и лгали,
А другие им лгать помогали
(Беспощадно всё видя насквозь) —
И всё вместе любовью звалось...

ДРУЖБА

1

Где-то теперь мой друг?
Как-то ему живется?
Сердце, не верь, что вдруг
В двери раздастся стук:
Он никогда не вернется.

Мне ли, себе на зло?
(Или ему повезло).

2

Одна мечта осталась — о покое.
Не надо дружбы, все слова пусты,
И это слово — самое пустое.

(Для дружбы надо, чтобы было двое,
Одним был я, другим был воздух: ты).

**
*

Не эпилог, но всё идет к концу.
Мы встретимся. Я очень побледнею.
По твоему надменному лицу
Мелькнет досада на мою «затею».

На мой приезд — бессмысленный приезд,
На то, что жить, как люди, не умею,
— Что за охота к перемене мест?

...а если вариант: с ума сводящий жест —
Объять грубоватое за шею?

Прага, 1935.

Как нам от громких отучиться слов:
Что значит «самолюбье», «униженье».
(Когда прекрасно знаешь, что готов
На первый знак ответить, первый зов,
На первое малейшее движение)...

**
*

Как закричать, чтоб донеслось в тюрьму
За этот вал и через стены эти,
Что изменили здесь не все ему,
Что не совсем покинут он на свете?

Я видел сон, что я к тебе проник,
Сел на постель и охватил за плечи.
(Ведь, он давно, наверное, отвык
От нежности и тихой братской речи).

Но дружба есть, на самом деле есть,
И нежность есть, стыдливая, мужская...
Не долг, а честь, особенная честь,
Сказать об этом, глаз не опуская.

Никто как в детстве нас не ждет внизу,
Не переводит нас через дорогу.
Про злого муравья и стрекозу
Не говорит. Не учит верить Богу.

До нас теперь нет дела никому —
У всех довольно собственного дела.
И надо жить, как все, — но самому...
(Беспомощно, нечестно, неумело).

СЕНТЯБРЬ

Первый чуть пожелтевший лист
(Еле желтый — не позолота),
Равнодушен и неречист
Тихо входит Сентябрь в ворота

И к далекой идет скамье...
Нежен шелест его походки.
Самый грустный во всей семье
В безнадежности и в чахотке.

Этот к вечеру легкий жар,
Кашель ровный и суховатый...
Зажигаются, как пожар,
И сгорают вдали закаты.

Сырость, сумрак. Последний тлен
И последняя в сердце жалость...
Трудно книгу поднять с колен,
Чтоб уйти, такова усталость.

Перемена людей и мест
Не поможет. Напрасно бьешься.
Память — самый тяжелый крест...
Под кладбищенским — разогнешься.

БЕССАРАБИЯ

Вечером выйдем гулять по меже.
Сторож внезапно возникнет из мрака.
Спросит огня. Мы закурим. Уже
Осень вблизи дожидается знака.

Ночью иначе звучат голоса,
Глухо и даже немного тревожно.
Каждая пауза четверть часа...
Можно о многом сказать односложно.

Речь про дожди, урожай, молотьбу
(Сдержанно, чинно, ответы-вопросы),
Речь про крестьянскую боль и судьбу...
Лиц не видать. Огонек папиросы.

Красный, тревожный, ночной огонек.
Запах полыни и мокрой овчины.
Терпкая грусть — очень русский порок.
Грусть без какой-либо ясной причины.

У нас не спросят: вы грешили?
Нас спросят лишь: любили ль вы?
Не поднимая головы,
Мы скажем горько: — Да, увы,
Любили... как еще любили!..

III

Как рыболов в углу своем один
Весь — ожиданье нового улова.
Вот, вот всплывет из девственных глубин
Огромное чешуйчатое Слово.

Но вещей рыбы призрак голубой
Под зыбью слов неслышно проплывает,
И вновь звенит серебряный прибой,
И волн печаль утесы обмывает.

Снова стихи, голубые, небесные розы,
Медленно льется ручей полуслов-полузвуков.
Грустная муза, соперница трезвенной прозы,
Снова поет, в колыбели тоску убаюкав.

Сладостны слезы, и с ними душа не боролась.
Долго внимала она воркованью свирели.
Мерно шумели над нею дремучие ели,
Плакал далекий грудной переливчатый голос.

* *
*

Я боюсь, что яблоневым цветом,
Сиротливой песенкой щегленка,
А не летом, не румяным летом,
Не осенней паутиной тонкой,
Я боюсь, что яблоневым, сочным,
Медоносным, розовым и свежим,
В час, когда неотразимо нежен
Этот мир в сияньи непорочном,
Я боюсь, не осенью, не летом,
А под всплеск весенних белых клавиш,
Сладким, пряным, яблоневым цветом
Ты меня когда-нибудь отравишь.

Грозди грустно. Гроздь устала.
Грозди хочется уснуть...
Отчего же нас так мало,
И так трудно дышет грудь!...

Гроздь прощально лиловеет,
Тяжелея с каждым днем.
Предзакатный ветер веет...
Скоро, скоро мы уснем.

И вино струей шипучей
Из амфоры брызнет вдруг.
Обреченность или случай —
Нас не спросят, милый друг!

Как пронзает печалью улыбка твоя, Лакримоза!
Ты как мленье свечи пред бесстрашием мертвенных статуй,
Как взыванье воздетых к Распятию глаз, как мороза
Голубое дыханье, как всё, что не знает возврата!

Лакримоза!

Ты как сладостно влажный, обласканный зорями воздух,
Олеандровый, розовый воздух чужого заката
Там, в далекой романской Кампаньи, увы, Лакримоза,
У немых катакомб, где останки любивших когда-то...

Лакримоза!

Ты как стон клавесина под лаской забытой кантаты,
Ты как тленьем задетая, бледная, поздняя роза,
Ты как слезы на блеклых ее лепестках, Лакримоза,
Как роса на ресницах Любимой в час горькой утраты...

Принесла случайная молва
Милые, ненужные слова:
Летний Сад, Фонтанка и Нева.

Вы, слова залетные, куда?
Здесь шумят чужие города
И чужая плещется вода.

Вас не взять, не спрятать, не прогнать.
Надо жить — не надо вспоминать,
Чтобы больно не было опять.

Не идти, ведь, по снегу к реке,
Пряча щеки в пензенском платке,
Рукавица в маминой руке.

Это было, было и прошло.
Что прошло, то вьюгой замело.
Оттого так пусто и светло.

В гулкий час предутренних молений
Опустишь тихонько на колени,
Не зови, не жди, не прекословь.

Помолись, чтобы тебя забыли,
Как забыли тех, что прежде были,
Как забудут всех, что будут вновь.

ЧЕЛОВЕКОДЕНЬ — единица исчисления
работы, выполняемой одним человеком за
рабочий день...

Толковый словарь русского языка

Усталой поступью к закату
Плетется Человекодень
И за условленную плату
Одолевает злую лень.

Лишь иногда, как дар нежданный,
В туманах тусклых и слепых
Блеснет зарницею желанной
Отрадный Человекомиг.

И вновь уносит быстротечность
Огонь, что душу озарит,
И даже Человековечность
Освобожденья не сулит...

ВЕРА БУЛИЧ

О графика, о музыка ветвей!
Не тех, что шелестят листвою в истоме
Июльской ночи, в сумраке аллея,
Скрывая месяц в лиственном затоне,

И не осенним днем, когда закат
Их листьям краски пламенные роздал,
И не тогда, когда на них летят
Кристаллов ледяных сквозные звезды...

Как счастья опрометчивый залог,
Очарованья нежные покровы.
Их прелести дается краткий срок,
И выступает черный ствол основы.

О угольная графика ветвей,
Нагих, в изломах, без листвы и снега!
Их музыка безмолвная слышней,
Когда сквозь них просвечивает небо.

Всё утончающихся линий хор
Уводит мысли в вышину их праха,
И голоса сплетаются в узор,
Как в стройной фуге Себастьяна Баха.

ГЕЛЬСИНГФОРС НА ЗАРЕ

Для кого она выводит
Солнце счастья за собой?

Боратынский

По тем же улицам блуждал поэт,
Его шагов угадываю след.

Быть может, здесь однажды он стоял,
Где входит море в каменный канал,

Где на горе собор до самых звезд,
А под горой чугунный низкий мост.

Залива розовая заводь спит,
В воде огонь от фонаря дрожит,

И в отдалении черных барок строй
Застыл под акварельною зарей.

Не так же ль в небе медлила заря,
В воде дробился отблеск фонаря,

И отражал замороженный взгляд
Зарю малиновую век назад?

Но далее ведут меня следы
По набережной, вдоль ночной воды,

И вот — Бруннспарка липовая сень,
Где тает на холме поэта тень.

Что здесь в наследие осталось нам?
Прозрачный след шагов по берегам,

Глазам от глаз завещанный простор,
Безмолвный сердца с морем разговор,

И ветра западного холодок,
И тот же взгляд — в разлуке — на восток.

**
*

Зеркальный вечер лежит на водах,
На дымно-розовых облаках.
По глади зеркальных вечерних вод
Отраженный поезд идет.

Другой по рельсам грохочет над ним.
Там люди сидят с багажом своим
И в будущий день их былой колеи
Перевозят надежды свои.

Колеса стучат, и дети кричат,
Плывет над насыпью угольный чад.
И право на будущий подвиг и грех
Проверяет кондуктор у всех.

А поезд-призрак бесшумен и пуст,
В нем воспоминаний невидимый груз.
Идет он в потерянную страну,
За черту, в мечту, в глубину.

Мне с шумным поездом не по пути,
Того, что мне дорого, в нем не найти.
Но тихо войду я, как входят в сон,
В отраженный последний вагон.

Удалось однажды родиться.
Обещали: жизнь впереди.
От надежд голова кружится.
Сколько силы в плечах, груди.

Вот и юность. — Теперь уж скоро.
Вот и старость. — Где же? Когда?
— За окном: решетка забора,
Телефонные провода.

Это всё? — Конечно, до гроба.
Это жизнь? — А что же? — она.
— Значит, эта лишь так, для пробы,
Значит, будет еще одна.

В далекой вечности, когда я стану Богом,
И наконец сполна вселенную создам,
Я вспомню налегке, как по земным дорогам
Я брел беспомощно, растерян и упрям.

И я пойму тогда, сквозь ласковую жалость,
Зачем такой смешной, в штанах и пиджаке
Стоял я у окна. И солнце расползлось
По лужам мартовским и по моей руке...

Этот мир, где Пушкин и Шекспир
Где зубная боль и поцелуи,
Где сижу я, удивленный, и слежу я, —
Этот странный, этот четкий мир...

Сам в себе, как в театральной ложе,
С каждым днем внимательней и строже,
Я слежу. Сравнительно большой
Проплывает мир передо мной.

Проплывает отрочеством дальним
(Лодка над рекою и купальня)
Проплывает поцелуем у ворот
(Очень близкая щека и рот),

И войною девятнадцатого года
(На рассвете рокот пушек по шоссе),
Папиросою ночного перехода,
Конской гривой в росе.

Проплывает этим садом и окном,
Лампою над письменным столом,
Этим стулом проплывает, торжествуя,
Где сижу я удивленный, и слежу я...

Сам в себе, как в ложе театральной,
С каждым днем и строже, и печальней,
С каждым днем и чище, и нежней,
Из прозрачной глубины моей...

* *
*

А самое главное? — вот что:
Я живу и жизнь хороша,
Утром солнце из сада, ночью —
Робкий шорох карандаша.

Кто-то вывел меня из потемок.
Поведет он меня и впредь
Жить доверчиво, как ребенок,
И доверчиво умереть.

И окончится всё, как надо:
Если надо: навеки спать,
Если надо — солнце из сада
И стихи, и я сам — опять.

Писать стихи... Вернее, думать
Стихами, думать обо всем.
О том, что в комнате угрюмо,
Что шумно в городе чужом.

О том, что никому не нужен
Мой горький опыт, стройный сон.
О том, что скоро будет ужин.
И ночь, и новый день потом.

Что стыдно прикрывать стихами
То, отчего так страшно жить,
Что мало счастья между нами,
Но что счастливым нужно быть.

Что нету силы отказаться
От малой нежности твоей.
И что так трудно волноваться,
А успокоиться трудней...

**
*

Разлуки срок уже к концу подходит,
А чем успел я сердце умудрить?
Мечтой упрямою о счастье и свободе,
С чем всё труднее и труднее жить.

И ты вернешься: в комнате укромной
Укрыться от невзгод и от людей.
Но я открою двери в мир огромный —
Смотри, как много у меня друзей.

Смотри, как много близких и далеких,
А ближе тот, с кем жить всего трудней...
Мы все проходим трудности уроки,
Чтоб стало после слаще и вольней.

Среди осколков счастья — кто сумеет
Узнать то слово, что ты ждешь в ответ?
Кто всех вернее сердце разумеет?
Иль у кого — совсем и сердца нет?..

**
*

Последние я провожаю дни,
как поезда вагоны спящие.
И каждый день несет свои огни,
как в окнах взоры уходящие.

И каждый день скользящею тоской
во тьму отходит, и не помню я,
Где оборвался призрачный покой
и началась бессонница огромная.

Зачем под крыльями чужих огней
считаю я, что мной навек потеряно?
Как будто в полной нищете своей
еще теперь не до конца уверен я.

Видишь, как небо пустеет.
(Теперь ты умеешь верить?)
Слышишь, как ветер веет.
(Тебе утешать отрадно?)

Поздно. Не надо согласья —
Надежда его нежнее.
Пусто. Оставь мне обиду —
Она нужнее счастья.

Мы забыты с тобой на земле.

Б л о к.

Мы с тобою должны быть нежны.
Мы с тобой никому не нужны.
Даже кошка Мери нужней.
Даже с кошкой Мери нежней.

А казалось, верили нам.
Да и мы ведь поверили снам...
И нуждались, пожалуй, в нас.
Так всегда ведь в последний час.

Видно, много мы сделали зла,
Что и Мери к другим ушла.
Мы с тобой не нужны никому.
(Разве Богу вот одному?)

МИХАИЛ ГОРЛИН

Кадидия, Кадидия,
Вождь государства странного,
Веди меня, веди меня
В блаженную страну.

Там ангелы лукавые
И ласковые демоны
Под пальмами курчавыми
Играют в домино.

Там маги плутоватые
И звери краснотелые
На площадях агатовых
Пьют целый день коктейль,

Там в розовых обителях
С доцентами брадатymi
Убийцы и грабители
Толкуют о добре,

Там лапки голубиные
Под голубыми арками
Ест вместе с Мессалиною
Святая Жанна д'Арк.

Кадидия, Кадидия,
Вождь государства странного,
Веди меня, веди меня
В блаженную страну,

Где пляшет с погремушками
Всё здесь для нас тяжелое,
Где в зеркале игрушечном
Весь мир отображен.

ОТВЕТ НА АНКЕТУ

Казенный конверт голубей, чем весна,
В углу — печати звезда.
Почему-то вдруг захотели узнать
Кто я, зачем и куда.

Я тронут, что участь моя тревожит
Совсем посторонних людей.
Быть может, неправда, что не поможет
В беде никто и нигде.

И я с незнакомцами издалика
Готов завязать контакт.
Хватаю перо, и быстро рука
Наносит за знаком знак.

— Кто я? — Упорный, настойчивый дух,
Весь этот мир созидающий сизнова.
Мысль и вниманье, зренье и слух,
Неукротимый, чужой, непризнанный.

— Где я живу? — В фантастическом мире,
Где люди — камни, а камни — живые.
Мир с каждым днем всё страшней и шире,
Камни кричат, а люди — немые.

— Чем я живу? — Усмешкой: тщись,
Особь, себя утвердить нерушимо.
— Чем я живу? — Улыбкой: жизнь, —
Невероятно, но — выносима.

БАЛЛАДА О МАЯКЕ

— На острове, — не спрашивай, я не отвечу, — там,
на острове,
На диком острове стоял маяк, и свет,
Надежный, честный свет горел всю ночь. Всю ночь
кричали чайки
Над диким светом, рассекавшим честный мрак.

Нет, не перебивай. Всю ночь смотрел матрос,
А ночь была, как день — бессмысленно отчетливой,
И он смотрел всю ночь, всю жизнь в глаза вложив,
На этот честный, чистый, четкий свет,
Идущий, понимаешь? — прямо к сердцу

Из где-то медлящей страны обетованной:
С лесного, дикого, заброшенного острова,
С забытого, пустого маяка.

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ПОЭМА

(последние главы)

О, Муза, друг мой, подожди!
Еще не кончен труд крылатый.
Еще закованы вожди
В непроницаемые латы.
И только мы с тобой вдвоем
С пути войны сойти посмели
И с мирным посохом бредем
Под звук пастушеской свирели
В страну мечтательных мансард,
Скрипящих лестниц и калиток,
Где разливают синий март
Благоухающий напиток.
И эта жизнь на рубеже
Иных эпох, как призрак встанет.
— Но время быстрое уже
Смирят грусть воспоминаний...

Чем заплатила, ты, душа, —
Сияньем глаз ли, счастьем губ ли,
За право горькое дышать
Холодным воздухом республик...

Ах, и тебе холодной стать
Давно пора на этом свете
И так же вольностью дышать,
Как этот европейский ветер
В кругах размеренных своих
Тысячелетнею свободой.
Ах, для тебя певучий стих
Звучит торжественною одой!

И петербургское окно
Сюда из северной державы,
На утре дней великой славы
Петром прорублено давно.
И здесь, в Европе, о, недаром
Сквозь грохот корабельных дней
Стук башмаков его слышней
По амстердамским тротуарам.
О, Петр! Ты вновь и вечно прав!
Режь бороды, стругай и крякай!
— Здесь колыбель твоих Полтав,
Здесь опустил ты русский якорь!

И водолазы — уж не мы ли? —
Перед зарею новых дней,
Подымут вновь в песке и иле
Концы заржавленных цепей...
Не мы ль — вторичное посольство
Твоей беспомощной земли,
Где позабыть мы не смогли
Стрелецких буйств и своевольтва.

И в свете западной зари —
Загробный хохот Бонопарта;
— На ученические парты
Садитесь вновь, за буквари!..

— — —

Грохочут университеты
От гула русских каблуков.
О веснах чешских городов
Поют российские поэты,
Где в прорезь узкую бойниц
Холодным глазом смотрит вечность
На нежных, девических лиц
Сияющую безупречность.

Где только мы тяжелых скул
Несем татарское наследье,
Как отзвук орд, как смутный гул,
Уже далекий и последний...
Довольно грубой похвальбы!
Довольно азиатской лени!
Не изменить своей судьбы:
Перед Европой — на колени!
Смотри — самозабвенный труд
И героическая скука
Завет свободы берегут
Проблематическому внуку.
И хартий вольностей земных
Торжественную баррикаду
В дни католических святых
Для детского выносят сада.

И приучается играть
В песке республиканских скверов
Иная, радостная рать
Спокойной, мужественной эры.

Перешагни ж за рубежи!
В ветрах свобод — иные цели...
Мы умирать всегда умели,
А надо научиться — жить!..
И возвратившись в оный день
На дикие, родные пашни,
В глуши тамбовских деревень
Поставим Эйфелевы башни.

И запоем с антенных лир,
Над огородами укропа,
Воздушный голос — «Труд и Мир!
Дано: Июнь, Тамбов, Европа».

Мы с тобою так верили в связь бытия,
но теперь оглянулся я — и удивительно,
до чего ты мне кажешься, юность моя,
по цветам не моей, по чертам недействительной!

Если вдуматься, это — как дымка волны
между мной и тобой, между мелью и тонущим;
или вижу столбы и тебя со спины,
как ты прямо в закат на своем полуночном.

Ты давно уж не я, ты набросок, герой
всякой первой главы — а как долго нам верилось
в непрерывность пути от ложбины сырой
до нагорного вереска.

Был день как день. Дремала память. Длилась
холодная и скучная весна.

Внезапно тень на дне зашевелилась —
и поднялась с рыданием со дна.

О чем рыдать? Утешить не умею —
Но как затопала, как затряслась,
как горячо цепляется за шею,
в ужасном мраке на руки просясь...

Каким бы полотном батальным ни являлась
Советская сусальнейшая Русь,
какой бы жалостью душа ни наполнялась —
не поклонюсь, не примирюсь

со всею мерзостью, жестокостью и скукой
немого рабства... Нет, о, нет,
еще я духом жив, еще не сыт разлукой —
увольте — я еще поэт!

КН. С. М. КАЧУРИНУ

1

Качурин, твой совет я принял
и вот уж третий день живу
в музейной обстановке, в синей
гостиной с видом на Неву.

Священником американским
твой бедный друг переодет,
и всем долинам дагестанским
я шлю завистливый привет.

От холода, от перебоев
в подложном паспорте, не сплю:
исследователям обоев
лилеи и лианы шлю.

Но спит, на канаве устроясь,
коленки приложив к стене
и завернувшись в плед по пояс,
толмач, приставленный ко мне.

2

Когда я в это воскресенье,
по истечении почти
тридцатилетнего затмения,
мог встать и до окна дойти;

когда увидел я, в тумане
весны и молодого дня
и заглушенных очертаний,
то, что хранилось у меня

так долго, вроде слишком яркой
цветной открытки без угла
(отрезанного ради марки,
которая в углу была);

когда всё это появилось
так близко от моей души,
она, вздохнув, остановилась,
как поезд в полевой тиши.

И за-город мне захотелось:
в истоме юности опять
мечтательно заныло тело,
и начал я соображать,

как буду я сидеть в вагоне,
как я его уговорю —
но тут зачмокал он спросонья
и потянулся к словарю.

3

На этом я не успокоюсь,
тут объяснение жизни всей,
остановившейся, как поезд
в шершавой тишине полей.

Воображаю щебетанье
в шестидесяти девяти
верстах от города, от зданья,
где запинаюсь взаперти,

и станцию, и дождь наклонный,
на темном видный, и потом
захлест сирени станционной
уж огрубевшей под дождем,

и дальше: фартук тарантасный
в дрожащих ручейках, и все
подробности берез, и красный
амбар налево от шоссе.

Да, все подробности, Качурин,
все бедненькие, каковы
край сизой тучи, ромб лазури
и край ствола сквозь рябь листвы.

Но как я сяду в поезд дачный
в таком пальто, в таких очках
(и в сущности совсем прозрачный,
с романом Сирина в руках)?

4

Мне страшно. Ни столбом ростральным,
ни ступенями при луне,
ведущими к огням спиральным,
ко ртутной и тугой волне,

не заслоняется... при встрече
я, впрочем, все скажу тебе
о новом, о широкоплечем
провинциале и рабе.

Мне хочется домой. Довольно.
Качурин, можно мне домой?
В пампасы молодости вольной,
в техасы, найденные мной.

Я спрашиваю, не пора ли
вернуться к теме тетивы,
к чарующему «чапаралю»
из Всадника без Головы,

чтоб в Матагордовом Ущелье
заснуть на огненных камнях,
с лицом сухим от акварели,
с пером вороньим в волосах?

О ПРАВИТЕЛЯХ

Вы будете (как иногда
говорится)
смеяться, вы будете (как ясновидцы
говорят) хохотать, господа —
но, честное слово,
у меня есть приятель,
которого
привела бы в волнение мысль поздороваться
с главою правительства или другого какого
предприятия.
С каких это пор, желал бы я знать,
подложечкой
мы стали испытывать вроде
нежного бульканья, глядя в бинокль
на плотного с ежиком в ложе?
С каких это пор
понятие власти стало равно
ключевому понятию родины?
Какие-то римляне и мясники,
Карл Красивый и Карл Безобразный,
совершенно гнилые князьки,
толстогрудые немки и разные
людоеды, любовники, ломовики,
Иоанны, Людовики, Ленины,
все это сидело, кряхтя на эх и на ых,
упираясь локтями в колени,
на престолах своих матерых.
Умирает со скуки историк:
За Мамаем все тот же Мамай.
В самом деле, нельзя же нам с горя
поступить, как чиновный Китай,
кучу лишних веков присчитавший
к истории скромной своей,
от этого, впрочем, не ставшей
ни лучше, ни веселей.

Кучера государств зато хороши
при исполнении должности: шибко
ледяная навстречу летит синева,
огневые трещат на ветру рукава...

Наблюдатель глядит иностранный
и спереди видит прекрасные очи навывкат,
а сзади прекрасную помесь диванной
подушки с чудовищной тыквой.

Но детина в регалиях или
волк в макинтоше,
в фуражке с немецким крутым козырьком,
охрипший и весь перекошенный,
в остановившемся автомобиле —
или опять же банкет
с кавказским вином —
нет.

Покойный мой тезка,
писавший стихи и в полоску
и в клетку, на самом восходе
всесоюзно-мещанского класса,
кабы дожил до полдня,
нынче бы рифмы натягивал
на «монументален»,
на «переперчил» —
и так далее.

ОКТАВЫ

То было в пору, о которой суд
Едва ли даже правнукам под силу.
Казалось, что народам вскрыли жилы
И хлынула... Но яблони цветут,
Гудят шмели, навозом пахнут вилы,
И масляное солнце там и тут
К земле ласкается с тягучей лестью,
Гуляя по берлинскому предместью,

И всюду домики из рафинада...
(Куда, когда ударит с неба смерть?)
Жасминами усеянная жердь
Ломает геометрию ограды...
А радио-фанфары, водоверть,
И тут же марширующее стадо,
Окурки подбирающий старик,
И "Räder müssen rollen für den Sieg".

Мне ль вас забыть, веселые друзья,
Вас, спутники во вражеской столице?
Я помню вас, я вижу ваши лица,
Я слышу шопот... Впрочем, что же я?
Все не о том. Вон тусклой вереницей
Бредут, о хлебе тихо говорят.
Их тоже помню. В валенках, босые...
По улицам Берлина шла Россия.

Что? Слышите? Да, да: летят на город.
Как воет, как мяукает весна!
Темно и душно. (Где теперь она?
У этого солдата сальный ворот...
Вот... заходила ходуном стена...)
Тишь...

Отошло...

.

Немецкие озера,
Немецких весел равномерный всплеск
И русских глаз пытливый, тихий блеск.

В карманах нелегальщина. Вот так,
Должно быть собирались франк-масоны.
А впрочем, вздор! Отлив воды зеленой,
(И лишь бы не сплошать, не сесть впросак:
Не Петька рядом, рядом миллионы!),
У берега лоснящийся лозняк,
На рыжем пне носков промокших пара,
И зарево далекого пожара.

Да! Это главное. Зеленоватый
Покой, пожар, и вера в чудеса.
И что теперь земные голоса?
Что значат эти голоса сквозь вату?
Она взмахнула, времени коса,
И обернулась календарной датой
В ночи пустынной магия огни,
Прекрасные и гибельные дни.

День за днем. Что ж, расплата натурой.
Не жалеи. Не люби. Не кляни.
Черно-белою клавиатурой
Обернулись неверные дни.

И по ним, без тревоги, без страсти,
В утлом сумраке ноября,
Бродит бедное, грустное счастье,
Наудачу октавы беря.

Вчитываться в книги надо,
Надо вглядываться в свет,
И людские лики надо
Изучать по многу лет.

И в тоске великой надо
Свою гордость превозмочь,
И потом склоняться надо
Над бумагой, день и ночь.

И тогда заплакать надо
Над проклятою судьбой —
Никому тебя не надо
Ставшего самим собой.

Молчать, не замышляя мести,
Своей гордыни не щадя,
Не славя ни хулой, ни лестью
Деяний черни и вождя.

Пускай их лица злы и жадны,
Их пальцы сжаты в кулаки,
Пускай волною беспощадной
Нахлынут ихние полки...

Молчать! принять и срам и муку,
А сердце кроткое сберечь,
Чтоб сыну передать иль внуку
Мечь Духа — праведную речь.

Чернеет заводь. Плышет луна.
В речную гавань у валуна.

В оконной раме тоска-настырь.
Свечное пламя. Раскрыт псалтырь.

Плели турусы — ночует полк.
Низали бусы на черный шелк.

— Все пыль порошей, да в горле ком.
«Тебе ль, хорошей, за стариком».

Король и дама... червонный туз...
Ишь, кантик рдяный в сукне рейтуз!

Мундир защитный. Под козырек.
«Вы милovidны». Псалтырь в ларек.

Мне б вольной птицей к нему на грудь.
Да голубице заказан путь.

Проходят роты и грузовик.
(Ах, косоротый. Ах, муж старик).

Пронесят знамя... тоска-настырь...
Тяжел, как камень, в руках псалтырь.

Голубеет теплый воздух,
Приголубил поле май...
Я гляжу на вольный роздых
Голубиных вольных стай.
Вся лазурь им — голубятня,
Вешний лет уносит к ней...
Тишь прозрачней, звуки внятней,
В горном мире голубей.
В облаках глубоко прорубь
Прорубила Божья длань...
— Вот нисходит Дух, как голубь,
— Вот струится Иордань...
Внемлю мудрости глубинной,
Окропляюсь синевою...
... Я стезею голубиной
Восхожу в лазурь и в зной.

МОЕМУ ВНУКУ

Quand l'enfant paraît...

Victor Hugo (L'art d'être grand père)

1.

В ложноклассической тунике,
Воспеть не в силах ничего —
Полунемой и полудикий
Я вызываю тень Гюго.
Не для медлительных волнений
Трагических нездешних сфер,
Я только в искреннем смиреньи
Хочу постичь l'art d'être grand père.

2.

Ах, повторять лишь одно мне осталось
Жалость и нежность, нежность и жалость
В этих глазах беззвучные песни
О том, что никто никогда не воскреснет.
Ангела песни в сияньи полночи
Эти ко мне устремленные очи...
С грубой землей примириться не может
Тот, кого отзвук тех песен тревожит.

3.

Я знаю — тень иного мира.
Здесь ничего я не найду.
Не для меня небес порфира
И нету места мне в аду.
Лишь звуков звездная дорога
Ведет меня дрожаньем лир.
Я знаю — там иного Бога
Давно рассыпавшийся мир.
И через вихрь тысячелетий
Сюда я выброшен волной,
С одной судьбой — на этом свете:
Быть стражем верным над Тобой.

4.

Не знаю как это случилось,
Нарушил строгий я обет,
Но безгранична Божья милость
И на моления дан ответ.
Так, несмотря на прегрешенья,
На жизнь в бреду, в страстях, в огне,
В знак Божьего благословленья
Ниспослан ангел с неба мне.

Смирение — игольное ушко,
А я — верблюд, громадный, неуклюжий.
Пройти! Пройти! И станет вдруг легко
И просто все и рай нам, людям, сужен.

В песчаном море — желтые валы,
Затерян я среди них, корабль пустыни.
О Боже, дай пройти! Пусть паруса углы
Исправит Воля Кормчего отныне.

Дай стать как нить, и погаси заботу,
Чтоб провела привратника рука
Меня сквозь триумфальные ворота
Игольного ушка.

Граница. И чем ближе к устью,
К береговому янтарю,
Тем с большей нежностью и грустью
России «здравствуй» говорю.

Там, за рекой, все те же дюны,
Такой же бор к волнам сбежал,
Все те же древние Перуны
Выходят, мнится, из-за скал.

Но жизнь иная в травах бьется
И тишина еще слышней,
И на кронштадтский купол льется
Огромный дождь иных лучей.

Черкнув крылом по глади водной,
В Россию чайка уплыла —
И я крещу рукой безродной
Пропавший след ее крыла.

Почему бывают дали ясны,
Почему бывают зори красны,
Если в сердце холод темной ночи,
И биенья сердца все короче?

Пусть поникнут главы церкви древней,
Пусть пройдутся вихри над деревней, —
В этот час к иным глухим печалям
Мы с тобой от берега отчалим.

Ты легким поцелуем тронешь
Разгоряченные виски.
Ты руки медленно уронишь,
Как яблонные лепестки.

А я услышу т о т, упрямый,
Невероятный, легкий звук:
Дрожанье звезд вот тут, над самой
Дугой твоих склоненных рук.

И я увижу у предела
Два белых ангельских крыла:
Душа опередила тело
И, легкая, осиротела
И, легкая, изнемогла.

ДВЕ ВАРИАЦИИ НА ОДНУ ТЕМУ

Слова слаще звуков Моцарта...
Из либретто «Шиковой Дамы»

I

Все давно уже сказано, спето,
Все стихи унесло как дым.
Не ручей, а свинцовая Лета
Протекает за домом твоим.

За окном — гробовые деревья
И нездешний зеленый закат,
И душа на последнем кочевье
Оборачивается назад.

И откуда-то вдруг выплывают
Неземные созвучья, слова,
И черты твои медленно тают,
И кружится легко голова.

И под сладкие звуки Моцарта —
Отголосок небесной трубы —
Выпадает последняя карта,
Замыкая кольцо судьбы.

II

О чем душа тоскует и томится?
Зеленый — желтый — золотой закат.
Нездешние, пленительные звуки...

А рядом, точно крылья дивной птицы,
Под музыку, под звездами, летят —
Так далеко, так близко — чьи-то руки.

И вот, отпущенная навсегда,
В стремительном и страшном упоенье,
Душа, как камень, падает туда,
Откуда нет заведомо спасенья.

*In questa tomba oscura
Lascia mi riposar...*

Оставь меня в могиле темной
Покоиться до судных труб.
Господь велик, но мир сей груб,
Чужой, холодный и огромный.

Ты посадить цветочек скромный
Придешь сюда. Здесь свет так скуп.
Но знай: отраден мне и люб
Покой для плоти неумной.

Она томилась и стенала,
Бездомная в земном дому,
И, низойдя в немую тьму,
Теперь довольна долей малой.

Терпи. Не сетуй. Не тоскуй.
Свиданья верного взыскуй.

ТАТИАНА ТИМАШЕВА

Подруга нежная, последняя подруга!
Спокоен голос мой, приветствуя тебя.
Твой час настал. Приходишь ты, любя,
Ты, неизбежная, как замыканье круга.

В твоих руках — осенние цветы:
Ты их приносишь мне, как символ увяданья.
Я принимаю их. (О, тихие мечты,
Мечты, не знающие ожиданья!)

С тобой, приветливой, беседа мне легка.
Мне сладостно с тобою зажигать лампаду...
О старость снежная, войди — тебе я рада, —
И двери затвори, и сядь у камелька!

Я оглянулась на твои шаги...
Какая грусть в твоём усталом взгляде...
Но я люблю тебя и в траурном наряде,
Моя мечта! Какие бы враги
Ни разлучали нас, храню я веру, —
И странницей от пыли серой,
Приму тебя. Войди в мой скромный дом.
Завечеряй со мной. Остаься в нем...

Путем земным день ото дня проходишь
И, забывая вещие слова,
Чего-то ищешь все — и не находишь,
И лишь болит ночами голова.

Умрешь, и в странствиях других — надзвездных,
Среди иных миров, чужих планет —
Душа скитается из бездны в бездну...
— И там, и там тебе покоя нет.

Пусть надо мной склоняется печально
С усталой нежностью прозрачных рук
Мой тихий ангел, друг мой дальний,
Мой самый лучши, самый верный друг...

Умирая поют небесам
Покидающие эту землю.
Я еще не пою, только внемлю
Как другие поют небесам.

Но живущие тоже поют
О любви, о цветах, об отчизне,
Я люблю эти песни о жизни
Что живущие громко поют.

Сам живу между жизнью и смертью
Оттого я наверно молчу,
Оттого я и петь не хочу,
Что живу между жизнью и смертью.

От этого ли, от того ли
Может быть ни от чего,
Просто от случайной боли
Станет вдруг светло.

Станет вдруг понятным
Вплоть до последнего дня
Все что путем обратным
Идет от меня —

И то что жило
И то что сверкало,
И то что было
И то чего не бывало,

И то что горело
И сгореть не могло,
И то что улетело
Да-ле-ко...

И так вдруг станет светло
Словно от какой-то боли,
От этого ли, от того ли —
Ну, не все ли равно!

Надвигается осень. Желтеют кусты.
И опять разрывается сердце на части...
Человек начинается с горя. А ты
Простодушно хранишь мотыльковое счастье.

Человек начинается с горя. Смотри,
Задыхаются в нем парниковые розы.
А с далеких путей в ожиданьи зари
О разлуке ревут по ночам паровозы.

Человек начинается... Нет, подожди.
Никакие слова ничему не помогут.
За окном тяжело зашумели дожди.
Ты, как птица к полету, готова в дорогу.

А в лесу расплываются наши следы,
Расплываются в памяти бледные страсти —
Эти бедные бури в стакане воды...
И опять разрывается сердце на части.

Человек начинается... Кратко. С плеча.
До свиданья. Довольно. Огромная точка...
Небо, ветер и море. И чайки кричат.
И с кормы кто-то жалобно машет платочком.

Уплывай. Только черного дыма круги.
Расстоянье уже измеряется веком...
Разноцветное счастье свое береги, —
Ведь когда-нибудь станешь и ты человеком.

Зазвенит и рассыплется мир голубой,
Белоснежное горло как голубь застонет,
И полярная ночь поплывет над тобой,
И подушка в слезах, как Титаник, потонет.

Но уже погружаясь в арктический лед,
Навсегда холодеют горячие руки.
И дубовый отчаливает пароход
И, качаясь, уходит на полюс разлуки.

Вьется мокрый платочек и пенится след,
Как тогда... Но я вижу, ты все позабыла.
Через тысячи верст, и на тысячи лет
Безнадежно и жалко бряцает кадило.

Вот и все. Только темные слухи про рай...
Равнодушно шумит Средиземное море.
Потемнело. Ну, что ж. Уплывай. Умирай:
Человек начинается с горя.

Так вот оно счастье, нежданное счастье,
Другим незаметное, близкое мне:
Уйти от обиды, не встретить участия,
Забуть малодушие неверных друзей,
И быть одиноким и быть беспристрастным,
Следя за полетом волнующих дней.

И снова день встает из тьмы,
Но даже тьма здесь не тревожна,
И нет следа седой зимы —
Лишь светлая улыбка Божья.

Под тенью пальм слежу за тем,
Как море нежится, сияя,
И, убаюканная всем,
Живу, часов не соблюдая.

Не наши грустные поля,
Не наше сумрачное горе:
Здесь дышит щедростью земля
На очарованном просторе.

IV

Дни летят, летят, не уставая,
Спотыкаясь, падая, спеша,
А за ними еле поспеваает
Словно изумленная душа, —

И беспомощно влачится с ними —
То в надежде слабой, то в тоске,
Как котенок на весенней льдине
В черной и взволнованной реке.

Подушку мха беззвучно оторвав,
Я черный плат земли нашла под нею —
И, наклонившись, медленно пьянею
Прохладным соком нерожденных трав.

Смотрю, как нежная лесная тля
На корешок всползает невесомо, —
И, как она, в лесу я тоже дома,
И, как она, одно с тобой, земля!

**
*

Клок облака в ущельи, на рассвете
И розовое солнце поутру.
Избушка над обрывом. Чистый ветер.
И зыбкий блеск березок на ветру.

Здесь отдохну — на солнечном пороге
Чужой избушки — и пойду опять
Во мшистом сумраке лесной дороги
Мои грибы и песни собирать.

Я привыкла трястись в дороге —
И не будят тоски во мне
Спящий кот на чужом пороге
И герань на чужом окне,
Но молюсь, как о малом чуде,
Богу милости и тепла,
Чтоб кота не испугнули люди
И чтоб жарче герань цвела.

ДОМ НА МАНХЭТТЭНЕ

Над двором, прямоугольной бездной,
Тусклый дом безрадостно возник,
Перечеркнут лестницей железной,
Словно неудачный черновик.

Но за мутью всех незрячих окон,
Слой над слоем, и из года в год,
Кто-то вьет свой человеческий кокон,
Кто-то плачет, курит и поет,
Чье-то сердце там упрямо бьется,
Чьи-то в копоты цветут мечты...

А на дне бетонного колодца
Бродят одичалые коты.

КИРИЛЛОВСКИЕ ЯРЫ

(два отрывка)

Ближе к полудню. Он ясен был.
Юная терпкость в мерном разливе
Стала плавнее, стала счастливей.
Умной головкою стриж водил
На меловом горячем обрыве.
Вянула между ладоней полынь.
Чебрик дышал на уступе горбатом.
Шмель был желанным крохотным братом!
Синяя в яр наплывала теплынь...
Пригоршнями стекала окрест
В душистое из душистых мест.

.

Чаша последняя. Те же места,
Где ликовала дремотно природа —
Странному и роковому народу
Стали Голгофой, подножием креста.
Слушайте! Их поставили в строй,
В кучки пожитки сложили на плитах,
Полузадохшихся, полудобитых
Полузаваливали землей...
Видите этих старух в платках,
Старцев, как Авраам величавых,
И вифлеемских младенцев курчавых
У матерей на руках?
Я не найду для этого слов:
Видите — вот на дороге посуда,
Продранный талес, обрывки Талмуда,
Ключья размытых дождем паспортов!
Черный — лобный — запекшийся крест!
Страшное место из страшных мест!

В теле вселенной как грешная рана — Россия!
В кураве буром кресты из тумана — Россия!
С высей поруганных глав — голубых, голубиных —
Дикие стяги полощутся рдяно — Россия!
Тешась во тьме тяготой неприкрытого срама,
Тучи мятутся нескладно и рвано — Россия!
В слепок святой воскового сурового лика
Пал отпечаток хулы и обмана — Россия!
Господи, падших, слепых, непотребных — помилуй!
В мраке и смраде, стыде и безумьи — помилуй!

Но роковая святыня, сгорая — нетленна!
В муках заветы свои попирая — нетленна!
В мареве дымном, в безликом смерче злодеяний
Снова и снова любовь распиная — нетленна!
В нимбе насилья и лжи возносясь горделиво,
Руша, пятная, губя, проклиная — нетленна!
Знак сатаны впечатлев на челе обреченном,
Чашу вины переполнив до края — нетленна!
Господи, падших, слепых, непотребных — помилуй!
В мраке и смраде, стыде и безумьи — помилуй!

Вещих последних времен наступленью — осанна!
Вечного древнего зла искупленью — осанна!
Духом не падайте, братья, и слезы отрите:
Кончится смертное наше томленье — осанна!
Души омойте и чутко внимлите закатам —
Близится радостных тайн откровенье — осанна!
Свете Претихий, о, Свете благий, невечерний!
Братья, утроим бессменное бденье — осанна!
Господи — падших, слепых, непотребных — помилуй!
В мраке и смраде, стыде и безумьи — помилуй!

* *
*

С отроческих истоков,
С первых робких азов,
От вздохов — полунамеков
Усиляясь во внятный зов,

Огромным разливом Нила
Затопляя жизнь и тетрадь —
Любовь всегда приходила
Такая, чтоб умирать.

Чтоб горько-соленой бороздкой
Слезы ко рту текли,
Чтоб губами касаться жесткой
Пересохшей от мук земли.

Ощупью, как слепая,
Медленно, как рассвет,
Из глубины вскипая
Старым страданьям вслед,

Без духоты и срыва
Эта любовь пришла
Такая, чтоб молчаливо
Смотреть на Божьи дела,

Чтобы вбирать, как ребенок,
Краски и звуки извне,
Чтоб улыбнуться спросонок
Зайчику на стене,

Чтоб синицам, спорхнувшим с веток,
Хлебца в окне крошить.
Любовь пришла напоследок
Такая, чтоб жить. Жить!

Не женой, а теплой рукавичкой
На твоей руке хочу я стать —
В зимний холод нежно согревать,
Быть твоею будничной привычкой,
А как только в летние деньки
Ты познаешь все блаженство зноя,
Быть небрежно стряхнутой с руки...
Только бы не заткнутой за пояс!

Ты названа незря березовой аллеей —
Березки по тебе, толкаясь и смеясь,
Бегут, вершинками на солнце золотясь
И серебром стволов в тени ветвей белея.
Не по тебе прошли заветные пути,
И хожено тобой совсем не так уж много,
Но я тебя люблю за то, что ты дорога,
Что можно по тебе уйти, идти, придти...
Уйти?.. Но я ушла из прошлого давно,
От памяти ж о нем мне не уйти вовеки;
Она переплывет со мной моря и реки,
И не тебе ее остановить дано.
Придти?.. Куда? К кому? Где ждет меня камин,
Чтоб, странница, могла свои согреть я ноги?
Я по тебе приду к другой большой дороге,
Найду лишь новый путь иль, может, не один...
Не в силах увести меня и привести,
Ты помогла часы мне скоротать немного,
И я тебя люблю за то, что ты дорога,
Что можно по тебе идти, идти, идти...

ПЕТЕРБУРГ

Мой город! Вечность! Молодость моя!
Гранит Невы, холодный шпиль Трезини...
Какая ширь! Какая четкость линий!
Всё в серебре... и где его края?

Бессонная воздушная струя
Прошелестит в развенчанной вершине.
Решётку Фельтена покрыл мохнатый иней,
Под снегом полукруглая скамья...

От Летнего до самого Сената
Иди, иди... целебный воздух пей!
Усталая душа опять богата.
Не будет ни раздумий, ни скорбей,
Останется багровый свет заката
И лязг к реке спадающих цепей.

Под этим небом жить хотел бы,
Где стаи перелетных птиц,
И чтобы никакие стрельбы...
И чтобы никаких границ.

Под этим небом струйки дыма
В морозном воздухе. Верхи
Ночных деревьев. Непостижимо
Звучит гармония: стихи.

И на земле я жить хотел бы,
Но не на этой, на ничьей,
На этой не утихнут стрельбы
И муки совести моей.

**
*

Психея! Ты вернулась к жизни.
О, глупая, тебе вольно.
И что тебе до скорбной тризны,
Где тело будет сожжено.

Я рад, я счастлив, наблюдая
Твой легкий, глупая, полет.
Ко мне твой голос долетает,
Он тише, он нежней поет.

Что так поют, не знал я прежде,
И это ты так стала петь.
Психея! Я смыкаю вежды,
Не властен я тобой владеть.

Ты провожать меня ходила,
Доверчива и смущена,
И по-ребячески твердила,
Что ночью вовсе не до сна.
Сияли звезды золотые.
Шла ты: сияя и любя...
Я полюбил слова простые
С тех пор, как полюбил тебя.

Потом я приходил по снегу
На огонек в твоём окне.
Мы в чистое смотрели небо,
Ты руки согревала мне.
Мы расставались и встречались.
Мы были малыми детьми.
Что это счастье называлось,
Тогда не догадались мы.

Не спится. Река не спит.
Звезда за звездою гаснет.
Утро холодное, ясное
И радует и томит.
Бежит вода по порогам.
Дрожит под ногами мост.
Иди по сельским дорогам,
Следи за таяньем звезд.
Самое чистое счастье
Коснется тебя в тот миг.

Сияние русской зимы...
Сияло, смело, ослепило:
Ведь было же, было — и мы
И жизнь — не вычеркнешь, было.

ЗВЕЗДЫ

Моему отцу

Колыхались звездные кочевья.
Мы не засыпали у костра.
Шумные тяжелые деревья
Говорили с нами до утра.
Мне в ту ночь поэт седой и нищий
Небо распахнул над головой.
Точно сразу кто-то выбил днище
Топором из бочки вековой!
И в дыру обваливался космос,
Грузно опускался млечный мост,
На смерть перепуганные сосны
Заблудились в сутолоке звезд.

— Вот они! Запомни их навеки!
То Господь бросает якоря!
Слушай, как рыдающие реки
Падают в зеленые моря!
Чтоб земные горести, как выпив,
Не кричали над твоей душой,
Эту вечность льющуюся выпей
Из ковша Медведицы Большой!
Как бы ты ни маялся, и где бы
Ни был — ты у Бога на пиру...
Ангелы завидовали с неба
Нашему косматому костру.

За окном — круги фонарной ряби.
Браунинг направленный у лба.
На каком-то чортовом ухабе
Своротила в сторону судьба.
Рукописи, брошенные на пол, —
Каждый листик — сердца черепок.

Письмена тибетские заляпал
Часового каменный сапог.
Как попало комнату забили,
Вышли. Ночь была уже седа.
В старом грузовом автомобиле
Увезли куда-то навсегда.

Ждем еще, но все нервнее курим,
Реже спим, и радуемся злей,
Это — город тополей и тюрем,
Это — город слез и тополей.
Ночь. За папиросой папироса,
Пепельница дыбится, как еж.
Может быть, с последнего допроса
Под стеной последнею встаешь?
Или спишь, а поезд топчет версты,
И тебя уносит в темноту...
Помнишь звезды? Мне уже и к звездам
Голову поднять не вмоготу.

Хлынь, война! Швырни под зубья танку,
Жерла орудийные таращ! —
Истаскало время наизнанку
Вечности принадлежащий плащ!
Этот поезд, крадущийся вором,
Эти подползающие пни...
Он скулил, как пес под семафором,
Он боялся зажигать огни.
Чащами и насыпями заперт,
Выбелен панической луной,
Он тянулся медленно на запад,
Как к постели тянется больной.

В небе смерть. И след ее запутан.
И хлеща по небу на ура,
Взвили за шпицрутеном шпицрутен
С четырех сторон прожектора!
За свободу вырванную ратуй!

Смерть уже свистит над головой!
Смерть уже от лопасти крылатой
Падает на землю по кривой.
... Полночь, навалившаяся с тыла,
Не застала в небе и следа.
Впереди величественно стыла
К рельсам примерзавшая звезда.

Мы живем, зажатые стенами
В черные берлинские дворы.
Вечерами дьяволы над нами
Выбивают пыльные ковры.
Чей-то вздох из глубины подвала:
— Господи, услышим ли отбой?!
Как тогда мне их недоставало,
Этих звезд, завещанных тобой!
Сколько раз я звал тебя на помощь, —
Подойди, согрей своим плечом.
Может быть, меня уже не помнишь?
Мертвые не помнят ни о чем.

Ну, а звезды. Наши звезды помнишь?
Нас от звезд загнали в погреба,
Нас судьба ударила наотмашь,
Нас с тобою сбила с ног судьба!
Наше небо стало небом черным,
Наше небо разорвал снаряд.
Наши звезды выдернуты с корнем,
Наши звезды больше не горят.
В наше небо били из орудий,
Наше небо гаснет, покорясь,
В наше небо выплеснули люди
Мира металлическую грязь!
Нас со всех сторон обдало дымом,
Дымом погибающих планет.
И глаза мы к небу не подыдем,
Потому что знаем: неба нет.

От полустанка до полустанка,
То водокачка, то вагонетка,
Полка, бутылка, консервная банка,
Поле, да поле, да изредка ветка!

От разлуки до разлуки,
От судьбы и до судьбы,
Взяли душу на поруки
Телеграфные столбы!

Телеграфные столбы —
Соглядатаи судьбы!

Ветер бредущим полетом
Бьет по спинам поездов,
И поет, поет по нотам,
Бесконечных проводов!

Пой на тысячу ладов,
Ветер нищих! Ветер вдов!

**
*

Над ветлами, над ульями,
Над липами, над пчелами,
Гудело утро пулями,
Свинцовыми, тяжелыми,

Трещало автоматами,
Глушило минометами,
Кто прятался за хатами,
Кто жался под воротами,

А мертвые, кто во поле,
Кто брошены на отмели...
Прохвастали, прохлопали,
Чуть полстраны не отдали!

Родимые, да что ж это?
Никак земляца наша-то!
Вся жизнь на вобле прожита,
А пушек-то не нажито!

Была ж Россия мамонтом,
А не прошло полвеку-то —
Сожгли тебя! от сраму-то
Тебе деваться некуда!

Обрадовались, грабили,
А непокорны ежели,
Мужик ли это, баба ли,
На перекрестках вешали!

Как у своих-то перчено,
А у чужих-то солоно!
Как из огня теперича
Попали мы да в полымя!

Из-под кнута-то отчего,
Да под дубину отчима!
Тот Соловками потчевал,
А этот смертью потчует!

Коль две скрестились гибели,
Какое сыщешь снадобье?
Одну мы гибель выбрали,
Коль выбирать уж надобно!

**
*

Пока не заткнули кляпом
Клокочущий рот, пока
Не выгнали в ночь атапом
Под окрики броневика,

— Загнаны в загоны.
А всё-таки живем! —
Пока, как в огонь, в вагоны
Не побросали живьем,

Пока не сбиты кучей
За проволокой колючей
И сыновья и дочери
Под пулеметные очереди —

Пока еще есть выход,
Выход и тьма выгод:
Стеклышком обыкновенным,
(Только острей выточь!),
Раз полоснешь по венам —
И никаких выдач!

Лучше массой аморфной!
Назад отступать — куда ж?
Пока еще есть морфий,
Веревка, шестой этаж —

Пока еще не на слом,
Дышим еще покамест —
Гневу псалом!
Ненависти акафист!

**
*

Бомбы истошный крик —
Аэродром в щебень!
Подъемного крана клык
На привокзальном небе —

Ты, мое столетие!

Поле в рубцах дорог:
Танки прошли по полю.
Запертое в острог,
Рвущееся на волю —

Ты, мое столетие!

Ищущее конец,
Бьющееся в падучей,
Мученический венец
Проволоки колючей —

Ты, мое столетие!

Кручу за пядью пядь
Брали. И вот со склона
Ринувшееся вспять,
Все растеряв знамена,

Ты, мое столетие!

Брошенное на штык,
Дважды от крови ржавый,
Загнанное в тупик
Дьяволовой облавой —

Ты, мое столетие!

Царственные века
Были твоим подножьем,
Продано с молотка,
Выжжено гневом Божьим —

Ты, мое столетие!

Кости с тобою сложим!

Плоть от плоти твоя,
Шиты твоим покровом.
Бурей своей пои!
Кровью своей напоим!

Верности клятву прими,
Ты — мое столетие!

Прорыв. И бои за такой-то город...
И каждый рассчитывает когда,
Учтя расстоянье, местность и скорость,
Советские танки будут сюда.
С полудня уже слышна канонада...
Заходят с боков! Обойдут кругом!
Застрянут! А впрочем смываться надо,
Короче же скажем — бежать бегом.
Подумать, ведь сколько свиней осталось
На радость голодных фронтовиков!
Эх, времени нету — пожрать бы сала
Впервые без карточек и пайков!
Тут двое рабочих, поляков, что ли,
Хозяев-то нету, ушли вчера,
Так эти себе свинью закололи —
Вон, видишь, палят ее у костра.
Эх, жиру-то, жиру — на роту хватит,
Да только с собой, небось, не возьмут.
На что им! Встречают славянских братьев!
Короче: они остаются тут.
Ишь, крови-то сколько! Почтенный боров.
Эй, пане, смотри, испачкал штаны!
Вот так вот и нас переколят скоро,
В лепешку разделают у стены!
Вчера раздавали склад при пекарне —
Муку-то весь день мешками несли,
Под вечер явились вот эти парни —
Порядочек, стало быть, навели.
Пришли, напились, перебили стекла —
Буянили, в общем, целую ночь.
Хозяйку еще угрожали кокнуть —
Скажи, мол, куда запрятала дочь?

НА ЗАПАД

Фронт прошел по вокзалам,
Гулко дунул войной,
Лязгнул стальным оскалом
Над страной.
Пар дыханья в вагонах,
Небывалый мороз.
Ветер вдоль перегонов
Вьюги нес.
Ночью на жестких нарах,
Сдавленный бред во сне,
Красный отблеск пожара
На стене.
День и ночь перебранка,
Переборы колес.
Вдоль путей полустанки
День унес.
Вьюга носится с храпом,
Спят в снегу города.
Быстро идут на запад
Поезда.

ОСЕНЬ

Зябко ржали лошади в загоне,
На ветру подергивали кожей,
Брали хлеб с протянутых ладоней
У шуршащих листьями прохожих.
Терлись об устои загородки,
Падал лист на выгнутые спины,
И смотрели утомленно-кротко
Безразличным взглядом лошадиным.
Целый день во власти листопада
Шелестел кленовый сумрак просек:
В помутневших лошадиных взглядах
Отразилась пасмурная осень.

Откачулась, прошла тальниками,
Вот и парус. Теперь — догони.
Солнце кинуло звонкий камень,
И за лодкой сверкнули огни.

Слева суводь. Сбивает колеса —
Поворот парохода крут.
И следит за нами с откоса
Вдумчиво-строгий верблюд.
На песке, золотом и отлогом,
Будто вымысел — храм резной,
И калмыки беседуют с Богом,
Празднуя первый зной.

Это — волжское понизовье:
Синь, затопленные тальники,
Полноводье и полнокровье
Самой радостной в мире реки.

Видно, думал пожить не любя —
В невеселую волю!
За любовь продавать себя
Разучился давно ли?
Не тянись к отсиявшей весне —
В невозвратное челн ее отплыл.
Гулко щелкают в тишине
Декабрем пораженные ветлы.
Не осмыслить, какая им боль...
Полночь высится мертвой льдиной.
Называются — «морозобой»
Эти трещины от сердцевины.

Моя рука — день ото дня старей.
Ее удел с душою одинаков.
Немногое еще под силу ей:
Стакан наполнить, приласкать собаку,
Сиреневую ветвь ко мне нагнуть
(Ее сломать ей было б тоже трудно),
Да записать стихи, да изумрудной
Студеной влаги с лодки зачерпнуть.
И это всё, но в скудости такой,
Овеянной вечернею прохладой,
Есть вечности целительный покой,
Есть чистота... — и лучшего не надо!
И хорошо, что силы больше нет
У встречной девушки украсть объятье,
Степному зайцу выстрелить вослед,
Солгать товарищу в рукопожатьи;
Что нетерпенье юности моей
Сменила мудрость осторожной дрожи...
Пусть ты слаба и с каждым днем слабей,
Моя рука — ты мне такой дороже!
Вот на тебя смотрю я без стыда,
Без горечи..., и радуюсь невольно,
Что ты уже не сможешь сделать больно
Отныне никому и никогда.

В день, когда уже ничто не может
Возвратить утраченные дни,
В час, которого не будет строже, —
Об одном прошу Тебя я, Боже:
Память у меня ты отними!

Чтоб забыл я, что когда-то, юный,
По весенним рощам я бродил,
Рвал черемуху и трогал струны,
Провожал серебряные луны,
Розовые зори сторожил.

Чтобы ничего я не запомнил,
Чем мгновенья были высоки:
Ни одной моей подруги дольней,
Ни одной тосканской колокольни,
Ни одной онегинской строки.

Чтоб навек погасли надо мною,
Отзвенели-бы и отцвели
Все сады, все звезды, все прибои —
Всё, что я в дорогу взял с собою
Из сокровищ неба и земли.

Если сердце всё это забудет —
Станет не о чем ему жалеть,
Ничего отнять не смогут люди,
И уже совсем легко мне будет
Оттолкнуть скамью и умереть.

**
*

Мы с тобою ее запомнили,
Эту медленную весну:
Гиацинты на подоконнике,
Восковую их белизну.

А за ними, весь в колких лужицах,
Тихий дворик, московский, тот,
Что, — прикажет весна, — закружится,
Защелкает и зацветет.

С Новодевичьего, с соседнего,
Мерно пели колокола.
И любовь наша тоже медленной,
Вот как эта весна, была.

Все прилаживалась, примеривалась,
Подмерзала то там, то здесь,
Чтобы, словно сперва не веря в нас,
После вдвое щедрей расцвести.

...Вспоминаешь, и в сердце — лужицы,
Гиацинты, колокола,
И та девушка, в косах, в кружевце,
Что тобою тогда была.

Я бродил по талым косогорам,
Мартовскую слушал тишину,
И в кустах над ручейком нескорым
Повстречал я Нищую Весну.

Шла она почти совсем нагая,
Кутаясь в туманы и дожди,
Осторожно ветки раздвигая,
И пути не зная впереди.

Но уже каштановые пряди
Золотом сквозили на ветру,
Но уже прибавился в наряде
Пролесок, расцветший поутру.

Подошла ко мне и застыдилась,
Руки уронила и ждала,
Только быстрым взглядом заслонила,
Но прохладных губ не отняла.

Я сказал ей: пусть тебя другие
И умытой и нарядной ждут,
Косы заплетающей тугие
Майским днем в сиреневом саду!

Ты мила мне именно такую:
Неуверенной в себе самой,
С незаплетенной еще косою
С удивленных глаз голубизной.

И беспомощной, и виноватой,
И не знающей, вперед спеша,
Что сегодня утром для меня ты
Первым поцелуем хороша!

* *
*

Легкокрылым Гением ведомы,
Улетели птицы за моря,
Почему же мы с тобою дома
Этим хмурым утром ноября?

Может нужно было взять котомку,
Палку, флягу, пару верных книг,
И пуститься ласточкам вдогонку,
Через лес и поле напрямик!

Только тем, кто медлят, невозможно
Причаститься радостей земли.
Через все шлагбаумы, все таможни
Невидимками бы мы прошли.

И наверно б вышли мы с тобою
Завтра утром к розовым камням,
Тонким пальмам, пенному прибою —
Золотым, благословенным дням.

И наверно самой полной мерой
Было б нам, дерзнувшим, воздано
За крупицу настоящей веры, —
За одно горчичное зерно.

На рубеже последних дней
Мне больше ничего не надо,
Вокруг меня уже прохлада
Прозрачной осени моей.

Пусть стали медленней движенья,
И голос изменяет мне,
Но сердца в полной тишине
Красноречивее биенье.

Ложится сумрак голубой
На тяжелеющие веки,
И так прекрасно быть навеки
Наедине с самими собой.

Скажешь: был он зимней зорьки проще,
Ласковый и бережный такой!
Жил он — деревцем в Господней роще,
Умер — словно песня за рекой.

Вот еще зовет вдали и плачет,
Вот уже и вовсе не слышна.
Тишина... Но разве это значит,
Что умолкла навсегда она?

Нету песни благостней и выше,
Чем от нас ушедшие поют.
Это только мы ее не слышим.
А она звенит! — В ином краю...

Если кошка пищит у двери
И ты можешь ее впустить —
Помоги обогреться зверю,
У плиты молока попить.

Если мальчик бредет из школы
И, насупившись, смотрит вбок —
Подари ему нож веселый,
Смастери ружье и свисток.

Если девушка на рассвете
Замолчит на твоей груди,
Как молчат, наигравшись, дети —
Через жизнь ее проведи.

Это всё, что во славу Бога
Можешь сделать ты на земле.
Это мало и это — много.
Это — словно цветок в скале.

**
**

Это всё гораздо сложнее,
Чем в мудрейшей из наших книг.
Жизнь твоя... — ты сроднился с нею,
Как к любовнице к ней привык.

Ездишь с нею по ресторанам,
И закуриваешь, не спросясь,
И на коврик ее медвяный
На ботинках приносишь грязь.

А она?... Для нее названья,
Как ни бейся, не подберешь!
В ней и вечности замиранье,
И мгновенья живая дрожь.

В ней — минувшего тяжкий камень,
И грядущего легкий пар.
Зачарованными путями
Пролегает ее тропа.

Светят солнца в нее и луны,
И пронизывают ее
Золотые, тугие струны —
Мира звонкое бытие.

И совсем не словами — песней
Говорит, наклоняясь к ней,
Светлоликий, крылатый вестник,
Верный спутник судьбы твоей.

И от этих сияний звонких,
Этих песен, блужданий, встреч
Обессилен, она ребенком
Хочет рядом с тобой прилечь.

С ней бы надо, как с самой хрупкой,
Самой кроткой и чистой быть,
Озабоченною голубкой
Над ее головой кружить.

Отдыхать на плече покорном,
Словно в бурю на берегу,
И клевать золотые зерна
Из ее приоткрытых губ.

Все мы нынче, так или иначе,
Ранены стремительной судьбой.
Но пока один зовет и плачет —
Говорит, к нему склонясь, другой:

Брат! Да будет и тебе открыто:
Никакая рана не страшна,
Если бережно она обмыта,
Перевязана и прощена.

ДОЛГ МОЕГО ДЕТСТВА

Двоился лебедь ангелом в пруду.
Цвела сирень. Цвела неповторимо!
И вековыми липами хранима
Играла муза девочкой в саду.

И Лицеист на бронзовой скамейке,
Фуражку сняв, в расстегнутом мундире,
Ей улыбался, и казалось: в мире
Уютно, как в аксаковской семье.

Все это позади. Заветный дом
Чернеет грудой кирпича и сажки,
И Город Муз навек обезображен
Артиллерийским залпом и стыдом.

Была пора: в преддверьи нищеты
Тебя земля улыбкою встречала.
Верни же нынче долг свой запоздалый
И, хоть и трудно, улыбнись ей — ты.

Солнечный август сел на скамью
И стало кругом ярко.
Солнечный август готовил подарки,
Не знал, что скоро его убьют.
Красил зеленые, тонкие листья.
О, как деревья горят!
... Ночь подошла. Раздался выстрел.
Наступило первое сентября.

ГУРИЛЕВСКИЕ РОМАНСЫ

(из поэмы)

Есть на свете и бродяги,
Есть на свете жизнь-дорога:
В пыльных, стоптанных опорках,
Да с котомкой за плечами;
И бредешь, куда — не знаешь:
От села до деревушки,
Верстовым столбам кивая;
У лесков, у придорожных,
Заедая земляникой
Пригоршню студеной влаги
Из ключа в сырой ложбинке. —
И потом свежей шагаешь
Мимо нив, кустов, оврагов,
Что-то про себя мурлыча
И репейникам головки
На ходу сбивая палкой
Да дорогу уступая,
Коль услышишь конский топот
И гремющий колокольчик...
Тряско в кузове кибитки.
Солнце с ласковой ленцою
Морит, в сон тяжелый клонит,
Теплым потом обливает.
А ямщик затянет песню:

Эй люшеньки люли люли!
Ну, пошли. Чего заснули?
Время быстрое идет,
Нас хозяйка дома ждет.

Хорошо, кто пташек слышит,
У кого есть где-то крыша,
Погреб полный под ногами,
Стол с вином и пирогами
Под иконой расписной.

А покуда — пыль да зной,
Солнце красное высоко,
Рожь да клевер да осока...

И проехала кибитка.
То ль за поворотом скрылась,
То ль в клубах исчезла серых.
(Так из памяти с годами
Исчезает лик любимый).

Вспомнил я другие ночи
И поля родные вспомнил,
На давно сухие очи
Набежало — словно искра, —
И внезапно захотелось
По-ребячьи рассмеяться,
По-ребячьи разреветься,
Чтоб раздернулась завеса,
И подробно, больно, ясно,
В дрожи запаха и красок,
Вспомнились места и годы,
Где свое оставил детство.

— — —

Вы б могли понять, наверно,
Ощущение минуты:
Смесь тревоги с любопытством, —
Если в тишине домашней
Вы романс про колокольчик
Напевали потихоньку
(Так всегда среди уюта

Тянет в дальнюю дорогу),
И внезапно перед домом
Настоящий колокольчик.

Прозвенел. Остановился.
Слышен голос: «Барин дома?»
И тогда в окно увидеть
(С той же смесью любопытства
И тревоги непонятной)
Незнакомую коляску.
А потом, спиной к лакею,
Произнести: «Я принимаю».
И вошедшему в покои
Объявить хозяйски-чинно:
«Мужа нету. Он в отъезде».
А потому добавить просто:
«Я вас знаю. По рассказам».

Вы б могли понять, наверно,
Как заманчиво в гостиной,
Сумерек не замечая,
Слушать, затаив дыханье,
Новый звук рассказов новых
И украдкой из кресла
Подмечать своеобразие
Новых жестов, новых взглядов;
И, боясь еще признаться,
Видеть близость в незнакомом.

(Где я слышал этот голос?
На пирушках «Арзамаса»
Средь мундиров, синих фраков
Ямбами перебивал он
Пунша треск и звон бокалов?
Или в бункере Берлина
Спрашивал меня серьезно:
«Пережить — и что же дальше?»)

«Снег и ветер, снег и ветер.
Снег на шапках, на цилиндрах,
На мундирах, на тулупах.
Петр Великий руку поднял,
Защищаясь от снежинок,
А они танцуют в вихре
И коню щекочут щеки.
Ветер снегу помогает,
Ветер шелестит плащами,
Крутит перья треуголок.
И теперь еще я помню
Только снег и только ветер.
Остальное — как в тумане:
Ожидание без цели
И рылеевские речи,
Милорадович... Каховский...
Никому не нужный выстрел.
А потом — смятение, залпы,
И на льду, как точки, люди
Мчатся, падают и тонут.
Медный всадник, им вдогонку
Гневно протянувший руку.
Так бездарно получилось...
Дальше все неинтересно:
Как — допросы, как судили,
Как, прощаясь, надела
Мать на шею мне иконку,
Как бежал, сюда приехал,
Как дорогой пели птицы.

Но одно доныне гложет:
Так бездарно получилось.
Понимаете, как трудно?
Вы б могли понять, наверно...

И свечи заплывший столбик,
И внимательные брови,

И картина в круглой раме
(При свече не видно, что там),
И кольцо на пальце бледном.

«Вам понятно?» — Мне понятно.
«Вы согласны?» — Я согласна.

— — —

... Мы придумали Россию:
Я придумал, ты придумал,
Он, она, оно — так надо.
Но России нет на свете.
Может быть, была — не знаю;
К сожаленью, я там не был.
Тра-та-там, тра-та-там,
К сожаленью, не был там.

Для меня она — поэма,
Грусть диагональных струек,
Рваных, — на стекле вагона,
Если за окном потемки,
Дождь и дождь и дождь и дождь и...

Где тот дом теперь и что в нем?
Канцелярия совхоза
Иль районная больница?
Это всё не так уж важно,
И не в этом вовсе дело.
Лип и клавесин подобных,
Чувств таких, переживаний
Ричардсону бы хватило
Толстых на десять романов.
Мне же это — вздох случайный —
Так, вздремнулось ненароком.

Я в осеннюю мзгу и холод,
От рассвета сгибая спину,
Во дворе двухэтажной школы
Из канавы швыряю глину.

И с тоской, будто в окна рая,
Я смотрю, как, раскрывши книжки,
Получинно-полуиграя,
Что-то в классах твердят детишки.

Из загробных миров сюда же
Смотрят души умерших тоже
И, вздыхая, с тоской и даже
С иступлением шепчут: «Боже!

«Этой глины тугая влажность,
«Пенье мускулов напряженных
«И лопаты живая тяжесть
«В зашершавившихся ладонях!

«Боже! Снова б в земном объеме
«Обрести ощущение эти
«И не ведать печали, кроме
«О, как жаль, что уж мы не дети»

Есть Бог, есть мир. Они живут вовек,
А жизнь людей мгновенна и убога.

Н. Гумилев.

С вечерней смены, сверстник мой,
В метель, дорогою всегдашней
Ты возвращаешься домой
И слышишь бой часов на башне.

По скользоте тротуарных плит
Ты пробираешься вдоль зданья,
Где из дверей толпа валит
С очередного заседанья.

И, твой пересекая путь,
Спокойно проплывает мимо
Лицо скуластое и грудь
С значком Осоавиахима.

И вдруг сквозь ветер и сквозь снег
Ты слышишь шопот вдохновенный.
Прислушайся: «...живут вовек.»
Еще: «а жизнь людей мгновенна...»

О, строк запретных волшебство!
Ты вздрагиваешь. Что с тобою?
Ты ищешь взглядом. Никого!
Опять наедине с толпою.

Еще часы на башне бьют,
А их уж заглушает сердце.

Вот так друг друга узнают
В моей стране единоверцы.

ТЮЛЕНЬ

«Товарищи!» Он опустил глаза,
Которых не удастся образумить.
«Кто за смертную казнь врагам народа, прошу поднять руку!».
Все подняли. Он тоже поднял «за»,
Стараясь ни о чем не думать,

Но головокруженье превозмочь
И, отстранясь, скорей забыть про это.
Аплодисменты. Значит можно прочь,
Из коридоров университета

На воздух. Сумерки. Земля
Апрелем пахнет. Дальше что? Постой-ка,
Теперь все просто. Полтора рубля,
Стакан вина у неопрятной стойки

И папиросу в зубы. И — в сады,
Туда, к реке, где ночь шуршит ветвями,
А звезды, отразившись от воды,
Прносятся, как эхо, над садами.

Где в темноте, друг другу далеки,
Блуждают одиночки по аллеям,
И, как кладбищенские огоньки,
Их папиросы плавают и тлеют.

И здесь бродить. Сперва — томясь, потом —
Уйдя в покой туманных размышлений
О постороннем; в частности, о том
По детским книжкам памятном тюлене,

Который проживает там, где лед
Намерз над ним сплошным пластом снаружи.
Тюлень сквозь лед отдушину пробьет
И дышит, черный нос с усами обнаружа.

**
*

Еще до наступления морозов
В полях хватали сборщиц колосков,
И по ночам гудели паровозы
На север уходящих поездов.

Но помню утро. Вогнутое небо,
Узор деревьев, труп невдалеке
И на трехпалой вздувшейся руке
Колючий иней — первый — вместо хлеба.

Брось! Замолчи. Стихи твои пусты.
Отсутствует в них трепет изначальный.
Когда б ты мог: «О, память сердца, ты
Сильней рассудка памяти печальной».

Нет, и не так. Ведь можно жизнь прожить
И не забыть ни крошечной детали,
Но, вспоминая, в сердце не открыть
Ни ненависти, ни печали.

О нет! О нет! Пошли мне все забыть:
Гудки, деревья, руку эту, иней,
Но только полной мерой сохранить
Святую дрожь, доступную мне ныне!

1943

Смеется тощий итальянец,
Базар гогочет вместе с ним:
Ботинки продал он и ранец
И вопрошает путь на Рим.

При этом ловко кроет матом
«Тедеско», «порко Сталинград»,
А рядом дядько Гриць со сватом
И воз с картошкой стоят.

Из неуклюжей клетки чижик
Свистит о плене и тоске,
И букинист десяток книжек
Раскладывает на мешке.

И рыжий парень в полушубке
Отмеривает чашкой соль,
И женщина у перекупки
Кольцо меняет на фасоль.

Стоять с картошкой наскучив,
Подходит к букинисту сват
И томик с надписью «Ф. Тютчев»
Он выбирает наугад.

И, приподняв усы живые,
С трудом читает то впервые,
Что кто-то подчеркнул до дыр:
«Счастлив, кто посетил сей мир
В его ми-ну-ты ро-ко-вые...»

**
*

Словно ласточкин хвост, за кормою
Разделяется надвое след
И бежит, колыхаем волною,
В те места, где меня уже нет.

Так везде на путях моих странствий
Продолжением прожитых лет
Оживает и бродит в пространстве
Многократно дробящийся след.

Пролетают ветра над полями
И метут невесомую пыль.
Под бурьяном, в загаженной яме
Это кости лежат не мои ль?

А бухгалтер, который в колхозе,
Пол-литровкой разбавив печаль,
Пишет скверные вирши о розе,
Соловьях и любви — не я ль?

Педагог, обреченный лукавить,
Обучает детей предавать —
Это трижды, четырежды я ведь
Возникаю в тумане опять!

А вон там, в полутемном подвале,
Две секунды, летящие вскачь,
Измеряю шагами не я ли,
Не за мной ли шагает палач?

Но движением точным и скорым
Чья метнется рука, как змея?
Пулей тот меня скосит, которым
Буду тоже ведь, тоже ведь я!

Небывало, нелепо, нежданно
Небоскреб в отдаленьи возник,
И глядит на него с океана
Мой неправдоподобный двойник.

**
*

Если все-таки ты уцелел,
Значит, в Киеве встретимся снова.
Разом спросим: «А ты еще цел?»
И ответим: «А что ж тут такого!»

Будет осень шуршать под ногой,
Нашу встречу собой знаменуя.
Если встретимся на Прорезной,
То зайдем, как бывало, в пивную.

И, присев в уголке за столом,
Мы опять повторим из былого:
Грамм по двести с тобой разопьем,
Почитаем стихи Гумилева,

И твои почитаем о том,
Как зигзагами звезды летели,
И как с мамой под вечер вдвоем
Вы вносили складные постели.

... Хорошо тем, кто верит в покой!
Ну, а если дорогой такой
Возвращаться под старую кровлю:
Вдоль по улице, по мостовой
До тротуаров наполненной кровью?

Церковка, заросшие пригорки,
Суздальское небо и тоска,
К сонным травам, к луговинам горьким,
Мчится мелководная река.

Родина. Летят касатки, свищут,
Пропадая в предзакатной мгле.
Я иду, потерянный и нищий,
Поклониться Матери-Земле.

Мальчик босоногий с дудкой звонкой
Гонит стадо в ветровую синь.
На воротах древняя иконка,
А внизу — терновник, да полынь.

**
*

И поздний дождь над миром, как тогда,
И все такое жалкое, и злое.
Поет, бормочет за окном вода
О нежном, о пленительном покое.

И дождь ночной, как прежде, как тогда,
И дом плывет в безвестные пустыни.
В разрыве туч холодная звезда —
Такой же свет мучительный и синий.

* *
*

Русский лес. И русские птицы.
Это может только присниться.

И благовест дальний над вечерней рекой.
Монастырь. И вечный покой.

Время бежит, скользит по реке.
Детский след на влажном песке.

И может быть счастье. Но нет его.
Божество? Торжество? Колдовство?

Русское поле. Все русское снова —
На камне холодном мертвое слово.

* *
*

Белая матроска. Синие глаза.
Высоко, над лесом, дальняя гроза.

Говорит о чем-то древняя река,
А в моих ладонях смуглая рука.

Горько пахнет ночью вялая трава.
Золотые кудри. Тихие слова

Все о чем-то тайном. Может быть, о том,
Что за знойным ветром будет дождь и гром,

Что над нами грянет гневная гроза,
И потухнут завтра синие глаза.

**
*

Ненужный свет залег давно
И месяц просится, ныряя
В подслеповатое окно
Полузабытого сарая.

Там не лежит уже никто,
Соломы клок остыл и высох.
И только ветхое пальто
Шевелят, пробегая, крысы.

Проходит мимо и свистит
Неумудренный обыватель.
Он должен ровно к десяти
Улечься дома, на кровати.

Кому сказать и чем помочь?
Уткнувшись головой в подушку,
Он слышит, как колотит ночь
В сторожевую колотушку.

И мир, лежащий в тишине,
Никто, ничто не потревожит.
Лишь отраженный там, в окне,
Холодный месяц корчит рожи.

Не как все вы, и к тому же —
лишь за тех, кто во власти волн,
кто в морях, не на цепкой суше,
помолюсь...

.
Я знаю, как ветер солон
по утрам на причале у мола
и как робок рассвет на молу...

Завтра до свету у причала
бросишь на плечи шелк плаща,
завтра утром, как это шалое
скажешь тихое «ну, прощай...»
А глаза твои полные звезд
и, наверно от ветра, влажные,
просигналят что-то недосказанное
и очень важное,
как в аварию SOS
судно каботажное.
Альбатросов хлопьями пены
понесет на ладонях жестких
над тобою ветер в лиман,
и по волнам навстречу кренам,
парусами дразня норд-осты,
лодь рыбачья скользнет в туман.
Да,

я б вот так же хотел, на рассвете
на лов уходящие, с вами
жизнь, как рыбу большую из сети
за жабры тащить руками...
Когда же, как гроздь переспелых лучей,
солнце повиснет в сетях снастей
тебя уносящего судна,
и станет на пристани людно,
и в руке моей белым флагом
забьется платок в истерике, —
где-то в сердце проснется тяга —
ведь от роду не был оседлым я
и всегда у каких-то меж —
к никому не известным америкам,
в никому не открытую глушь:
высматривать китежи светлые
в озерах неясных надежд,
в половоднях чьих-то душ.

РАНЕН

В голове с орудийным грохотом
взрывы мыслей...

И вновь, и вновь
я ползу бесконечными чертополохами,
лепестками роняя кровь.

Я ползу в багровую бездумь,
и все ближе какой-то край.

Я кричу во все горло:

— ПОБЕДА-А-А!..

А выходит чуть слышное:

— Умира...

Я вгрызаюсь зубами в воздух,
боль, как гадину в пальцах сжав...

.

А над степью, над миром — звезды,
вечности сторожа.

ГРИБНАЯ БАЛЛАДА

Сколько же пади! Звону-то!
Росной дрожащей блесны,
И паутинкою тронуты
Колкие лапки сосны,

А над лесной над дорожкой
Сизая, хрупкая ясь
Первой солнечной крошкой
Там и здесь занялась.

Эти листовяные заметы,
Шорохи, звоны, грусть.
В них встревоженной памятью,
Как в родное, смотрюсь.

Уж не родные ли дали
Жалобу милых губ
В эту вот прель вшептали,
В этот звенящий хруп?..

Лирику впрочем по боку —
Не прозевать бы тропку!

— — —

Страшен ты, братец, очень,
«Чортов гриб»,
Рыж, как рысь.
Не выйдет, не обморочишь, —
Брысь!!

• • • • •

Хвойная просека-улица,
Влажная, топкая хрусть.
Кто это там маскируется?
Неужто — груздь?

Ну, полезай в лукошко,
Соскучился в немцах, чай?
Дай-ка, подрежу ножиком:
Может, ты — молочай?

Ножик — он не обманет.
Верно, груздь: сух и крут.
У нас бы тебя — в сметане,
Здесь — не берут...

Разный, брат, вкус человеку дан.
Вишь ты: и класть тебя некуда!

— — —

И кажется: там, за лесом,
Истаяли ребра гор,
Под голубым навесом —
Бескрайный вылег простор,

И, режа луга дугою,
В обрывах, в кустах ивняка,
В лиловую даль уходит
Сверкающая река.

Ветер россыпью росной
Играет, травы креня,
В воздухе только — сосны
Да жаворонки звенят...

.

Было все это? Так ли?
— Срок пробежал велик —
Сосны смолкою плакали
(Не провожали ли?),

И на чешуйчатом цоколе
Белки пушистые цокали...

.

Лирическому бы ладу
Вовек не услышать «стоп».
Да скажут: хотела балладу,
А вышло — так, ни про что.

А может быть, все-таки вышло?
— Про то, как — та и не та —
Знакомым приветом дышит
Чужая нам красота.

Про то, как с разлукой в паре,
Которую не избыть,
Чудесно в лесах Баварии
Смоленские брать грибы,

Распутывать хрусткие тропы,
По балкам искать ключи,
Родные угадывать шопоты
И слушать, как сердце стучит,

Как брагой вскипает, бродит в нем
Горячее слово —
Р о д и н а !

НОЧЬ НА СЕДЬМОЕ НОЯБРЯ

Безлюдных набережных бесконечность.
Тяжелая вода каналов. Листья,
Опавшие, плывут в ночи и в город
На них всплывает Осень незаметно.
И Летний Сад. Со стороны Фонтанки
На берег сходит и, шурша листвою,
Спешит меж статуй по дорожке к невской
Решетке ждать условленного часа...
Укрыв себя асфальтом и бетоном,
Спит Ленинград, спит Нарвская застава,
И Петербург туманный из Невы
Развесив дымный полог над торцами,
Навстречу Осени вернувшейся выходит.
Их встречу ночь Октябрьская скрывает,
Лишь только волны на ухо ступеням
Гранитным шепчут что-то, только слезы
Дрожат у Сфинксов на глазах и строги,
Торжественны дворцовых окон лица.
А ночь — бесшумный церемониймейстер —
К параду улицы готовит — Невский
Уже очищен, фонарей шеренги
Построены, и в небе шпагой замер
Адмиралтейства шпиль...

Бьет башня полночь.

И до рассвета, скрытые туманом,
Два призрака задумчивые бродят,
Не спят столетние деревья парков,
Не спят дома — гвардейцы ветераны,
И императоры чугунные снимают
Тихонько шляпы, и косятся кони...
Всю ночь, пока гудок не разревется
На Выборгской, не выдержав, и следом
Завоют по-районно на заводах
Тревожные сирены Ленинграда.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие составителя	5
-----------------------------------	---

ОТДЕЛ I

АМАРИ

Цицерон	11
Письмо Каховского Императору	12
Не все ли равно мне, где жить	14
О, что здесь есть, кроме усталости?	14

Д. АМИНАДО

1917	15
Уездная сирень	16
Август	17

К. Д. БАЛЬМОНТ

Я помню, мне четыре было года	18
В селе заброшенном во глубине России	19
Пролетел югозападный ветер сырой	20

И. А. БУНИН

Потерянный рай	21
Сириус	22
У птицы есть гнездо, у зверя есть нора	23
Печаль ресниц, сияющих и черных	24
Венеция	25
Уж как на-море, на-море	26
Льет без конца. В лесу туман	27
Дочь	28

Зинаида ГИППИУС

Сияния	29
Втайне	30
8 ноября	31
Мера	31
Ты не любишь овец покорных	32

Зверенок на веревочке, с круглыми ушами	32
Лягушка	33
Неожиданность — душа другого	33
Thérèse de L'Enfant Jésus	34
Вячеслав ИВАНОВ	
Каменный дуб	35
Родина	35
Сверстнику	36
Вновь арок древних верный пилигрим	37
Могила	38
Собаки	39
Воспоминание о А. Н. Скрябине	40
Сергей МАКОВСКИЙ	
Горит полуденное лето	42
Ах, эти горы! По утрам	43
Зноен день, но с гор прохлада	44
Осиротел бассейн. Давно ли дружно	45
Затишье виллы... Мерным стоном	46
Спеши душа! Уж близок перелет	47
В четверг под мое окно	48
Мать МАРИЯ	
Пусть отдам мою душу я каждому	49
Я знаю зажгутся костры	50
Парижские приму я Соловки	51
Вольно льется на рассвете ветер	52
Земли Твоей убогое житье	53
Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ	
Сонное	54
Иногда бывает так скучно	55
Доброе, злое, ничтожное, славное	56
Склоняется солнце, кончается путь	56
Игорь СЕВЕРЯНИН	
Соловьи монастырского сада	57
Как женщина пожившая, но все же	58
Осеню себя осенью — в дальний лес уйду	59
ТЭФФИ	
Хочу, вечерняя аллея	60
Перед картой России	60
Письмо в Америку	61

Владислав ХОДАСЕВИЧ

Баллада	63
Ласточки	65
Элегия	66
Из дневника	67
Пробочка	67
Перешагни, перескочи	67
Гостю	68
Странник прошел, опираясь на посох	68
Памятник	68
Перед зеркалом	69
Вакх	70
Жив Бог! Умен, а не заумен	71
Не матерью, но тульской крестьянкой	72

Марина ЦВЕТАЕВА

Ученик	74
Жизни	75
Блаженны дочерей твоих, Земля	75
Ролландов рог	76
Тоска по родине! Давно	77
Стихи о Сонечке	79
Бабушка	80
Чужой	82
Старинная песня	85
Стихи о сироте	87
Петр и Пушкин	88

ОТДЕЛ II

Георгий АДАМОВИЧ

Нет, ты не говори: поэзия-мечта	93
Ну вот и кончено теперь. Конец	94
Один сказал: «Нам этой жизни мало»	95
Там где-нибудь, когда-нибудь	95
Без отдыха дни и недели	95
По широким мостам	96
Из голубого океана	97
Ночь... и к чему говорить о любви	98

Н. БЕРБЕРОВА

Шекспиру	99
Nevermore	101
Две девочки. Одна с косою тугой	103
Я десять лет не открывала старой	104

Б. БОЖНЕВ

- Я был в тот день исполнен всякой скверны 105
Да, червь, что точит наши силы 105

Анатолий ВЕЛИЧКОВСКИЙ

- Мне руки милые твои 106
Был темен переулочек, темен дом 106
Поздно ночью, даже слишком поздно 107
Там грусть, там скука, там ни то, ни се 107

Тамара ВЕЛИЧКОВСКАЯ

- Все меньше цветения в мире 108
Вдоль площадей многоголосых 109
В лесу мороз. А если я щекою 109

Александр ГИНГЕР

- Жалоба и торжество 110
Факел 112
Весть 115

Алла ГОЛОВИНА

- По какому же праву? Совсем без права 116
Душа моя — моя кариатида 117
Зачем же без оглядки, слишком скоро 118
Детская книга 119

Николай ГРОНСКИЙ

- Авиатор 120
Север 121
Помню Россию так мало 122
Я вижу дом, и Волги ток широкий 122
Белладонна 123
Один в снегах страны вечерней 125

В. ДРЯХЛОВ

- Святая Троица давно 126
Ты была как звезда 127
Хочется сказать святейшие слова 128
Путь 129

Борис ЗАКОВИЧ

- Зима, зима... Рождественские дни 131
Весною хочется поговорить 131
Дождь идет над Сеной 132

Владимир ЗЛОБИН

Свиданье	133
В окне все так же небо хмурится	134
Почти не касаясь земли	135
Я такой хотел бы дом	135
Воскресенье, нет, суббота	136
Подбирать обеды — это	137

Георгий ИВАНОВ

Страсть? А если нет и страсти?	138
Был замысел странно-порочен	139
Это месяц плывет по эфиру	139
Ни светлым именем богов	140
На грани таянья и льда	140
Он спал и Офелия снилась ему	141
Как в Грецию Байрон, о, без сожаленья	141
Мелодия становится цветком	142
А люди? Ну, на что мне люди?	142
Перед тем как умереть	143
Замело тебя, счастье, снегами	143
Эмалевый крестик в петлице	143
Каждой ночью грозы	144
Что-то сбудется, что-то не сбудется	145
Все неизменно и все изменилось	145

А. КЕЛЬБЕРИН

Два ангела слепых его влекут	146
В недостойных руках эти теплые, детские руки	146
Зеленою луной освещена	147
Мой жаворонок, как ты звонко пел	148

Ирина КНОРРИНГ

Я уж не так молода, чтобы ехать в Россию	149
Будет больно. Не страшно, а странно	149
Живи не так, как я, как твой отец	150
Я люблю заводные игрушки	151

Довид КНУТ

Я помню тусклый кишиневский вечер	152
Я шел по берегу Тивериады	155

Вл. КОРВИН-ПИОТРОВСКИЙ

Воздушный змей	156
Опрокинул чернильницу	157
Розы на снегу	158
На склоне городского дня	159
Дождь, дождь и дождь. И ночь. В окно	160

Ирина ОДОЕВЦЕВА

Вам надо уехать в Египет	192
— В этом мире любила ли что-нибудь ты	193
В этот вечер парижский, взволнованно-синий	193
Под лампой электрической	194
Вот палач отрубил мне голову	195
Над зеленой высокой осокой скамья	197
Сияет дорога райская	198
Баллада о Гумилеве	199

Николай ОЦУП

Из дневника в стихах

Ты не то что не хотела славы	202
Ты еще прекрасно молода	203
... Что ж делать с красотой твоей	204
Из поэмы балтийский песок	205
Спрашивали красоту	206
Должно быть тесно под землей	206
За конторкой бюро	207

Борис ПОПЛАВСКИЙ

Морелла	208
Розовый час проплывал над светящим миром	209
Роза смерти	210
Восхитительный вечер был полон улыбок и звуков	211
Гамлет	212
Мир был темен, холоден, прозрачен	213
Солнце нисходит, еще так жарко	214
Снег идет над голой эспланадой	215
Как страшно уставать	216
Рождество расцветает	217

София ПРЕГЕЛЬ

Отречения счастье высшее	218
Узор обоев вылинял слегка	219
Стало в улицах дымно и пусто	220

Анна ПРИСМАНОВА

Сестры	221
Сирена	226

Георгий РАЕВСКИЙ

Я пас чужих свиней. Я насмеялся	227
Никодим	229
Стол, свежий хлеб на нем пшеничный	230
Друг мой ласковый, друг мой любимый	230
Не хрустальный бокал, не хиосская гроздь	231

Владимир СМОЛЕНСКИЙ

Стансы	232
Твой взор равнодушный и узкий	233
Лунного неба тоска и величье	233
Иногда мне кажется — ошибка	234
Взгляни на небо — ни одна звезда	234
Какое дело мне, что ты живешь	235
Осень	235

Юрий СОФИЕВ

Я был плохим отцом, плохим супругом	236
Это было в сентябре, на хуторе	237
Свод потолка и холоден и крут	238

П. СТАВРОВ

Все на местах. И ничего не надо	239
Четыре улицы — раскинутые руки	240
Скука выдуманного вокзала	241
Как дымок, расплывается прочь	242

Екатерина ТАУБЕР

Сквозная южная сосна	243
Мальчик шел лениво. Упирался	244
Все мы как-то доживаем	244
Играют дети на дворе	245

Юрий ТЕРАПИАНО

Утром, в ослепительном сияньи	246
Ласточка нежная носится, носится	246
По утрам читаю Гомера	247
В день Покрова	
Как звезда над снежными полями	248
Только гибель и воспоминанье	248
Матерь божья, сердце всякой твари	249

Николай ТУРОВЕРОВ

Учился у Гумилева	250
Снова приступ желтой лихорадки	250

Лидия ЧЕРВИНСКАЯ

Жить в трезвости и созерцаньи	251
Для большинства, уже давно	252
Когда-то были: мы — и бедняки	253
Жизнь непохожа на мечты	254
Все помню — без воспоминаний	254
То, что около слез. То, что около слов	255
Хочется блоковской, щедрой напевности	255
Мы больше ни о чем не говорим	256
Так гасят елочные свечи	256

Игорь ЧИННОВ

Порой, читая вслух парижским крышам	257
Вот, опять вдали кряхтенье	257
Немного рыбы и немного соли	258
В снежный вечер Млечный путь походит	258
Петух возвещает, чуть свет	259
Так посмотришь небрежно	259
Неужели не стоило	260
Острый угол подушки	260

Анатолий ШТЕЙГЕР

До того, как в зеленый дым	261
Мы верим книгам, музыке, стихам	261
Слабый треск опускаемых штор	261
Так это от века уже повелось	261
Дружба	262
Не эпилог, но все идет к концу	263
Как нам от громких отучиться слов	263
Как закричать, чтоб донеслось в тюрьму	264
Никто как в детстве нас не ждет внизу	264
Сентябрь	265
Вечером выйдем гулять по меже	266
У нас не спросят: вы грешили	266

ОТДЕЛ III

Николай БЕЛОЦВЕТОВ

Как рыболов, в углу своем один	269
Снова стихи, голубые, небесные розы	269
Я боюсь, что яблоневым цветом	270
Грозди грустно. Гроздь устала	270
Как пронзает улыбка твоя, Лакримоза	271

Раиса БЛОХ

Принесла случайная молва	272
В гулкий час предутренних молений	272

Александр БРАЙЛОВСКИЙ

Усталой поступью к закату	273
-------------------------------------	-----

Вера БУЛИЧ

О графика, о музыка ветвей	274
Гельсингфорс на заре	275
Зеркальный вечер лежит на водах	276

К. ГЕРШЕЛЬМАН	
Удалось однажды родиться	277
В далекой вечности, когда я стану богом	277
Этот мир, где Пушкин и Шекспир	278
А самое главное? — что	279
Евгений ГЕССЕН	
Писать стихи... Вернее, думать	280
Разлуки срок уже к концу подходит	281
Последние я провожаю дни.	282
Видишь, как небо пустеет	282
Мы с тобой должны быть нежны	283
Михаил ГОРЛИН	
Кадидия, Кадидия	284
Х. КРОТКОВА	
Ответ на анкету	285
Баллада о маяке	286
Вячеслав ЛЕБЕДЕВ	
Университетская поэма	287
Владимир НАБОКОВ	
Мы с тобою так верили в связь бытия	290
Был день как день	291
Каким бы полотном батальным не являлась	291
Кн. С. М. Качурину	292
О правителях	296
Александр НЕЙМИРОК	
Октавы	298
День за днем. Что ж, расплата с натурой	300
Борис НОВОСАДОВ	
Вчитываться в книги надо	301
Молчать, не замышляя мести	301
Татьяна ОСТРОУМОВА	
Чернеет заводь. Плывет луна	302
Голубеет теплый воздух	303
Всеволод ПАСТУХОВ	
Моему внуку	
1. В ложноклассической тунике	304
2. Ах, повторять лишь мне осталось	304
3. Я знаю тень иного мира	305
4. Не знаю как это случилось	305

Е. РУБИСОВА	
Смирение — игольное ушко	306
Иван САВИН	
Граница. И чем ближе к устью	307
Леонид СТРАХОВСКИЙ	
Почему бывают дали ясны	308
Глеб СТРУВЕ	
Ты легким поцелуем тронешь	309
Две вариации на одну тему	
1. Все давно уже сказано, спето	310
2. О чем душа тоскует и томится	310
Оставь меня в могиле темной	311
Татьяна ТИМАШЕВА	
Подруга нежная, последняя подруга	312
Я оглянулась на твои шаги	312
М. ТОЛСТАЯ	
Путем земным день ото дня проходишь	313
Михаил ЧЕХОНИН	
Умирая поют небесам	314
От этого ли, от того ли	315
Алексей ЭЙСНЕР	
Надвигается осень. Желтеют кусты	316
Ирина ЯССЕН	
Так вот оно, счастье, неожиданное счастье	318
И снова день встает из тьмы	318

ОТДЕЛ IV

Лидия АЛЕКСЕЕВА	
Дни летят, летят, не уставая	321
Подушку мха беззвучно оторвав	321
Клок облака в ущельи, на рассвете	322
Я привыкла трястись в дороге	322
Дом на Манхэттэне	323
Ольга АНСТЕЙ	
Кирилловские яры	
Ближе к полудню, он ясен был	324
Чаша последняя, те же места	324
В теле вселенной как грешная рана — Россия	325
С отроческих истоков	326

Ирина БУШМАН

- Не женой, а теплой рукавичкой 327
Ты названа незря березовой аллеей 327

Юрий ГАЛЬ

- Петербург 328
Под этим небом жить хотел бы 328
Психея! Ты вернулась к жизни 329
Ты провожать меня ходила 329
Потом я приходил по снегу 330
Не спится. Река не спит 330
Сияние русской зимы 330

Иван ЕЛАГИН

- Звезды 331
От полустанка до полустанка 334
Над ветлами, над ульями 335
Пока не заткнули кляпом 337
Бомбы истошный крик 338

О. ИЛЬИНСКИЙ

- Прорыв. И бои за такой-то город 340
На Запад 341
Осень 341

А. КАСИМ

- Откачнулась, прошла тальниками 342
Видно, думал пожить не любя 342

Д. КЛЕНОВСКИЙ

- Моя рука — день ото дня старей 343
В день, когда уже ничто не может 344
Мы с тобой ее запомнили 345
Я бродил по талым косогорам 346
Легкокрылым гением ведомы 347
На рубеже последних дней 348
Скажешь: был он зимней зорьки проще 348
Если кошка пищит у двери 349
Это все гораздо сложнее 350
Все мы нынче, так или иначе 352
Долг моего детства 353

Ирина ЛЕГКАЯ

- Солнечный август сел на скамью 354

В. МАРКОВ

Гурилевские романсы

Есть на свете и бродяги	355
Вы б могли понять наверно	356
Мы придумали Россию	359

Николай МОРШЕН

Я в осеннюю мзгу и холод	360
С вечерней смены, сверстник мой	361
Тюлень	362
Еще до наступления морозов	363
1943	364
Словно ласточки хвост, за кормою	365
Если все-таки ты уцелел	366

Юрий ТРУБЕЦКОЙ

Церковка, заросшие пригорки	367
И поздний дождь над миром, как тогда	368
Русский лес. И русские птицы	369
Белая матроска. Синие глаза	370
Ненужный снег залег давно	371

Георгий ШИРОКОВ

Не как все вы, и не тому же	372
Ранен	374

Аглая ШИШКОВА

Грибная баллада

Сколько же пади! Звону-то	375
Страшен ты, братец, очень	376
И кажется там, за лесом	377
Лирическому бы ладу	378

С. ЮРАСОВ

Ночь на седьмое ноября	379
----------------------------------	-----

УКАЗАТЕЛЬ

- АДАМОВИЧ, Георгий Викторович (Париж): На Западе, Париж, 1937 г.
- АЛЕКСЕЕВА, Лидия Алексеевна (Нью-Йорк).
- АМАРИ — Цетлин, Михаил Осипович (1882-1945): Прозрачные тени, Париж, 1920; Кровь на снегу, Париж, 1939.
- АМИНАДО Д. (Париж): Дым без отечества, Париж, 1921; Накинув плащ, Пар., 1929; Нескучный сад, Пар., 1935; В те баснословные года, Пар., 1951.
- АНСТЕЙ, Ольга Николаевна (Нью-Йорк): Дверь в стене, Мюнхен, 1949.
- БАЛЬМОНТ, Константин Дмитриевич (1867-1943): Святой час, Пар., 1920; Из мира поэзии, Берлин, 1921; Гамаюн, Стокгольм, 1921; Дар земле Пар., 1921; Мареву, Пар., 1922; Зовы древности, Берл., 1923; Сонеты солнца, меда и луны, Берл., 1923; Мое — ей, Прага 1924; В раздвинутой дали, Белград, 1930; Северное сияние, Пар., 1931.
- БЕЛОЦВЕТОВ, Николай Николаевич (1892-1950): Дикий мед, Берлин, 1930; Шелест, Рига, 1936; Жатва, Париж, 1953.
- БЕРБЕРОВА, Нина Николаевна (Нью-Йорк):
- БЛОХ, Раиса Ноевна (погибла в Германии, в 1943 г.): Мой город, Берлин, 1928; Тишина, Берл., 1935.
- БОЖНЕВ, Борис (Франция): Борьба за несуществование, Пар., 1952; Фонтан, Пар., 1927; *Silentium Sociologicum*, Пар. 1936.
- БРАИЛОВСКИЙ, Александр Яковлевич: Из классиков (переводы), Нью-Йорк, 1943.
- БУЛИЧ, Вера Сергеевна (Гельсингфорс): Маятник, Гельсингфорс, 1934; Пленный ветер, Ревель, 1938; Бурелом, Гельс., 1947.
- БУНИН, Иван Алексеевич (Париж): Собрание стихов, Пар., 1929; VIII том собр. соч., Берлин, 1935.
- БУШМАН, Ирина Николаевна (Кобург).
- ВЕЛИЧКОВСКАЯ, Тамара Антоновна (Париж): Белый посох, Пар., 1952.
- ВЕЛИЧКОВСКИЙ, Анатолий Евгеньевич (Париж): Лицом к лицу, Пар., 1952.
- ГАЛЬ, Юрий (пропал без вести, в 1945 г.).
- ГЕРШЕЛЬМАН, Карл Карлович (1899-1951).
- ГЕССЕН, Евгений Сергеевич (пропал без вести в Германии).
- ГИНГЕР, Александр Самсонович (Париж.): Свора верных, Париж, 1922; Преданность, Пар., 1925; Жалоба и Торжество, Париж, 1939.
- ГИППИУС, Зинаида Николаевна (1869-1945): Дневник, Берлин, 1922; Сияния, Пар., 1937

- ГОЛОВИНА, Алла Сергеевна (Париж): Лебединая карусель, Берл., 1935.
- ГОРЛИН, Михаил Генрихович (пропал без вести в Германии): Путешествия, Берл., 1936.
- ГРОНСКИЙ, Николай Павлович (1909-1934): Стихи и поэмы, Пар., 1936(?).
- ДРЯХЛОВ, Валериан Феодорович (Париж).
- ЕЛАГИН, Иван Венедиктович (Нью-Йорк): По дороге оттуда, Мюнхен; Ты, мое столетие, Мюнх., 1948.
- ЗАКОВИЧ, Борис (Франция).
- ЗЛОБИН, Владимир Ананьевич (Франция): После ее смерти, Пар., 1951.
- ИВАНОВ, Вячеслав Иванович (1866-1949): Человек, Пар., 193?.
- ИВАНОВ, Георгий Владимирович (Париж): Вереск, Берл., 1923 (2-ое изд.), Сады, Берл., 1923 (2-ое изд.); Розы, Пар., 1931; Отплытие на остров Цитеру, Берл., 1937; Портрет без сходства, Пар., 1950.
- ИЛЬИНСКИЙ, Олег Павлович (Мюнхен).
- КАСИМ, А. (Нью-Йорк).
- КЕЛЬБЕРИН, Лазарь Израилевич (Париж): Идол, Пар., 1930.
- КЛЕНОВСКИЙ, Дмитрий Иосифович (Бавария): След жизни, 1950; Навстречу небу, Франкфурт-на-Майне, 1952.
- КНОРРИНГ, Ирина Николаевна (1906-1943): Стихи о себе, Пар., 1931; Окна на север, 1939; После всего, Пар., 1949.
- КНУТ, Довид Миронович (Израиль): Моих тысячелетий, Пар., 1925; Вторая книга стихов, Пар., 1928; Парижские ночи, Пар., 1932; Насущная любовь, Пар., 1928; Избранные стихи, Пар., 1949.
- КОРВИН-ПИОТРОВСКИЙ, Владимир Львович (Париж): Беатриче, Берл., 1928; Воздушный змей, Пар., 1950.
- КРОТКОВА, Христина Павловна (Нью-Йорк): Белым по черному, Пар., 1951.
- КУЗНЕЦОВА, Галина Николаевна (Нью-Йорк): Оливковый Сад, Пар., 1937.
- ЛАДИНСКИЙ, Антонин Петрович: Черное и Голубое, Пар., 1930; Северное сердце, Берл., Стихи о Европе, Пар., 1937; Пять чувств, Пар., Роза и чума, Пар., 1950.
- ЛЕБЕДЕВ, Вячеслав: Звездный крен, Прага, 1929.
- ЛЕГКАЯ И. (Нью-Йорк).
- МАКОВСКИЙ, Сергей Константинович (Париж): Somnium breve, Пар., 1948; Год в усадьбе, Пар., 1949; Круг и тень, Пар., 1951.
- МАМЧЕНКО, Виктор Андреевич (Франция): Тяжелые птицы, Пар., 1936; звезды в аду, Пар., 1946; В потоке света, Пар., 1949; Земля и лира, Пар., 1951.

- МАНДЕЛЬШТАМ, Юрий Владимирович (1908-1943); погиб в Германии): Остров, Пар., 1930; Верность, Пар., 1932; Третий час, Берл., 1936; Годы, Пар., 1950.
- МАТЬ МАРИЯ — Е. Кузьмина-Караваева (1891-1945, погибла в Германии): Стихи, Париж, 1949.
- МАРКОВ, Владимир Феодорович (Калифорния): Стихи, Франкфурт-на-Майне, 1947.
- МЕРЕЖКОВСКИЙ, Дмитрий Сергеевич (1865-1941).
- МОРШЕН, Николай Николаевич (Калифорния).
- МУРАВЬЕВ, Никита Сергеевич (Франция).
- НАБОКОВ, Владимир Владимирович (Итака, Н.-Й.): Стихотворения, Пар., 1952.
- НЕЙМИРОК, Александр Николаевич (Франкфурт-на-Майне): Стихи, Менхегоф, 1946.
- НОВОСАДОВ, Борис Христьянович (1907-1945?): Шершавые вирши, Ревель, 1936; По следам бездомных Аонид, Ревель, 1938.
- ОДАРЧЕНКО, Юрий Павлович (Париж): Денек, Пар., 1949.
- ОДОЕВЦЕВА, Ирина Владимировна (Париж): Контрапункт, Пар., 1951; Стихи, написанные во время болезни, Пар., 1952.
- ОСТРОУМОВА, Татьяна Иосифовна (С. Ш.).
- ОЦУП, Николай Авдеевич (Париж): Град, Берл., 1923 (2-ое изд.); В дыму, Пар., 1926; Встреча, Пар., 1928; Дневник в стихах, Пар., 1950.
- ПОПЛАВСКИЙ, Борис Юльевич (1903-1935): Флаги, Ревель, 1931; Снежный час, Пар., 1936; В венке из воска, Пар., 1937.
- ПАСТУХОВ, Всеволод Леонидович (Нью-Йорк).
- ПРЕГЕЛЬ, София Юльевна (Нью-Йорк и Париж): Разговор с памятью, Пар., 1935; Солнечный произвол, Пар., 1937; Полдень, Пар.
- ПРИСМАНОВА, Анна Семеновна (Париж): Тень и тело, Пар., 1937; Близнецы, Пар., 1946; Соль, Пар., 1949.
- РАЕВСКИЙ, Георгий Авдеевич (Париж): Строфы, Пар., 1928; Новые стихи, Пар., 1946.
- РУБISOVA, Е. (Нью-Йорк).
- САВИН, Иван (умер в 1927 г.).
- СЕВЕРЯНИН, Игорь Васильевич (1887-1942): Rühajogi, Юрьев, 1919; Crème de violettes, Юрьев, 1919; Вербена, Юрьев, 1920; Менестрель, Берл., 1921; Миррелия, Берл., 1922; Фея Эйоле, Берл., 1921; Падучая стремнина, Берл., 1922; Соловей, Берл., 1923; Трагедия Титана, Берл., 1923; Роса оранжевого часа, Юрьев, 1925; Колокола собора чувств, Юр., 1925; Классические розы, Белград, 1931; Адриатика, Нарва, 1932; Медальоны, Белград, 1934.

- СМОЛЕНСКИЙ, Владимир Алексеевич (Париж): Закат, Пар., 1931; Наедине, Пар., 1938.
- СОФИЕВ, Юрий Борисович (Париж): Годы и камни, 1936.
- СТАВРОВ, Перикл Ставрович (Париж): Без последствий, Пар., 1933; Ночью, Пар., 1937.
- СТРАХОВСКИЙ, Леонид Иванович (Торонто): Ладья, Борл., 1922; У антиквара, Брюссель, 1927.
- СТРУВЕ, Глеб Петрович (Калифорния).
- ТАУБЕР, Екатерина Леонидовна (Франция): Одиночество, Берл., 1935; Под сенью оливы, Пар., 1940.
- ТЕРАПИАНО, Юрий Константинович (Париж): Лучший звук, Мюнхен, 1926; Бессонница, Берл., 1935; На ветру, Пар., 1938; Странствие земное, Пар., 1951.
- ТИМАШЕВА, Татiana Николаевна (1891-1950).
- ТОЛСТАЯ, Мария Андреевна (Нью-Йорк).
- ТРУБЕЦКОЙ, Юрий Павлович (Бавария): Петербургские строфы, Герм., 1946.
- ТУРОВЕРОВ, Николай Николаевич (Париж): Путь, Пар., 1928; Стихи, Пар., 1937, 1939, 1942, 1944.
- ТЭФФИ, Надежда Александровна (1872-1952): Шамрам; *Passiflora*, Берл., 1923.
- ХОДАСЕВИЧ, Владислав Фелицианович (1886-1939): Счастливый домик, Берл., 1921; Тяжелая лира, Берл., 1923; Собрание стихов, Пар., 1927.
- ЦВЕТАЕВА, Марина Ивановна (1892-1941): Стихи к Блоку, Берл., 1922; Разлука, Берл., 1922; Ремесло, Берл., 1922; Психея, Берл., 1922; Царь-Девуца, Берл., 1922; Молодец, Прага, 1924; После
- ЧЕРВИНСКАЯ, Лидия Давыдовна (Париж): Приближения, Пар., 1934; Рассветы, Пар., 1937.
- ЧЕХОНИН, Михаил Георгиевич (Нью-Йорк): Стихи, 1946.
- ЧИННОВ, Игорь Владимирович (Париж): Монолог, Пар., 1950.
- ШИРОКОВ, Георгий (Калифорния).
- ШИШКОВА, Аглая Сергеевна (Франкфурт-на-Майне).
- ШТЕЙГЕР, Анатолий Сергеевич (1907-1944): Этот день, Пар., 1928; Эта жизнь, Пар., 1932; Неблагодарность, Пар., 1936; Дважды два четыре, Пар., 1950.
- ЭЙСНЕР, Алексей Владимирович.
- ЮРАСОВ, С. (Нью-Йорк).
- ЯССЕН, Ирина (Нью-Йорк): Земной плен, Н.-Й., 1944; Дальний путь, Н.-Й., 1946; Лазурное око, Пар., 1950.

**Printed in U. S. A.
WALDON PRESS,
203 Wooster Street,
New York 12, N. Y.**